Э. Н. НАДЖИП

СОВРЕМЕННЫЙ УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

ИВЛ

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

Э. Н. НАДЖИП

СОВРЕМЕННЫЙ УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1960

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Э. Н. Наджипа «Современный уйгурский язык» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им

высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Основная масса уйгуров живет в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, расположенном на крайнем северо-западе Китайской Народной Республики. Площадь района превышает 1,5 млн. *кв. км* и составляет одну пятую часть всей территории Китая.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе наряду с уйгурами (приблизительно 3,6 млн. человек, или 70% всего населения данного района) живут представители 14 национальностей, в том числе китайцы, монголы, дунгане, казахи, киргизы, таджики, узбеки, татары и др.

На территории Советского Союза, главным образом в КазахССР и частично в УзССР, живет около 95 тыс. уйгуров, выходцев из Восточного Туркестана.

Язык советских уйгуров в результате общения их с другими тюркоязычными народами (узбеками, казахами, киргизами и пр.), а также благодаря влиянию русского языка несколько отличается от языка уйгуров Китая.

Наш очерк посвящен характеристике языка уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Сведения о письменности уйгуров. Уже в VII в. уйгуры пользовались своей особой письменностью, в основе которой, по-видимому, лежал новосогдийский алфавит. Впоследствии уйгурская письменность была заимствована (с некоторыми изменениями) маньчжурами и монголами.

В XI—XII вв., при Караханидах, уйгуры стали широко применять арабскую письменность. Однако уйгурское письмо продолжало существовать в Средней Азии, Хорасане, Золотой Орде до XVI в., а желтые уйгуры пользовались им до начала XIX в.

Уйгуры приняли арабский алфавит с теми дополнительными знаками, которые входили в алфавиты ираноязычных народов, употреблявших арабскую графику: ﮒ، ژ، چ، پ.

Поскольку арабский алфавит не соответствовал звуковому составу уйгурского языка, была предпринята рефор-

ма алфавита и орфографии, осуществлявшаяся в течение ряда лет.

Вначале были введены дополнительные знаки для передачи гласных фонем исключительно в уйгурских словах, арабские и персидские заимствования продолжали сохранять присущую им орфографию; вскоре, однако, это правило распространилось и на указанные заимствования. Вслед за этим из уйгурского алфавита были исключены буквы ظ، ط، ض، ص، ذ، ث, как отражающие специфические арабские звуки. На следующем этапе проведения реформы были исключены также буквы ح и ع. В результате реформированный уйгурский алфавит выглядит следующим образом[1]:

ئا ئە ب پ ت ج چ خ د ر ز ژ س ش غ ف ق ك گ ڭ ل م

м л ң г к қ ф ғ ш с ж з р д х ч җ т п б ә а

ن و ۇ ۆ ھ ە ى

й и е ҳ в у/ү о/ө н

11 декабря 1959 г. на Втором совещании языковедов Синьцзян-Уйгурского автономного района был принят проект уйгурского алфавита, созданного на основе латинского и согласованного с новым транскрипционным алфавитом для китайского языка. По проекту в латинизированном уйгурском алфавите насчитываются 33 буквы, из них 27 совпадают с соответствующими буквами китайского транскрипционного алфавита, а другие шесть используются для передачи специфических звуков уйгурского языка:

Aa Əə Bв Cc Дd Ee Ff Gg Ƣƣ Hh Hẖ Ii Jj Кк Ққ Ll Mm

а ә б ц д е ф г ғ х һ и дж к қ л м

Nn Oo Өө Pp Qq Rr Ss Tt Uu Üü Vv

н о ө п ч р с т у ү губно-зубной *в*

Ww Xx Уу Zz Zẕ.

губно-губной *в ш й з ж*

Буквы «c» и «v», а также предусмотренные в новом алфавите «zh» (*чж*), «ch» (*чш*) и «sh» (ш) предназначены для передачи соответствующих звуков в заимствованиях главным образом из китайского языка.

Литературный язык и диалекты. В тюркологической литературе до последнего времени было распространено мнение, что уйгурский язык имеет много диалектов: кашгарско-яркендский, илийский, аксуйский, хотанский, турфанский и лобнорский[2]. С. Е. Малов, называя диалекты наречиями, присоединял к ним также хамийский и кучарский[3].

Основой формирующегося нового уйгурского литературного языка долгое время по традиции считался кашгарский диалект, явившийся в свое время базой для создания староуйгурского литературного языка. Исходя из этого традиционного представления, нормативные грамматики уйгурского языка писались на основе кашгарского диалекта, однако язык газет и журналов, издававшихся в Чугучаке, носил следы сильного влияния татарского, казахского и узбекского языков (в области фонетики, лексики и даже в грамматическом строе).

После образования Китайской Народной Республики на уйгурский литературный язык все большее влияние стал оказывать илийский диалект.

Исследование диалектов и говоров современного уйгурского языка, которое проводилось в 1956—1957 гг. под руководством Института по изучению языков нацменьшинств АН КНР, показало, что можно выделить как диалекты лишь язык хотанцев и лобнорцев; остальные «диалекты» (кашгарский, илийский, хамийский, аксуйский, яркендский) отличаются друг от друга главным образом фонетически, грамматических же и лексических расхождений, как правило, обнаруживается очень мало; поэтому все они могут рассматриваться в качестве говоров одного так называемого центрального диалекта, который сейчас и лежит в основе литературного языка.

Примечание. Что касается желтых уйгуров, саларов и доланов, то их языки в настоящее время не могут считаться диалектами современного уйгурского языка, а должны рассматриваться как самостоятельные языки уйгурской группы.

В современном уйгурском языке наблюдается сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния диалектов (говоров) и литературного языка: происходит обогащение литературного языка и в то же время проникновение его элементов в отдельные диалекты и говоры. Благодаря распространению газет и журналов, радиофикации всего автономного района и широкой сети просвещения в настоящее время заметно стираются грани как между отдельными

[1] Современный алфавит советских уйгуров составлен на основе русской графики и включает 40 букв: Аа Əə Бб Вв Гг Ғғ Дд Ее Ёё Жж Җҗ Зз Ии Йй Кк Ққ Лл Мм Нн Ңң Оо Өө Пп Рр Сс Тт Уу Үү Фф Хх Һһ Цц Шш Щщ ъ ы ь Ээ Юю Яя

[2] Н. А. Баскаков и В. М. Насилов, *Уйгурско-русский словарь*, М., 1939, стр. 173.

[3] С. Е. Малов, *Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна*,— сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу», Л., 1934, стр. 311.

говорами и диалектами, так и между говорами и диалектами, с одной стороны, и литературным языком — с другой.

На данном этапе развития уйгурского литературного языка отбор лексики, образование ряда грамматических форм, нормы произношения, особенно правописания, многих слов не всегда регулируются твердыми правилами и не могут считаться вполне установившимися.

О характерных особенностях уйгурского языка. Современный уйгурский язык имеет свои специфические черты, отличающие его от других тюркских языков[4].

В лексике уйгурского языка много архаизмов и чисто уйгурских слов, несвойственных другим современным тюркским языкам. В качестве примера можно привести следующие слова; *сайса* 'сейчас', *сайлқи* 'давешний', *әнгизә* 'потом', *жиқ* 'много', *хойма* 'очень', *тадан* 'хитрец', *зизә* 'после', *удул* 'прямой' и т. д. Древнетюркское *тақуғу* 'курица' (ср. совр. *тавуқ||тавық*) сохранилось здесь в виде *тоху* (т. е. в форме, более близкой к архаической). Ряд общетюркских корней в уйгурском языке дал образования, не встречающиеся ни в одном из тюркских языков. Например, от общетюркского слова *кәң* 'широкий' при помощи древнего аффикса направительного падежа в уйгурском образовано *кәңри* с тем же значением. От общетюркского *техи||тәқи||дәхи* (*däha*) при помощи аффикса ограничения *-чә* здесь образовано *техичә* 'до сих пор', 'все еще'. От общетюркского указательного местоимения *шу||шул||шол* 'вот это' при помощи сложных аффиксов образовано *шунлашқа* 'поэтому' и *шунчувала* 'до такой степени'. От общетюркского глагола *тур-* 'стоять' при помощи древнего аффикса имени действия *-ғу* образовано уйг. *турғу* 'позиция' (например, *синпий турғу* 'классовая позиция', *тамаша турғусидин* 'с позиции наблюдателя'). От этого же глагола посредством аффиксов *-(у)ғ* и *-луқ* образовано слово *туруғлуқ*, которое, сочетаясь с местоименным наречием *шундақ* 'так', дало наречное выражение *шундақ туруғлуқ* 'если так', 'раз так', 'таким образом', 'поэтому'. От общетюркского *тән* 'тело' посредством аффикса *-лик* образовано уйг. *тәлик* 'бельё'. Общетюркское *пут||бут* 'нога' в уйгурском дало производный глагол *путлаш-* 'спотыкаться', отсутствующий в других тюркских языках.

Уйгурский язык выделяется среди других тюркских

[4] О месте уйгурского языка среди других тюркских языков см. в следующих работах: С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 6, 7; Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, приложение 1, 2.

языков наличием значительного количества производных глаголов, образованных от общетюркских имен и либо отсутствующих в других тюркских языках, либо отличающихся способом своего образования. Например, от основы *түш* 'сон' в других тюркских языках встречается глагол *түш көр-* 'видеть сон', а в уйгурском — производный глагол *түши-* и имя действия *түшәш* 'сновидение' (*әгәр бир киши түшидә әрәп падишалирини түшисә...* 'если кто во сне увидит арабских падишахов...'); от основы *күч* 'сила' в других языках образован глагол *күчлә-* 'применять силу', 'насиловать', а в уйгурском—*күчә* [*Японийани қуралландурушқа күчәп* 'заставляя (букв.: 'насилуя') Японию вооружиться']; от *конә* 'старый' образовался глагол не *көнилән-*, а *конирә-* и т. д.

Наблюдается немало случаев, когда имя существительное и основа глагола по своей форме совпадают, например при непосредственном присоединении к имени существительному *тамча* 'капля' аффикса *-ш* образуется имя действия *тамчаш*.

Кроме того, лексика уйгурского языка характеризуется значительным количеством заимствований из китайского, за редким исключением отсутствующих в других тюркских языках (мы не имеем здесь в виду языки казахов, киргизов и других представителей тюркских народов и народностей, живущих на территории КНР).

Уйгурский язык отличается также и своими новообразованиями, многочисленными случаями переосмысления старых слов, кальками, образованию которых в большой степени способствуют переводы с китайского языка. Приведем примеры.

Слова *ечил-* 'открываться' и *сайра-* 'петь' (только в отношении птиц) известны всем тюркским языкам; в уйгурском сочетание *ечилиш-сайраш* употребляется в настоящее время в переносном значении: 'открыто говорить все то, что есть на душе'. Слово *бохча* раньше означало лишь 'сумочка'; в настоящее время приобрело переносное значение 'душонка' (*шәхсийәтчилик бохчиси* 'эгоистическая душонка'). Словосочетание *сәкрәп илгәриләш* (букв.: 'прыгая, двигаться вперед') имеет сейчас значение 'скачок'. *Сунъий хәмра* 'искусственный спутник' употребляется в переносном значении 'ударник', 'передовик'>'рекорд', откуда становится возможным составной глагол *сунъий ҳәмра қой-* 'поставить рекорд'.

От употребляющихся и в других тюркских языках слов образованы неологизмы *жиллиқчи* в значении 'батрак', 'наемный рабочий', *китапчилиқ* 'начетничество', 'писани-

на' (ср. *китапчилиқ учун китап йаз-* 'писать книгу ради того, чтобы писать') и т. д.

Представляют определенный интерес такие образования, которые невозможны в других тюркских языках; *коммунизмчи* 'сторонник коммунизма', 'сочувствующий коммунизму', *коммунистлаштур-* 'перевоспитать в коммунистическом духе', *коммунизмлиқ* 'коммунистический', *субъективизмлик* 'субъективный', *мәзҳәпчилик* 'сектантство'[5].

Заслуживают внимания и производные глаголы, образованные от таких слов, как *ашхана* 'столовая', *ҳарва* 'телега', *қизил* 'красный', 'коммунист' и т. д., которые также невозможны в других тюркских языках: *ашханалаштур-* 'обеспечить столовыми' (букв.: 'столовизировать'), *ҳарвулаштуруш* 'обеспечение тягловыми силами' (букв.: 'отелегизирование'), *қизиллаштур-* 'перевоспитать в духе революции', *коммунистлаштур-* 'перевоспитать в коммунистическом духе' (букв.: 'окоммунизировать') и т. д. Употреблявшиеся до сих пор прилагательные типа *коммунистик* 'коммунистический' вытесняются новыми образованиями типа *коммунизмлик*, например *коммунизмлик дүнийа қараш* 'коммунистическое мировоззрение'.

В уйгурском языке широко распространено явление стяжения, которое частично наблюдается и в некоторых других тюркских языках (например, в казахском). Сложные глаголы в уйгурском подвергаются стяжению в такой степени, что от смыслового глагола часто остается только первый слог и даже один начальный звук, которые, соединяясь с аффиксом деепричастия, могут образовывать закрытый слог.

В процессе словообразования и словоизменения в уйгурском языке часто нарушается неизменность корня, считающаяся характерной чертой тюркских языков.

Уйгурский язык характеризуется наличием двух типов склонения некоторых имен и местоимений, что свойственно и монгольскому языку, а также возможностью присоединения к падежным формам словообразующих аффиксов; данное явление отмечено в некоторых других тюркских языках и до известной степени повторяется в монгольских языках, что дает основание, по-видимому, отнести его к периоду монгольско-уйгурской общности.

Ряд временных форм глагола в уйгурском языке своеобразен и отсутствует в других тюркских языках.

Отмеченные нами особенности будут проиллюстрированы в соответствующих разделах очерка.

---

[5] Здесь произошло переосмысление араб. *мәзҳәп* 'секта' (религиозная).

Из истории развития и изучения уйгурского языка и культуры уйгуров. Изучение уйгурского языка фактически было начато во второй половине XI в. Махмудом Кашгарским, который в своем капитальном «Словаре тюркских языков» впервые дал весьма ценные сведения о лексике и грамматическом строе уйгурского языка наряду с другими тюркскими языками. Рассуждения автора сопровождаются многочисленными примерами, среди которых значительное место занимают фольклорные материалы.

В дальнейшем, начиная с XIV в., в Средней Азии и Египте создавались различные словари и грамматики тюркских языков, отражающие в той или иной степени фонетику, грамматику и лексику уйгурского языка. Среди них особо следует отметить словарь и грамматику Ибн Муханны на арабском языке. Изучение европейскими учеными уйгурской письменности (а в связи с этим и языка) было начато в 20-х годах XIX в.

Дошедшие до нас памятники уйгурского языка делятся на арабописьменные и уйгурописьменные. Арабописьменные памятники, как правило, отражают исключительно мусульманскую идеологию, уйгурописьменные же отражают как мусульманскую, так и буддийскую, христианскую и манихейскую идеологии; некоторые рукописи, отражающие мусульманскую идеологию, написаны арабским и уйгурским письмом.

Первые памятники уйгурского письма имели буддийское содержание и являлись переводами религиозных книг с тибетского, индийского и китайского языков. Следовательно, языковые взаимоотношения китайского и уйгурского народов датируются в соответствии с существующими памятниками. В V в. среди уйгуров при посредничестве согдийцев распространяются книги манихейского содержания. Можно, таким образом, говорить о том, что элементы согдийского языка и его преемников — таджикского и персидского[6] — начали проникать в уйгурский язык именно в этот период. Так, в «Покаянной молитве манихейцев», которая является переводом с согдийского языка (V в.), имеется ряд заимствований из согдийского: *бристи* (перс. *фәриштә*) 'ангел', *динтар* (перс. *диндар*) 'благочестивый' и др.

С образованием в VIII в. (763 г.) среди уйгуров первых манихейских общин усиливается проникновение элементов

---

[6] Говоря о персидском языке, мы имеем в виду средневековый литературный язык, созданный предками современных таджиков и персов, а также диалекты, на которых говорили создатели этого литературного языка.

таджикского языка. В дальнейшем на уйгурском алфавите появляются деловые бумаги различного содержания.

Уйгуры исповедовали и христианство. Фрагменты произведений христианского содержания найдены в Центральной Азии и опубликованы Ф. В. К. Мюллером и А. Лекоком. Они представляют собой евангельский отрывок о поклонении волхвов младенцу Христу и увещание от грехов и соблазнов. Книги христианского содержания были переведены также с согдийского языка. Это в свою очередь привнесло в уйгурский язык еще в доисламский период новые, ираноязычные элементы, в основном термины и слова из области религии.

Таким образом, уйгурский литературно-письменный язык начального периода вырабатывался в процессе перевода текстов религиозного характера с китайского, тибетского, согдийского языков и санскрита.

Изучая язык сутры «Золотой блеск», В. В. Радлов пришел к выводу, что уйгурский письменный литературный язык выработался в VIII—X вв. и сохранялся без изменений в монастырях, осуществлявших перевод и переписку религиозных текстов.

С проникновением в Восточный Туркестан ислама (который в дальнейшем стал религией всего уйгурского народа) в XI в. появляются книги мусульманского содержания, написанные на арабском алфавите.

Первым литературным памятником уйгурского языка, в котором отразилось влияние ислама, была, по-видимому, поэма «Кутадгу билиг», законченная ее автором Юсуфом Баласагунским в 1096 г. Этот памятник сохранился в трех списках: список на уйгурском алфавите хранится в Вене, а два списка на арабском алфавите — в Каире и Ташкенте. Список на уйгурском алфавите относится к 1439 г. и переписан в Герате; над этой рукописью в свое время работали такие ученые, как А. Жобер, Г. Вамбери, В. В. Радлов. В настоящее время в Турции опубликованы все три списка «Кутадгу билиг» с переводом на турецкий язык.

Следующим по времени крупным произведением на уйгурском языке является поэтическое сочинение дидактического содержания «Хибат ул-хакаик» («Подарок истин») Ахмада Адиба. Памятник этот не датирован; основываясь на анализе содержания и языка, его относят к концу XII — началу XII в. Упомянутое произведение дошло до нас в нескольких списках, написанных в арабской и уйгурской графике. В настоящее время в Турции опубликовано монографическое исследование, включающее все списки и перевод «Хибат ул-хакаик» на турецкий язык со словарем.

К 1310 г. относится крупный памятник уйгурской литературы мусульманского содержания «Сказание о пророках» Рабгузи.

Дальнейший период развития уйгурской литературы не исследован. Нам известно, что Кашгар при Тимуридах и в последующие века являлся одним из крупных культурных научных центров мусульманского Востока, где создавались научные и художественные произведения. В настоящее время в центре Синьцзян-Уйгурского автономного района, в г. Урумчи, собрано около 4000 рукописей, некоторые из них имеют 900-летнюю давность. Исследование и публикация наиболее ценных рукописей этого фонда поможет осветить малоизученный период в развитии уйгурской литературы и языка. Дошедшие до нас более поздние памятники относятся ко второй половине XIX в. и имеют главным образом историческое содержание.

Что касается юридических документов, написанных на уйгурском алфавите, то первые из них были вывезены в 1897 и 1898 гг. В. И. Роборовским, П. К. Козловым и Д. А. Клеменцем, затем экспедициями А. Грюнведеля и А. Лекока. Эти документы относятся к XI—XIV вв. и в основном изучены и опубликованы В. В. Радловым (в 1899 г. и посмертно — в 1928 г.). В 1918 г. А. Лекоком были опубликованы четыре уйгурских юридических документа с переводами.

Над изучением найденных в конце XIX — начале XX в. в Центральной Азии фрагментов книг христианского и манихейского содержания и значительного количества произведений буддийского содержания работали европейские и русские ученые. В 1908 г. появилась серия «Uigurica» Ф. В. К. Мюллера, содержащая христианский евангельский отрывок о поклонении волхвов и несколько фрагментов из сутры «Золотой блеск».

В 1909 г. В. В. Радлов опубликовал «Покаянную молитву манихейцев». В последующие годы В. В. Радлов, А. Лекок, Ф. В. К. Мюллер опубликовали еще ряд памятников манихейского содержания. Фрагменты рукописи сутры «Золотой блеск», которая была переведена на уйгурский язык в X в., найдены С. Е. Маловым в провинции Ганьсу, около г. Сучжоу, в 1910 г. Рукопись датирована 1687 г. Ранее отдельные фрагменты этого памятника были найдены Третьей немецкой экспедицией в Турфанском оазисе и частично опубликованы в 1908 г. Ф. В. К. Мюллером. Сутра «Золотой блеск» изучалась и была полностью опубликована В. В. Радловым и С. Е. Маловым в 1913—1917 гг. В 1930 г. вышел немецкий перевод этого памятника, сделанный В. В. Радловым.

Среди найденных С. Е. Маловым рукописей имеются ценные материалы переводного характера и буддийского содер-

жания, наиболее поздние из которых относятся к 1702 г. С. Е. Малов регулярно издавал также материалы по уйгурской диалектологии (с соответствующими словарями), собранные им в начале XX в. на местах. Среди этих работ особо следует выделить «Язык желтых уйгуров», где наряду с грамматическим очерком приведен довольно полный словарь.

Касаясь изучения современного уйгурского языка, нельзя не отметить грамматику уйгурского языка, написанную Р. Шоу на материале кашгарского говора и фактически отражающую нормы книжного языка [7]. Заслуживает упоминания грамматика Г. Ракетта [8].

Из работ советских лингвистов отметим «Учебник уйгурского языка» А. К. Боровкова [9] и «Грамматику уйгурского языка» В. М. Насилова [10], а также «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова с приложением грамматического очерка [11] и «Русско-уйгурский словарь», изданный в 1956 г. в Москве.

За последние годы выпущены элементарные грамматики уйгурского языка для уйгурских школ в СССР и в КНР. Частным вопросам грамматики уйгурского языка посвящен ряд диссертационных работ, защищенных в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Алма-Ате.

ЛЕКСИКА

Иноязычные элементы. Уйгуры с древнейших времен непосредственно соприкасались с родственными тюркоязычными племенами, китайским народом и с различными монгольскими племенами, в результате чего в уйгурский язык начали рано проникать иноязычные элементы. В качестве наиболее ранних заимствований можно выделить китайские и монгольские; из тюркоязычных заимствований более старыми являются киргизские языковые элементы. В дальнейшем в уйгурский язык проникают карлукские, огузские и незначительное количество кыпчакских элементов. После переселения уйгуров в Восточный Туркестан в связи с расширившимися торгово-экономическими отношениями уйгуров, а затем и в связи с принятием ислама в уйгурский язык заимствуются персидские и арабские (через посредство персидского языка) слова.

В V—X вв. в уйгурский язык вошло большое количество

[7] R. Shaw, *A sketch of the turki language as spokeng in Eastern Turkistan*, Lahore, 1875; Calcutta, 1878—1880.
[8] *«Eastern Turki grammar by G. Raquette»*, Berlin, 1912—1914.
[9] А. Боровков, *Учебник уйгурского языка*, Л., 1935.
[10] В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940.
[11] Н. А. Баскаков и В. М. Насилов, *Уйгурско-русский словарь*, М., 1939.

китайских, согдийских и санскритских слов, благодаря переводу на уйгурский язык религиозных книг буддийского и манихейского содержания; это были по преимуществу слова, связанные с религией и дидактикой, а также выражающие абстрактные понятия или относящиеся к сфере бытовой лексики.

В дальнейшем, после распространения ислама, начался процесс заимствования арабских и персидских слов, в первую очередь связанных с религией, а затем — с наукой, общественным устройством, государственным управлением, моралью и мусульманской культурой вообще; следовательно, эти заимствования в основном передавали абстрактные понятия, и благодаря им в уйгурском языке значительно увеличилось количество синонимов. Наиболее интенсивно заимствование арабских и персидских слов осуществлялось в XIV—XVI вв., когда Кашгар и некоторые другие города Восточного Туркестана стали значительными культурными центрами, вокруг которых объединились ученые, писатели, поэты, участвовавшие в создании собственно уйгурской культуры.

После присоединения Восточного Туркестана к Китаю усиливается приток в уйгурский язык китайских элементов. Однако религиозная отчужденность уйгуров и китайцев резко ограничивала сферу проникновения китаизмов. Это были в основном слова из области административно-управленческой терминологии, и лишь незначительное количество заимствованных слов относилось к бытовой лексике.

С середины прошлого века в Восточный Туркестан стал проникать российский капитал, в связи с этим в уйгурский язык вошло некоторое количество русских слов.

В результате всех заимствований в уйгурском языке к началу XX в. иноязычные элементы составляли примерно половину всего словарного состава.

Среди иноязычных элементов в современном уйгурском языке значительное место занимают арабские заимствования: они, если учитывать и производные слова, образованные при помощи уйгурских и персидских словообразовательных формантов, составляют более двух пятых словарного состава современного уйгурского языка (это в равной степени относится и к разговорному языку). Фарсизмы составляют 7—8%.

Большой процент арабских заимствований в уйгурском языке объясняется тем, что для уйгуров арабский язык всегда был языком религии. Богословские и дидактические книги в основном писались (а в духовных школах изучались) на арабском языке.

Некоторое количество богословских книг писалось и на персидском языке, но для уйгуров он все же оставался языком

исторических трудов и художественных произведений, главным образом поэзии. В школах (медресе) наряду с арабским языком преподавался и персидский. Тем не менее персидский язык по своему влиянию на уйгурский не смог сравниться с арабским языком: в известной мере это объясняется тем, что и персидский язык испытал на себе значительное влияние арабского языка, следы которого ощущаются не только в лексике, но и в области грамматики [1].

Интересные выводы можно сделать из анализа лексики уйгурского языка с точки зрения ее происхождения, дифференцируя в то же время слова по грамматическим категориям.

Произведенный нами в 1944 г. анализ газетной лексики (3 тыс. слов, с учетом повторений — 15 тыс.) показал, что в уйгурском языке собственно уйгурские слова составляют меньше половины словарного состава. При распределении заимствований по языкам-источникам получилось следующее процентное соотношение: уйгурские слова — 49%, арабизмы — 33,5%, персидские слова — 7,5%, русизмы и европеизмы — 5,5%, китаизмы — 2%, разного рода составные слова, образованные от заимствований посредством уйгурских словообразовательных элементов, — 2,5% (сюда не включены составные глаголы, которые отнесены к соответствующим группам заимствований в зависимости от характера слова, лежащего в их основе).

Арабизмы. В языке первого дошедшего до нас оригинального произведения уйгурской классической литературы «Кутадгу билиг» (XI в.) можно зафиксировать лишь 94 слова арабского происхождения; это показывает, что основная часть арабских заимствований относится к более позднему периоду. Если в первое время арабо-персидские элементы проникали в результате экономических взаимоотношений уйгуров с арабами и персами, то в дальнейшем, после принятия ислама, арабская лексика вошла в уйгурский язык вместе с мусульманской культурой, с арабским письмом, с богословскими книгами и через посредство духовных школ. С этого периода проникновение арабских слов резко усиливается. По количеству арабизмов уйгурский книжно-письменный язык XIV—XIX вв. приближается к письменному староузбекскому (так называемому чагатайскому) языку, чему в большой степени способствовала особая генетическая близость этих языков, которая в дальнейшем поддерживалась искусственно в силу существующей традиции.

[1] О количестве арабизмов в современном персидском литературном языке см. в книгах: Е. Э. Бертельс, *Учебник персидского языка*, Л., 1932, стр. 5; Н. А. Белгородский, *Современная персидская лексика*, М.—Л., 1936, стр. 87.

Интересно количественное сопоставление арабизмов и чисто уйгурских слов. В современном уйгурском языке на пять уйгурских существительных приходятся семь существительных арабского происхождения. Составные и сложные слова в основном образуются из слов арабского происхождения. Треть всех глаголов (производных, составных и сложных) образована от арабских слов. Если рассматривать арабские заимствования с грамматической точки зрения, то среди них можно выделить масдары, причастия, имена места и времени, существительные, оформленные ломаным множественным числом, имена женского рода в формах единственного и множественного числа, наречия, прилагательные [2] и т. д. Арабские слова, сочетаясь с уйгурскими и персидскими, образуют составные слова, в ряде случаев при помощи персидских и уйгурских аффиксов и отдельных персидских слов и причастий, которые в уйгурском превратились в аффиксы (*-хана*, *-шунас*, *-саз* и т. д.), образуют производные слова. Все заимствованные арабские слова полностью подчиняются фонетическим законам уйгурского языка. Некоторые из них в уйгурском приобрели новые значения, например: *җәҳл* в арабском означает 'невежество', 'глупость', в современном уйгурском имеет значение 'гнев', 'зло'; араб. *муштәри* 'покупатель' в современном уйгурском стало означать только 'подписчик периодических изданий'.

Около 60% слов арабского происхождения употребляется в своих словарных формах как уйгурские простые слова. Около 20% арабизмов, выступая как в форме основного падежа, так и в уйгурских падежных формах, образует при помощи уйгурских вспомогательных глаголов отыменные составные глаголы. Затем по количеству заимствованных уйгурским языком лексических единиц следуют арабские имена действия и производные имена, образованные при помощи уйгурских аффиксов, например: *иттипақчи* 'союзник', *хәлқчилиқ* 'народничество', арабо-персидско-уйгурское *адәмгәрчилик* 'человечность' (в современном уйгурском языке в настоящее время встречается значительное количество таких трехэлементных слов) и т. д.

Следует отметить многочисленные случаи параллельного употребления арабского причастия действительного залога и производного имени, образованного при помощи уйгур-

[2] Из арабского заимствован аффикс *-ий*, образующий прилагательные в основном от арабских слов; интересно отметить, что этот аффикс в последнее время стал участвовать в образовании прилагательных и от заимствований из русского, например: *партийә—партийивий*, *идейә—идейивий*.

ского или персидского словообразовательного аффикса от арабского масдара того же корня, например: *хайин* и *хийанәтчи* 'предатель', *адил* и *әдаләтлик* 'справедливый', *залим* и *зулумкар* 'угнетатель', *қадир* и *қудрәтлик* 'могучий'.

В уйгурском языке успешно используются арабские грамматические формы мужского и женского рода, например: уйг. *оқутқучи* означает и 'учитель' и 'учительница'; если необходимо уточнение, употребляется сочетание *оқутқучи айал* в значении 'учительница'; на равных правах с указанными выше употребляются араб. *муәллим* 'учитель' и *муәллимә* 'учительница'; ср. также: *шаир* 'поэт' и *шаирә* 'поэтесса', *мудир* 'директор' и *мудирә* 'директриса' и т. д.

Ряд арабизмов заимствован в уйгурский язык в форме множественного числа, причем некоторые из них могут и в арабском языке иметь два показателя множественного числа, например: *хәвәр* 'известие', 'весть', *әхбар*—множественное число, *әхбарат*—вторичное множественное число, образованное при помощи аффикса множественного числа женского рода; ср. также *ҳал* 'положение', 'состояние', *әҳвал* и *әҳвалат* и т. д. В уйгурском подобные слова воспринимаются как представленные в форме единственного числа, и в силу этого они способны принимать уйгурские показатели множественного числа.

В уйгурском языке употребляется значительное количество так называемых арабских абстрактных имен, образованных от причастий действительного и страдательного залогов, а также формы множественного числа этих причастий, например: *мәғлубийәт* 'поражение', *ғалибийәт* 'победа', *мәсүлийәт* 'ответственность', но *мәҳлуқат* 'животные' и т. д.

Фарсизмы. Больше половины персидских заимствований передают конкретные понятия и названия предметов. Это объясняется тем, что в самом персидском языке основная масса абстрактных понятий выражается при помощи арабских слов, следовательно, можно сказать, что уйгурский язык заимствовал из персидского наряду с собственно персидскими и арабские слова.

Фарсизмы на данном этапе развития уйгурского языка занимают заметное место во всех разрядах слов, кроме числительных и послелогов, и принимают активное участие во всех словотворческих процессах: персидские словообразующие аффиксы, префиксы и перешедшие в число словообразующих аффиксов слова типа *ханә*, *намә*, *саз* и т. д. активно участвуют в словообразовании. Персидский язык обогатил уйгурский язык и некоторыми словосочетаниями,

чаще всего в форме так называемого персидского изафета, например: *абихәва* 'погода', 'климат', *әйди қурбан* 'праздник жертвоприношений', *дәсти әввәл* 'сперва', ср. также: *әз бәрайи худа* 'ради бога', *дәр ҳәқикәт* 'на самом деле', *бәд әхлақ* 'безнравственный'. Количество персидских заимствованных союзов превышает число арабских. Персидские слова принимают активное участие в образовании составных, производных, парных и сложных слов; около 20% персидских слов принимает участие в образовании глаголов. Больше половины персидских заимствований составляют имена существительные, около 20% — прилагательные. Половина всех имен существительных персидского происхождения прочно вошла в основной словарный фонд уйгурского языка, например: *пахта* 'хлопок', *җай* 'место', *асман* 'небо', *базар* 'рынок', *пул* 'деньги', *тухум* 'яйцо', *хәт* 'письмо', *хәнҗәр* 'кинжал', *дәрәх* 'дерево', *дихан* 'крестьянин', *дәрйа* 'река', *кала* 'корова', *кан* 'рудник', 'руда', *гүл* 'роза', *мевә* 'фрукты', *гош* 'мясо', *йағ* 'жир' и т. д.; в отличие от некоторых арабских, русских и китайских заимствований почти все заимствования персидского происхождения употребляются как в литературном, так и в общенародном уйгурском языке, потому что эти слова связаны, как правило, с различными сторонами экономической, культурной и общественной жизни человека.

Персидские слова (не считая, безусловно, аффиксов типа *-саз*, *-ханә*, *-намә* и др.) характеризуются тем, что они на современном этапе почти не принимают участия в терминотворческом процессе при обозначении новых понятий и названий предметов.

У некоторых слов персидского происхождения расширился круг значений, например: *нәмайиш* значит не только 'показ', но и 'политическая демонстрация', *гуна* — не только 'грех', но и 'вина'; надо сказать, однако, что среди арабизмов имеется гораздо больше таких слов.

Из персидского языка вошли в уйгурский некоторые непроизводные имена прилагательные, например: *арзан* 'дешевый' (но араб. *қиммәт* 'дорогой'), *ашкара* 'явный' (но араб. *мәхпий* 'тайный'), *пакизә* 'чистый' (но араб. *иплас* 'грязный'), *чәп* 'левый', *рас* 'правый', *хам* 'сырой', *хош* 'приятный', *рошән* 'ясный', *сахтә* 'фальшивый' и т. д. От этих прилагательных посредством префиксов персидского же происхождения *на-*, *бе-*, префикса (происходящего из самостоятельного слова) *бәд-* образуется ряд производных прилагательных, антонимичных соответствующим непроизводным. Эти же префиксы принимают участие в образовании производных прилагательных от многих арабских и

персидских слов (об образовании таких прилагательных можно говорить только условно, ибо все они фактически вошли в уйгурский язык в готовом виде).

Персидские слова используются также в образовании составных глаголов от именных основ при помощи уйгурских вспомогательных глаголов.

Процесс вытеснения персидских и особенно арабских слов неологизмами, русизмами и западноевропейскими терминами, характерный для языка советских уйгуров, в языке зарубежных уйгуров отразился (и притом в незначительной мере) только в литературном письменном языке.

Русизмы. Русские (а через русский язык и интернациональные) слова начали проникать в уйгурский язык в конце второй половины прошлого века. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции русские слова заимствовались очень медленно. В настоящее же время количество русских элементов увеличилось. Оживленные торговые, экономические и культурные связи с Советским Союзом в послевоенный период обусловили увеличение количества заимствований из русского, которые в основном носили терминологический характер, например: *трактор*, *автомобил*, *радио*, *атом*, *метр*, *килограм*, *тонна*, *план*, *пролетариат*, *диктатура*, *буржуазийә* и т. п.

Заимствования из русского легли в основу многих производных и составных слов: *крепостчойлуқ* 'крепостничество', *консерватизмлик* 'консерватизм', *телеграм евәт-* 'телеграфировать', *коммунизмчи* 'коммунист', *субъективизмчилик* 'субъективизм' и т. д.

Китаизмы. Китайские слова, как уже было отмечено выше, начали проникать в уйгурский язык с древних времен. Однако до последнего десятилетия в уйгурском, особенно в литературном, языке они не играли существенной роли: это были в основном административно-управленческие термины и незначительное количество бытовых слов. В сельских местностях влияние китайского языка было значительно бóльшим, чем в городах, где старая уйгурская интеллигенция пренебрежительно относилась к употреблению китайских слов, даже тех, которые уже бытовали в языке. После победы революции и установления демократического строя, в результате политики Коммунистической партии Китая установилась тесная дружба между китайским и уйгурским народами, что нашло свое отражение в лексике уйгурского языка: в настоящее время ясно определилась тенденция к существенному увеличению количества китайских слов и сочетаний в словарном составе уйгурского языка. Резкое увеличение китаизмов в настоящее время является характерной особенностью лексики современного уйгурского языка; китайские слова, сочетаясь с уйгурскими словами и словообразующими аффиксами, уже принимают участие в словообразовательном процессе.

Если раньше китаизмы проникали в уйгурский язык через посредство дунган и местных китайцев в результате живого общения, то в настоящее время китайские слова входят в уйгурский язык планомерно через прессу. Поэтому ранее проникшие слова во многих отношениях отличаются от новых. Старые слова отражают диалекты китайцев, давно живущих в Синьцзяне, и дунган. Эти слова давно освоены уйгурами и полностью подчиняются законам развития уйгурского языка, причем значительное их количество уйгурами даже не осознается как чужеродные, а китайцам центральных районов многие из них непонятны; они встречаются и в устном народном творчестве и даже в отдельных произведениях классической литературы, относящихся к прошлым векам, например: *туң* 'бочка', отсюда при помощи персидского аффикса *-чә* образуется *туңчә* 'кадка'; *тәтәй* 'тетя', широко распространенное и в других тюркских языках за пределами Китая; производные от китайской основы глаголы *тиңши-* 'слушать' (ср. тат. *тыңлау*); наряду с перс. *йардам* и уйг. *көмәк* употребляется кит. *баң* 'помощь', от которого образуется глагол *баңлаш-* 'помогать'; *жиң* 'мера веса, равная 500 *г*' является основой производного глагола *жиңла-* 'взвешивать по 500 *г*'; *җухаржу* (параллельно употребляется кит.-перс. *җухаргул*) 'хризантема'; *хәй* 'тапочки' (ср. кит.-уйг. *латихәй* 'обувь из хлопчатобумажного материала') и т. п.

Что касается новых заимствований из китайского, то они проникают в своей литературной форме, с сохранением особенностей пекинского произношения. Таким образом, новый пласт китайских слов резко отличается от старых. Некоторое количество новых китайских слов, касающихся административного управления и народного хозяйства, постепенно начинает проникать также в разговорный язык народных масс. Однако большинство этих слов пока что остается лишь достоянием печати, причем и здесь наблюдается параллельное употребление синонимичных уйгурских, русских и китайских слов; ср., например: кит.-уйг. *дамбу қақ-* и русск.-уйг. *телеграм әвәт-* 'телеграфировать', уйг. *туғә* и кит. *лота* 'верблюд', кит.-уйг. *тәңзичи* и уйг. *йаймичи* 'мелкий торговец' и т. п.

Как мы уже говорили, катайские неологизмы в основном носят терминологический характер [ср. *жиң* 'мера веса, равная 500 *г*', *му* 'му' (мера площади, равная 600 *кв. м*), *дашуе* 'университет', *гунше* 'народная коммуна']. Приведем примеры

тех слов, которые давно бытуют и являются общеупотребительными в языке народных масс, однако в языке прессы отражаются слабо: *ән* 'дело', *ән дәптири* 'судебное дело' (*Бүгүн униң әнзиси қарилиду* 'Сегодня разбирается его дело'); *иргулу* 'двуколесная телега' (ср. параллельно употребляющиеся *көтәк ҳарва*); от *баж-бежи* 'пошлина' образован глагол понудительного залога *баҗлат-* со значением 'платить пошлину'; *бәнпуңзә* 'тюрьма' наряду с *түрмә* и *қамақхана*; *бәйхоза* 'староста', 'белобородый' наряду с уйг. *ақсақал*; *бу* — название азартной игры, откуда *буға қой-* 'поставить на кон'; *бут* 'идол' явилось основой, от которой посредством перс. *ханә* образовалось *бутхана* 'кумирня'; *боланхой* 'ручательство' [*Тавузни боланхой сатимән* 'Арбуз продаю на вырез' (букв.: 'с ручательством')]; *паңҗаң* 'процент', откуда *паңҗаңчи* 'ростовщик'; *паңшиң* 'покой', откуда *паңшиң бол-* 'быть спокойным', *паңшиң болуң* 'будьте спокойны'; *палә* 'штраф', откуда *пала-* 'штрафовать', *палан-* 'быть оштрафованным'; *пәңзә* 'лоток', откуда *пәңзичилик* 'занятие лоточника', *пәңзичилик қил-* 'торговать с лотка'; *пәйчур* 'волейбол'; *попуза* 'угроза', откуда *попузичи* 'шантажист'; *бишиң* 'подчиненный', откуда *бишиң хәлқлар* 'обслуживающий персонал', 'подчиненные', 'подданные'; *биңсиң* 'сила', 'способность' и многие другие.

Эти примеры показывают, что в языке уйгуров имеется значительное количество китайских слов, которые в настоящее время, оформляясь уйгурскими аффиксами и сочетаясь с вспомогательными глаголами, участвуют в словотворчестве наряду с арабскими и персидскими словами.

Заимствования из арабского, персидского, русского и китайского языков, сочетаясь друг с другом, могут образовывать самые разнообразные составные и производные слова, например: араб.-уйг.-перс. *ҳалбуки* 'на самом деле', русск.-перс.-уйг. *машинасазлиқ* 'производство машин', перс.-араб.-уйг. *ҳәртәрәплимә* 'всесторонний', перс.-араб. *дәрҳал* 'немедленно', араб.-перс.-уйг. *исрапхорлуқ* 'расточительство' и т. д. Количество таких слов в современном уйгурском языке составляет значительный процент.

Состав уйгурской лексики в историческом аспекте. В составе лексики современного уйгурского языка мы различаем наиболее древний общий тюрко-монгольский пласт, древнетюркский пласт, древнеуйгурский, пласт китайских слов, вошедших в глубокой древности, пласт согдийских и санскритских слов, вошедших в период перевода религиозной литературы, пласт огузских слов, вошедших как в начальный период истории уйгуров, так и во время соседства уйгуров с токуз-огузами в Восточном Туркестане, пласт арабских и персидских слов, вошедших в основном после принятия ислама, пласт китайских слов старого и более нового периода, пласт русских слов и, наконец, слова, являющиеся общими для всех уйгурских диалектов и говоров. Значительная часть общетюркской и специфически уйгурской лексики, безусловно, относится к более раннему периоду, когда современные уйгуры еще не сложились в единый народ.

Исследование показало, что исконно уйгурский пласт составляет лишь половину всего словарного состава современного уйгурского языка. При этом к исконно уйгурским мы относим монгольские, тибетские, согдийские слова, а также и некоторые из китайских слов, заимствованные в далеком прошлом. Общетюркские слова, восходящие к языку-основе, мы все без исключения относим к исконно уйгурским словам.

Неологизмы. За последние годы уйгурский язык обогатился различного рода новообразованиями. Однако новообразования появляются не за счет вытеснения арабо-персидских слов (как это имело место в языке советских уйгуров), а лишь для передачи новых понятий.

Неологизмы создаются различными способами. Они могут появляться в результате приобретения словом, уже бытующим в языке, нового значения. Неологизмы могут быть произведены от существующих слов путем словообразования. Наиболее продуктивным и распространенным видом словообразования в современном уйгурском языке, безусловно, является морфологический способ (аффиксация)[3]. Слова, имеющие в своем составе префиксы, являются заимствованными и, несмотря на то что их основы могут существовать и самостоятельно, с точки зрения уйгурской грамматики не расчленяются. Словообразующие аффиксы присоединяются как непосредственно к основе, так и к основе заимствованного слова с соответствующим иноязычным префиксом; новое слово с новым значением может быть образовано путем присоединения аффикса к иноязычным производным словам, например: *либералистлик* 'либерализм', *коммунизмчи* 'сторонник коммунизма' (в отличие от *коммунист*), *актипчанлиқ* 'активность' и т. д.

За последние годы резко увеличилась сфера лексико-семантического словообразования, при котором происходит расширение значения существовавшего в языке слова, например: *ҳәмра*, прежде имевшее значение только 'спутник' (в значении 'товарищ'), теперь употребляется в значении 'спутник земли', откуда произошло дальнейшее развитие

[3] Подробнее о словообразовании см. в разделе «Морфология».

значения — 'ударник'. Структурно неологизмы этого рода являются простыми, производными, составными и сложными. Таким образом, уйгурский язык на данном этапе обогащается и за счет использования старых слов для обозначения новых понятий и предметов, в результате чего многие слова, ранее бытовавшие в уйгурском языке, получили дополнительное значение.

В настоящее время происходит сложный процесс переосмысления старых слов, в результате которого количество неологизмов значительно увеличилось. К ним, например, можно было бы отнести такие слова, как араб. *муштәри*, которое раньше означало просто 'покупатель', а теперь только 'подписчик периодических изданий'; *өткәл* 'переправа' приобретает новое значение в предложении *Полат өткилидин өттүк* 'Мы успешно выполнили план выплавки стали' (букв.: 'Мы переправились через стальную переправу').

От ряда собственно уйгурских слов и заимствований при помощи словообразовательных аффиксов образуются слова, за которыми закрепляются новые значения, например: *қизиллишиш* 'вооружение марксистско-ленинской идеологией' (букв.: 'приобретение красного цвета'); араб. *мәзһәп* 'секта' (в религиозном смысле) явилось основой для образования *мәзһәпчилик* 'сектантство' (в политическом смысле); от араб. *мәһәллә* 'приход (мечети)', 'квартал' при помощи персидско-уйгурского сложного аффикса образовано *мәһәлливазлиқ* с новым значением 'узкое местничество'. Слово *коммунист* в уйгурском языке перестало быть неологизмом, от него в настоящее время образовано производное *коммунистлаштуруш* 'вооружение коммунистической идеей' (букв.: 'коммунизирование'). От слова *ашхана* 'столовая' образован глагол *ашханилаштур-* 'удовлетворять потребности населения, открывая в достаточном количестве столовые' (букв.: 'столовизировать'). Слова *трактор*, *тракторчи* ('тракторист') сейчас вошли уже в активный запас языка, и от этой основы образован такой неологизм, как русск.-перс.-уйг. *тракторсазлиқ* 'тракторостроительство' и т. д.

Заметно увеличилось количество слов, образованных путем лексико-синтаксического словообразования. Неологизмы такого рода представляют собой сочетания из двух или трех слов, употребляющиеся для выражения одного понятия. К группе таких образований можно отнести, например, следующие: *дунйа қараш* 'мировоззрение' (*дунйа* 'мир', 'вселенная', *қараш* 'взгляд'—имя действия от глагола *қара-* 'смотреть'); *су амбири* 'водохранилище';

сәкрәп илгириләш 'скачок' (букв.: 'прыгая, продвигаться вперед'); *ишләпчиқириш* 'производство' (букв.: 'сделав, выпускать'); *сун'ий һәмра* 'искусственный спутник', калька с русского выражения, в уйгурском приобрела совершенно новое дополнительное значение 'передовик', 'рекорд', откуда *сун'ий һәмра қойуп бәр-* 'поставить рекорд'; *радио карнейи* 'громкоговоритель' (*карнәй* 'труба'); калькой с китайского является сочетание *қағәз йолвас* 'империализм' (букв.: 'бумажный тигр'); *умумхәлқ* 'общенародный' (употребляется в функции определения); *умумйүзлүк* 'обращий', 'всеобъемлющий' и т. д. Как видно из приведенных примеров, в этой группе преобладают неологизмы, образованные по типу определительных словосочетаний, причем их компонентами могут быть как непроизводные, так и производные слова.

Терминотворчество. В создании и употреблении терминов в уйгурском языке на данном этапе наблюдается известный разнобой. В учебниках, например, одним и тем же термином часто обозначают такие понятия, как «склонение» и «спряжение» или, наоборот, для наименования одних и тех же падежей, залогов и т. д. употребляются разные термины. До последнего времени при образовании терминов использовались исключительно арабские и уйгурские слова, однако сейчас делаются попытки использовать также китайские слова[4].

Синонимы. В результате напластования разноязычных элементов в современном уйгурском языке для обозначения одного и того же понятия часто употребляется несколько синонимичных слов—собственно уйгурских и заимствованных из разных языков. Различаются непроизводные и производные синонимы, например: *көп*, *нурғун*, *җиқ*, *тола*, *талай*, *авну* означают 'много', и все они тюркского происхождения, из них слова *җиқ*, *нурғун*, *авну* характерны лишь для уйгурского языка и его говоров; синонимы *чирайлиқ и гөзәл* 'красивый' принадлежат древнему монголо-тюркскому пласту, из них первое—производное, а второе—непроизводное; *егиз* и *жуқури* 'высокий', из них первое специфически уйгурское, а второе—общетюркское (исторически производное); *келишкән*, *сумбатлиқ*, *искәтлик* 'статный', 'красивый'; *киши*, *инсан*, *адәм* 'человек', из которых первое—уйгурское, два последних—арабские; уйг. *йәр*, *топрақ*, перс. *земин* 'земля', 'территория'; уйг. *чоң*, уйг. *зор*, уйг. *йоған*, уйг. *бүйүк*, уйг. *катта*, уйг. *улуғ* 'большой', 'великий'; уйг. *аш*, уйг. *тамақ*, *ғиза* 'еда';

[4] В унификации терминологии китайского происхождения в области техники, административного управления, общественно-политической жизни руководящая роль принадлежит научным учреждениям АН КНР.

перс. *баҳар*, уйг. *әтийаз*, уйг. *коклəм* 'весна' (из них второе—составное, третье — производное); уйг. *жилдам*, специфически уйг. *иштик*, уйг. *чапсан*, *тез* 'скоро', 'скорый'; уйг. *йахши*, перс. *обдан* 'хорошо', 'хороший'; араб. *бəхт*, араб. *сəадəт* 'счастье'; араб. *ғəм*, уйг. *қайғу* 'печаль', 'горе' и т. д.

Парные слова. В образовании парных слов большую роль играют синонимичные слова: синонимичные повторы охватывают все разряды самостоятельных слов. Компоненты синонимичных повторов обычно бывают разноязычными, однако отмечено немало случаев, когда в повторах этого типа слова родного языка совершенно не участвуют или, наоборот, оба компонента восходят к одному и тому же языку. В расположении частей повтора определенного порядка нет, например: *бəхт-сəадəт* 'счастье', *сағ-сəламəт* 'здоровье'.

Парные слова передают значения многократности, разнообразия, множественности, когда второй компонент является простым повторением первого, например: *қатлам-қатлам* 'многослойный', *түрлүк-түрлүк* 'разнообразный' и т. д.

Распространен тип повторов, когда компонентами его являются антонимы. Эти повторы имеют собирательные значения, например: *алдин-кейин* 'беспорядочно' (*алдин* 'сперва', *кейин* 'потом'), *кечə-күндүз* 'сутки' (*кечə* 'ночь', *күндүз* 'день'), *əр-хотун* 'семья' (*əр* 'муж', *хотун* 'жена'), *хотун-қиз* 'женщины', *йахши-йаман* 'и хорошие и плохие', 'всякие' и т. д.

Распространен в уйгурском языке тип тавтологических повторов, в которых второй компонент самостоятельного значения не имеет (по крайней мере в настоящее время) и самостоятельно не употребляется. Такие парные слова (например, *кийим-кечəк* 'одежда') также имеют собирательное значение. В образовании парных слов этой группы участвуют в основном имена существительные.

Парные слова могут быть образованы от различных форм глагола, как личных, так и неличных (причастий, деепричастий и т. д.), например: *оқусам-оқумисам* 'независимо от того, прочитаю я или нет', *кəлгəн-қəткəн* 'проходящие', *келəр-кəлмəс* 'сразу после прихода', *бара-бара* 'идя продолжительно' и т. п.

При словоизменении этих парных слов грамматические показатели обычно принимает второй компонент.

Омонимы. Одной из характерных особенностей лексики современного уйгурского языка является многочисленность омонимов; явления редукции, ассимиляции, выпадения и

чередования звуков еще больше увеличивают их количество. В отличие от русского языка уйгурский язык очень богат простыми омонимами, например: *ат* 'лошадь' и 'имя', *чүш* 'сон' и 'обеденное время', *йаш* 'слеза', 'возраст', 'молодой', *көз* 'глаз' и 'ключ' (источник).

В уйгурском языке встречается немало случаев, когда производные слова по своему звучанию совпадают с непроизводными, например: *бармақ* 'палец' и 'пойти', *көр* 'слепой' и 'смотри', *бериш* 'давание' (от *бер-* 'давать') и 'хождение' (от *бар-* 'пойти'), *териш* 'сбор' и 'посев' и т. д.

Антонимы. Для обозначения контрастных явлений и понятий, противоположных по значению, в уйгурском языке имеется немало антонимов. Громадное большинство антонимов выражает противоположные качественные понятия, некоторые антонимы передают контрастные временные, пространственные, количественные понятия. Многие из антонимов участвуют в образовании парных слов с собирательными значениями. Антонимы бывают непроизводные и производные, однако преобладают непроизводные; чаще всего антонимы являются собственно уйгурскими словами, например: *илгири* 'вперед'—*кейин* 'назад', *йахши* 'хороший'—*йаман* 'плохой', *егиз* 'высокий'—*пəст* 'низкий' (второе слово—персидское), *кəң* 'широкий'—*тар* 'узкий', *чоң* 'большой'—*кичик* 'маленький' (ср. парные слова: *ундақ-мундақ* 'такой-сякой', *кечə-күндүз* 'денно-нощно' и т. д.).

Распределение лексики по грамматическим разрядам. Определенный интерес представляет анализ собственно уйгурской части лексики в ее распределении по грамматическим разрядам. При этом следует отметить, что употребляемость слов, принадлежащих к различным грамматическим разрядам, неодинакова. Так, при обследовании 15 124 слов наиболее употребительными оказались имена существительные; их повторная употребительность в среднем могла бы быть выражена отношением 1:5, а повторная употребительность прилагательных — 1 : 4. Большая повторяемость свойственна местоимениям (1 : 18), а также послелогам и служебным именам (1 : 15); повторяемость глаголов выражается отношением 1 : 3,3.

Распределение лексики прессы по грамматическим разрядам при округленном подсчете, без учета повторений, в процентном отношении можно выразить так: имена существительные — 51%, имена прилагательные — 13,8%, местоимения — 1,3%, глаголы — 27%, послелоги и служебные имена — 1,5%, остальные части речи — 5,4%.

Анализ по значению именной части лексики современного уйгурского языка показывает, что в уйгурском языке преимущественно употребляются слова с конкретным зна-

чением, причем они неравномерно распределяются между отдельными языковыми напластованиями: китаизмы (за исключением единичных случаев) являются словами с конкретным значением; конкретностью своего значения отличаются и заимствования из русского, однако здесь, особенно среди слов терминологического характера, проникших в уйгурский язык за последнее время, заметно выделяется пласт, выражающий абстрактные понятия. Конкретны по семантике уйгурские слова общетюркского происхождения и заимствования из персидского. Что касается арабизмов, то 85% их в уйгурском языке выражает абстрактные понятия.

Из 145 непроизводных имен существительных, взятых нами для анализа, лишь 10 слов означали абстрактные понятия, тогда как 90% имен существительных обозначали конкретные понятия. Среди этих слов конкретного значения основное место принадлежит словам, обозначающим органы человеческого тела, типа *арқа* 'спина', *бәт* 'лицо', *тән* 'тело', *тамақ* 'горло', *тил* 'язык', *бой* 'стан' и т. д. Значительное место занимают слова, относящиеся к области народного хозяйства, например: *буғдай* 'пшеница', *тирә* 'кожа', *зиғир* 'лен', *қотаз* 'як', *ишәк* 'осел', *терилғу* 'посев', *қой* 'овца', *полат* 'сталь', *төмүр* 'железо', *көмүр* 'уголь', *жипәк* 'шелк' и т. д. Следующее место по своей употребительности занимают слова, обозначающие явления быта, природы и т. п. Среди служебных слов значительное место занимают послелоги.

Интересную картину дает нам распределение лексики по признакам грамматического оформления. Из 1500 обследованных уйгурских слов две пятых составляли имена существительные, одну десятую часть — прилагательные и одну третью часть — глаголы. Из общего количества обследованных имен существительных лишь 25% оказались непроизводными, больше 50% — производными, а остальные представляют собой именные образования от сложных глаголов. Имен действия на *-(и)ш*, образованных от непроизводных глаголов, оказалось гораздо больше, чем непроизводных имен существительных.

Существование имен прилагательных как части речи в тюркских языках обычно подвергается сомнению. В наших материалах из 168 имен прилагательных 87, т. е. больше половины, оказались непроизводными прилагательными без каких-либо формальных показателей. Из производных более 75% приходится на долю прилагательных, образованных посредством форманта *-лиқ/-лик*.

В группе прилагательных часто встречаются синонимы. Здесь мы наблюдаем параллельное употребление синонимов *чоң* и *зор* в значении 'большой', *улуғ* и *бүйүк* в значении 'великий' и т. д. Чаще всего в подобных синонимичных парах одно слово бывает общетюркским, а другое — специфически уйгурским. В качестве синонимов уйгурских слов употребляются также и заимствования из арабского и персидского, например: уйг. *башқа* и араб. *ғәйр* в значении 'другой'; уйг. *әркин* и перс. *азат* в значении 'свободный'; уйг. *очуқ* и перс. *рошән* в значении 'открытый' и т. д.

Более 60% тюркоязычных глаголов, вошедших в исследованный нами лексический материал, составляли непроизводные глаголы, в число которых мы условно включили и залоговые формы. Сложные глаголы, образованные от деепричастной формы непроизводных глаголов путем сочетания с вспомогательными, составляют около 30%. При общем подсчете совершенно незначительное место занимают глаголы, образованные от уйгурских именных основ при помощи вспомогательных глаголов (типа *кулақ сал-* 'слушать'); еще меньше зафиксировано глаголов, именная основа которых стоит в какой-либо падежной форме (типа *тилгә ал-* 'упомянуть'); составные глаголы в уйгурском языке в большинстве случаев образуются от иноязычных слов, главным образом — от арабских масдаров и причастий.

Общая характеристика лексики современного уйгурского языка. В основе лексического состава современного литературного уйгурского языка лежит общенародная лексика, т. е. общая и понятная представителям всех уйгурских диалектов и говоров. Из диалектов и говоров в литературный язык фактически проникает лишь профессиональная лексика, связанная с экономическим развитием данного округа (в одних округах развито рыболовство, в других — садоводство, в третьих — хлопководство, скотоводство, кустарное ремесло и т. д.). Это дало возможность полностью избавиться от жаргонной лексики (характерной, например, для языка духовенства), которая до последнего десятилетия употреблялась в книжном языке, сохранившем средневековую традицию.

Уйгурский язык сохранил значительное количество специфически уйгурских и общетюркских древних слов в их наиболее архаичных формах и значениях (преимущественно в диалектах и говорах). Эта особенность наряду с сохранением большого количества арабских и персидских слов, незначительным процентом русских слов и советизмов, а также наряду с наличием большого числа китайских слов и сочетаний составляет характерные особенности лексики современного языка зарубежных уйгуров в отличие от языка советских уйгуров.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

В современном уйгурском языке имеется 8 гласных фонем. По месту образования они делятся на гласные переднего ряда и гласные заднего ряда. К гласным переднего ряда относятся *ə*, *ɵ*, *ү*, *и*, *е*, к гласным заднего ряда—*а*, *о*, *у*. По участию губ гласные делятся на губные (*о*, *ɵ*, *у*, *ү*) и негубные (*а*, *ə*, *и*, *е*). Из негубных *а*, *ə* являются широкими, *е*—полуширокими, *и*—узкими; из губных *о*, *ɵ*—полуширокими, *у*, *ү*—узкими.

Краткая характеристика уйгурских гласных такова:

а—широкий негубной, максимально открытый гласный, более задний, чем русский неударный «а». Как увидим из дальнейшего изложения, в некоторых положениях вслове этот звук закономерно чередуется с *е* и *и*. Такое чередование принято называть «уйгурской переогласовкой». Комбинаторно-позиционные варианты, особенно в ослабленных слогах, по длительности значительно короче русского «а».

ə—широкий негубной гласный переднего ряда; звук более открытый, чем русский «э» в слове «эпоха». Встречается как в корнях слова, так и аффиксах; исторически он восходит к древнетюркскому *ä* (например, др.-тюрк. *täp* соответствует совр. *тəр* 'пот', др.-тюрк. *äр*—совр. *əр* 'муж', 'мужчина' и т. д.), хотя не исключена возможность перехода др.-тюрк. *ä*>уйг. *е*.

Подобно *а*, звук *ə* в определенных позициях переходит в *е* или *и*. Наличие звука *ə* делает уйгурские аффиксы, в составе которых имеются широкие гласные, двухвариантными по линии гласных: аффикс множественного числа имеет варианты: *-лар/-ләр*, показатель местного падежа—*-да/-дə*, показатель дат.-направительного падежа—*-ға/-гə* и т. д.

е — негубной полуширокий гласный звук переднего ряда соответствует русскому «е» в средней позиции. По утверждению В. В. Радлова, *е* восходит к древнетюркскому *ä*[1]. В современном уйгурском языке звук *е* встречается в любых слогах, независимо от происхождения слова, однако с известным позиционным ограничением: в непроизводных и производных словах он отмечается только в первом слоге, в составных, сложных и парных словах может также встречаться в первом слоге второго компонента, например: *сода-сетиқ* 'торговля', *бариверіш* 'систематическое хождение'; в заимствованиях же из современного китайского языка *е* встречается даже в конце многосложных слов.

[1] Ср., однако, случаи перехода др.-тюрк. *ä*>уйг. *и*, так, например, др.-тюрк. *äшик* 'дверь' соответствует в современном уйгурском не *ешик*, а *ишик*, др.-тюрк. *äки* 'два'—не *еки*, а *икки* и т. д.

о—губной полуширокий зувк заднего ряда—произносится более закрыто, чем соответствующий русский ударный звук. В непроизводных и производных словах этот звук, как правило, встречается лишь в первом слоге. Слова русского и китайского происхождения, недавно проникшие в уйгурский язык, в этом отношении составляют исключение (например, *Жуңго* 'Китай'). В парных и составных словах *о* может встречаться в первом слоге второго компонента, например: *қанхор* 'кровопийца', *комуқонақ* 'кукуруза' и т. д. Исторически восходит к древнетюркскому *о*.

ɵ—губной полуширокий звук переднего ряда. В непроизводных и производных словах встречается только в первом слоге. Исключение составляют некоторые слова китайского происхождения. В парных и составных словах может встречаться в первом слоге второго компонента (например, *Сесиқкөл*—название озера). Исторически восходит к древнетюркскому *ö*: др.-тюрк. *көз* 'глаз' соответствует уйг. *көз*, др.-тюрк. *көл* 'озеро'—уйг. *көл* и т. д.

у—губной узкий гласный заднего ряда, произносимый более кратко, чем русский «у». Встречается во всех позициях. Исторически восходит к древнетюркскому *у* и редко к древнетюркскому звукосочетанию *уғ* (например, др.-тюрк. *суғ* 'вода' соответствует уйг. *су*).

ү—губной узкий гласный переднего ряда, исторически восходит к древнетюркскому *ӱ*. Встречается во всех позициях, во втором и последующих слогах (как и *у*) может возникать в результате губной гармонии гласных.

и—негубной узкий, встречается во всех позициях; *и*—звук более передний, чем все приведенные выше гласные, однако в сочетании с согласными заднего ряда или в соседстве со слогами, содержащими гласные заднего ряда, может произноситься как гласный заднего ряда, например: *кир* 'входить', но *қир* [*кыр*] 'степь'; *кейин* 'затем', но *қийин* [*кыйын*] 'трудный'; *тик-* 'шить', но *тиқ-* [*тык-*] 'втыкать' и т. д. Исторически здесь имели место две некогда самостоятельные фонемы переднего и заднего ряда—[*ы*] и [*і*]; впоследствии произошел сдвиг артикуляции в сторону переднего уклада.

КОНСОНАНТИЗМ

Здесь мы вкратце остановимся лишь на тех согласных, которые характерны для уйгурского языка (как и для многих других тюркских языков). Такой подход к описанию соглас-

ных находит свое оправдание в том, что многие из согласных звуков уйгурского языка фактически ничем существенным не отличаются от соответствующих звуков русского языка (таковы звуки, передаваемые буквами «б», «г», «д», «ж», «з», «к», «л», «м», «н», «п», «р», «с», «т», «ф», «ч», «ш»).

Звук *в* является губно-губным (по своему звучанию наиболее близок к английскому *w*). В уйгурском языке встречается в основном в начальной и средней позиции, в весьма ограниченном количестве примеров встречается в конце слова, например: *йав* 'враг', *қув* 'хитрый', *аққув* 'лебедь', *бирав* 'некто' и т. д. Губно-зубной *в*, встречающийся в словах, заимствованных из русского языка, обозначается тем же знаком. Городские жители в произношении делают различие между этими звуками. Таким образом, знаком «в» в современном уйгурском алфавите фактически обозначаются два звука: губно-зубной в словах русского происхождения и губно-губной в уйгурских, арабских и персидских словах, например: *вәқит* 'время', *векил* 'делегат', *аву* 'вон тот', *төвәндә* 'внизу', *вәтән* 'родина', но *вагон* и др.

Звук *ф* встречается только в словах русского и китайского происхождения, например: *фабрика*, *фотографийә*, а также *фун* 'денежная единица', *җефаңҗун* 'народно-освободительная армия' и т. д.

Звуки *к*, *г* произносятся в уйгурском языке несколько мягче соответствующих русских звуков, напримр: *күн* 'день', *бүгүн* 'сегодня', *кичик* 'маленький', *түгүн* 'узел' и т. д.

Звук *л* в сочетании с гласными переднего ряда произносится несколько мягче русского «л», а с гласными заднего ряда, наоборот, более твердо, например: *бил-* 'знать', но *қил-* 'делать', *күл* 'зола', но *қул* 'раб' и т. д. Однако имеется немало случаев, когда в сочетании с *и* тот же звук произносится твердо, например: *тилға* 'языку', *дилға* 'сердцу' и т. д.

Звук *җ* в уйгурском языке представляет звонкую зубную аффрикату и произносится приблизительно, как русское сочетание *дж*, например: *җан* 'душа', *жәнуп* 'юг', *мәҗлис* 'заседание', *җай* 'место' и т. д.

Согласный звук, соответствующий уйгурскому *қ*, в русском языке отсутствует. Этот нёбно-язычковый задний глухой звук произносится более напряженно, чем русский «к». При произнесении этого звука язычок и задняя часть языка смыкаются с задней частью нёба, например: *қан* 'кровь', *қул* 'раб', *қандақ* 'какой', *қанчә* 'сколько', *тоққуз* 'девять', *ақ* 'белый' и т. д.

ҳ—нёбно-язычковый гортанный спирант (ср. англ. *h*), например: *ҳәр* 'каждый', *ҳәм* 'и', *шәҳәр* 'город' и т. д.

ғ—глубокозаднеязычный (или язычковый) спирант, не взрывной, а продолжительный фрикативный звук. Встречается во всех позициях, например: *тағ* 'гора', *ғаз* 'гусь', *еғиз* 'рот', *ғәрп* 'запад', *жиғла-* 'плакать' и т. д.

ң—заднеязычный носовой звук (ср. нем. *ng* в слове *lang*); в начальной позиции не встречается, например: *таң* 'заря', *аң* 'зверь', *сениң* 'твой', *кәң* 'широкий', *көңүл* 'сердце' и т. д.

Звук *х* является спирантом и произносится глубже русского «х», например: *хәвәр* 'известие', *хәлиқ* 'народ', *хата* 'ошибка', *хотун* 'жена', 'женщина'; встречается во всех позициях, однако в исконно уйгурских словах отмечается очень редко.

СИНГАРМОНИЗМ

Как мы видели выше, уйгурские гласные складываются из трех пар взаимопротивопоставленных по мягкости—твердости и двух нейтральных в этом отношении гласных (*е*, *и*). Звуки *а*, *о*, *у* —заднеязычные, звуки же *ә*, *ө*, *ү*— соответственно переднеязычные. Явление сингармонизма заключается в том, что в одном слове, независимо от характера его образования, могут быть представлены либо гласные заднего ряда, либо гласные переднего ряда. В силу этого же закона аффиксы бывают двухвариантными, т. е. с гласными переднего и заднего ряда [2]. Если слово содержит гласные заднего ряда, к нему, как правило, присоединяются аффиксы с гласными же заднего ряда и наоборот. Если же принцип сингармонизма в слове не соблюден, то по составу своих гласных аффикс уподобляется последнему слогу, например: *ат* 'лошадь' — *атқа* (дат.-напр. пад.); *ал* 'бери'—*алма* (отрицат. форма); *түн* 'ночь'—*түндә* (местн. пад.); *көл* 'озеро'—*көлдә* (местн. пад.); *китап* 'книга'—*китапқа* (дат.-напр. пад.); *чиш* 'зуб'—*чишләр* (мн. ч.).

Обычно принято считать, что уйгурский язык занимает среднее положение между сингармоническими и несингар-

[2] В то же время в уйгурском, в отличие от других тюркских сингармонических языков, ряд аффиксов одновариантен, таковы аффиксы: родительного падежа *-ниң*, винительного падежа *-ни*, исходного падежа *-дин*, аффикс уподобления *-дәк* (за исключением тех случаев, когда он входит в состав некоторых слов на правах словообразующего аффикса, например *шундақ* 'такой', *қандақ* 'какой'), сложный аффикс местонахождения *-дики*; аффикс причастия настояще-будущего времени *-диған*, вопросительные частицы *-му* и *-чу*, частица *-ғу*.

моническими языками. Однако следует отметить, что в последнее время по ряду причин закон сингармонизма в уйгурском языке все больше и больше нарушается. Характерно в этом отношении присоединение к слову с гласным переднего ряда аффикса с гласным заднего ряда, например: *тилға* 'языку', *иштқа* 'собаке', *жипқа* 'нитке', *дилға* 'сердцу', *ишқа* 'делу'. Отметим, что все эти слова в сингармонических языках считаются «мягкими» и к ним присоединяются аффиксы, содержащие гласные переднего ряда.

Интересно отметить также, что если в ряде тюркских языков в пределах одного слова согласные *қ* и *ғ* могут употребляться лишь вместе с гласными заднего ряда, а *к* и *г*—с гласными переднего ряда и если согласные *қ* и *ғ*, как правило, в пределах одного слова не используются наряду с *к*, *г*, то в современном уйгурском языке эти правила уже не соблюдаются. Так, вместо ожидаемого *гөр* в действительности употребляется *гор* 'могила', вместо *әкә—ака* 'старший брат', вместо *үкә—ука* 'младший брат', вместо *көчә—коча* 'улица', вместо *кәлдүк—кәлдуқ* 'мы пришли' и т. п. Закон гармонии гласных не соблюдается в составных словах. Что касается сложных глаголов, то каждый компонент их считается независимым в отношении сингармонизма.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

Прогрессивная ассимиляция гласных осуществляется по линии как нёбного (см. стр. 32), так и губного притяжения.

Прогрессивная ассимиляция по линии губной гармонии заключается в следующем:

1. Если в односложном слове или в первом слоге двусложного слова находится полуширокий *о/ө*, то в последующем закрытом слоге, которым может быть и словообразующий и формообразующий аффикс и на который переходит ударение, появляется, как правило, узкий губной *у/ү* (в кашгарском говоре центрального диалекта, наоборот, негубной *а/ə*), например: *өл-* 'умереть', *өлүш* 'умирание', *өлүм* 'смерть', *өлдүм* 'я умер'; *бол-* 'стать', *болуш* 'становление', *болуп* 'став' (в кашгарском, наоборот: *болаш*, *бөлəш*, *өлəм* и т. д.). При присоединении к такого рода словам аффикса, включающего узкий негубной *и*, состав гласных первых слогов слова не изменяется, например: *өлүмни* (вин. пад.), *өлүмниң* (род. пад.) и т. д. Если же аффикс представляет собой открытый (и притом конечный) слог, то закону губной гармонии он уже не подчиняется, например: *өл-* 'умереть', *өл-түр-* 'умертвить', 'убить', *өлтүр-үш* 'убиение', *өл-түр-үп* 'убив', но *өл-түр-ди* 'он убил'; *қол* 'рука', *қол-ум* 'моя рука', но *қол-ум-ни* 'мою руку' (вин. пад.).

2. Если односложное слово представляет собой закрытый слог, в составе которого находится узкий губной, то при дальнейшем наращении аффиксов с начальным гласным этим гласным обязательно будет узкий губной того же ряда, например: *чүш-* 'спускаться', *чүшүш* 'спуск'; *бур-* 'поворачивать', *буруш* 'поворачивание'; *тур-* 'вставать', *туруш* 'вставание'; *туз* 'соль', *тузум* 'моя соль' и т. п. Следует оговорить, что если в составе присоединяемого аффикса имеются широкие гласные *а/ə/е*, то они не огубляются.

В двусложных словах, где первый слог—открытый и конечным гласным является узкий губной *у/ү*, а второй слог—закрытый и содержит широкий гласный *а/ə*, при присоединении аффикса принадлежности 1-го и 2-го лица широкий гласный *а/ə* переходит соответственно в узкий губной *у/ү*, например: *кулақ* 'уши'—*кулүгүм* 'мои уши'; *жүрəк* 'сердце'—*жүрүгүм* 'мое сердце' и т. д.

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

Обратное влияние узкого гласного последующего слога на широкий гласный предыдущего слога по линии нёбного притяжения и губной гармонии является одной из характерных особенностей уйгурского языка. Конкретно явление регрессивной ассимиляции гласных заключается в следующем.

В односложных словах, в составе которых имеется широкий гласный *а/ə*, при присоединении аффикса с широким гласным переднего ряда *ə* или узким негубным *и*, независимо от того, является ли этот аффикс открытым или закрытым слогом, в результате переноса ударения на аффикс широкий гласный основы переходит в *е*, и фонетический облик корня претерпевает изменения, например:

бар- 'пойти'—*бериш* 'хождение'; *бəр-* 'давать'—*бериш* 'давание'; *ал-* 'брать'—*елин-* 'быть взятым'; *мал* 'скот'—*мели* 'его скот'; *май* 'сало', 'масло', 'жир'—*мейим* 'мое масло'; *бай* 'богатый'—*бейиш* 'обогащение'; *кəт-* 'уходить'—*кетəр* 'он уйдет'; *бəр-* 'давать'—*берəр* 'он дает' и т. д.

Явление регрессивной ассимиляции наблюдается также в словарной форме двусложных и производных слов, где ассимиляции подвергается общетюркский широкий гласный

а первого слога, например: *белиқ* 'рыба' (ср. *балық* в других тюркских языках), *селиқ* 'налог' (ср. *салық*), *қетиқ* 'простокваша' (ср. *қатуқ* или *қатық* в других тюркских языках) и т. д.

Действие регрессивной ассимиляции в значительной степени способствует увеличению количества омонимов, что в отдельных случаях создает некоторое затруднение, например: от *бар-* 'идти' и *бәр-* 'давать' образуются одинаковые по своему звучанию имена действия (*бериш* 'хождение' и 'давание'), деепричастия прошедшего времени (*берип* 'сходив' и 'дав'), формы страдательного и взаимного залогов (*берил-* и *бериш-*) и т. д.

Примечание. Учитывая создающиеся в силу действия регрессивной ассимиляции затруднения, уйгурские языковеды и работники издательств КНР в настоящее время предложили и постепенно вводят в действие новое правило, согласно которому гласный *а* основы переходит в *и*, а *ә>е*; следовательно, от *бар-* 'идти' образуется имя действия *бириш*, а от *бәр-*'давать'—*бериш*. Соблюдение этого правила, однако, не вполне соответствует произношению и, кроме того, в свою очередь способствует увеличению количества омонимов и одинаковых написаний, например: *тал* 'ива', если вместо установившегося *тели* 'его ива' напишем *тили*, то получится совпадение с *тили* 'его язык'; *җан* 'душа', если согласно новому правилу напишем *җиним* 'моя душа', то получится совпадение с *җиним* 'мой злой дух' и т. п.

При дальнейшем наращении аффиксов изменившаяся в результате регрессивной ассимиляции основа сохраняет свою новую форму, например: *ал-*'брать', *елин-* 'быть взятым', *елинған* 'взятый', *елинватқан* 'то, что берется в данный момент' и т. д.

Следует, однако, отметить отдельные случаи, когда при присоединении аффикса к основе не наблюдается явления регрессивной ассимиляции, например: *сан* 'число', прибавив аффикс принадлежности 3-го лица, получим не *сени*, как следовало бы ожидать, а *сани* 'его число'.

Если между широким гласным основы и узким гласным аффикса, который оказывает влияние на гласные звуки основы, образуется барьер из двух согласных, то явления регрессивной ассимиляции не наблюдается, и, следовательно, не происходит изменения звукового состава основы, например: *ал-* 'взять', *елиш* 'взятие', но *алдуруш* 'выписывание'; *йан-* 'возвращаться', *йениш* 'возвращение', но *йандур-* 'вернуть', 'возвращать' и т. д.

Не осуществляется регрессивная ассимиляция и в том случае, когда широкий гласный находится во втором слоге, а ассимилирующий узкий гласный—в третьем слоге, поскольку здесь уже происходит явление редукции (см. стр. 39), например: *дада* 'отец', *дадиси* 'его отец', а не *дадеси*.

Ассимиляция не происходит и тогда, когда узкий гласный, который мог бы выступать в качестве ассимилирующего, сам является продуктом редукции, т. е. здесь уже произошел переход *а/ә>и*, например: *ана* 'мать'—*аниси* 'его мать', где узкий гласный второго слога образован в результате редукции (*и<а*) и поэтому не может ассимилировать широкий *а* первого слога.

Регрессивная ассимиляция не осуществляется и в значительном количестве арабских и персидских заимствований. Однако возможен переход гласного основы *а>е*, например при присоединении формообразующих аффиксов к арабскому корню: *җан* 'душа'—*җеним* 'моя душа'; перс. *хан* в аналогичном случае дает параллельные формы *ханим* и *хеним*; араб. *мал* 'богатство' при присоединении аффикса принадлежности дает *мели*, в то же время перс. *кар* 'дело' дает не *кери*, а *кари* 'его дело' и т. д.

Отметим, что явление регрессивной ассимиляции имеет место и в двусложном слове: под влиянием узкого губного *у/ү* второго слога здесь ассимилируется общетюркский широкий гласный первого слога *а/ә>о/ө*, ср., например: уйг. *тонуш* 'знакомый' (вместо *таныш* в других тюркских языках); уйг. *қошуқ* 'ложка' (вместо *қашық*) и т. д.

При присоединении к форме 3-го лица прошедшего конкретного времени данного момента личного аффикса 1-го лица губной узкий *у* в форманте *-ту* (стянутая форма от *-дур/-тур*) переходит в негубной *и*, например: *елипту* 'он взял (оказывается)', *елиптимән* 'я взял (оказывается)'; *көрүптү* 'он увидел', *көрүптимән* 'я увидел'; *беріптү* 'он ходил', *бериптимән* 'я ходил' и т. д.

ЯВЛЕНИЕ РЕДУКЦИИ

Явление редукции заключается в том, что широкие гласные *а/ә* в конце последнего слога двусложных и многосложных слов при дальнейшем наращении аффикса, независимо от его характера (т. е. независимо от того, представляет он собой открытый или закрытый слог), при переходе ударения на этот аффикс ослабляются и редуцируются в узкий *и*, а в отдельных случаях (в зависимости от состава гласных основы) — в *у/ү*, например: *дада* 'отец', *дадиси* 'его отец', *дадилар* 'отцы', *дадимиз* 'наш отец'; *бала* 'ребенок', *балилар* 'дети'; *ҳарва* 'телега', *ҳарвуси* 'его телега'; *қолла-* 'употреблять', *қоллиниш* 'употребление'; *сөзләш-* 'разговаривать', *сөзлишиш* 'разговор'. При дальнейшем наращении аффиксов редуцированный гласный не изменяется, например: *ана* 'мать', *аниси* 'его мать',

анисиники 'принадлежащее его матери', *анисиникидәки* 'находящееся в доме его матери' и т. д.

Отдельные слова арабского и персидского происхождения, а также некоторые исконно уйгурские двусложные и многосложные слова редукции не подвергаются, если последний слог такого слова имеет устойчивое ударение, например: *дутар* — название музыкального инструмента, *дутари* 'его дутар'; *қарар* 'решение', *қарарим* 'мое решение'; *дала* 'степь', *далада* 'в степи'; *падиша* 'царь', *падишалар* 'цари'; *тохтам* 'соглашение', *тохтамимиз* 'наше соглашение' и т. д.

Явление редукции не наблюдается также и при присоединении аффикса сравнительной степени *-рақ/-рәк*, например: *тола* 'много', *толарақ* 'больше'.

Явление редукции может происходить и на стыке двух слов в словосочетании, если первый компонент такого сочетания оканчивается на открытый слог с конечным широким гласным *а/ә*, а второй компонент имеет начальный согласный (надо заметить, однако, что это явление на письме не отражается), например: *тҮлкә балиси* произносится как *тулки балиси* 'лисенок'; *тоғра сөзләш* произносится как *тоғри сөзләш* 'правдивый разговор'; *алтә киши* произносится как *алти киши* 'шесть человек' и т. д.

В качестве редукции с конечным результатом «нуль звука»[3] рассматриваются и следующие случаи, имеющие место при присоединении аффиксов принадлежности:

1) закономерно выпадает узкий губной гласный второго слога основы, имеющей в первом слоге полуширокий *о/ө*, например: *көңҮл* 'сердце' — *көңлҮм* 'мое сердце'; *оғул* 'сын' — *оғлум* 'мой сын';

2) в двусложных основах с гласным *и* в обоих слогах выпадает *и* второго слога, например: *сиңил* 'младшая сестра' — *сиңлим* 'моя младшая сестра' (если основа производная, то выпадения гласного *и* не происходит, например: *билим* 'знание' — *билимим* 'мое знание'; *қилиқ* 'нрав' — *қилиғи* 'его нрав');

3) при присоединении аффиксов принадлежности к трехсложной основе выпадает гласный *и* второго открытого слога, например: *қариғай* 'сосна' — *қарғийи* 'его сосна';

4) в двусложной основе с открытым первым слогом и с закрытым вторым слогом полуширокий *е* первого слога переходит в широкий *а*, а гласный второго слога *и* выпадает, например: *беғир* 'печень' — *бағрим* 'моя печень'; *еқил* 'ум' — *әқли* 'его ум'; *кейин* 'потом' — *кәйни-кәйнидин* 'один за другим' и т. д.

[3] К редукции согласных можно отнести и такие явления:
звук *л* в конечной позиции часто совершенно не произносится; не произносится он также и в том случае, когда к основе с конечным *-л* присоединяется аффикс с начальным согласным, например: *кәл-~кә-* 'приходить', *кәгин* 'приходи', *кәмиди* 'он не пришел'; *ал* 'бери', *амидим* 'я не взял'; *асун* 'пусть возьмет' (на письме это явление не отражается).
звук *р* в конечной позиции в слоге обычно также не произносится, давая долготу предыдущему гласному, например: *қарға>қāға* 'ворона'; *әртә>әтә* 'утро' (на письме, как правило, не отражается).

ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Одно из отличий уйгурского языка от других тюркских языков состоит, как было отмечено выше, в том, что в уйгурском языке иногда нарушается присущая тюркским языкам неизменность корня слова; в немалой степени этому способствуют явления прогрессивной и регрессивной ассимиляции, редукции и, кроме того, чередования согласных, к рассмотрению которых мы переходим. Можно выделить следующие случаи чередований согласных:

1. При присоединении к двусложному или многосложному слову, оканчивающемуся на глухой согласный *қ/к*, аффиксов принадлежности происходит озвончение конечных глухих *қ/к>ғ/г*, например: *течлиқ* 'спокойствие' — *течлиғимиз* 'наше спокойствие'; *айақ* 'нога' — *айиғи* 'его нога'; *қозуқ* 'кол' — *қозуғи* 'его кол'; *кичик* 'маленький' — *кичигим* 'мой маленький'; *ҳәмкарлиқ* 'солидарность' — *ҳәмкарлиғимиз* 'наша солидарность' и т. д. В односложных словах такого чередования не происходит, например: *ақ* 'белый' — *еқим* 'мой белый'; *көк* 'синий' — *көки* 'его синий'; *йақ* 'сторона' — *йеқи* 'его сторона'.

2. При присоединении к односложному слову, оканчивающемуся на звонкий согласный *ғ/г*, аффикса с начальным согласным такого же качества оба согласных оглушаются, например: *бағ* 'сад' — *бақ-қа* 'в сад'; *тағ* 'гора' — *тақ-қа* 'на гору'; *бәг* 'бек' — *бәк-кә* 'беку' и т. д.

3. При присоединении аффиксов принадлежности к многосложным словам, оканчивающимся на губной глухой *п*, этот звук часто переходит в губно-губной *в*, например: *китап* 'книга' — *китиви* 'его книга'; *тәклип* 'предложение', 'приглашение' — *тәкливим* 'мое предложение', 'мое приглашение'. В односложных словах такого чередования, однако, вообще не происходит, например: *қап* 'мешок' — *қепи* 'его мешок'; *жип* 'нитка' — *жипи* 'его нитка' и т. д. Не происходит чередования и в некоторых многосложных словах, заимствованных из арабского и персидского языков и имевших в этих языках чаще всего окончание *ф*, например:

тәрәп 'сторона' — *тәрипи* 'его сторона'; *қулуп* 'замок' — *қулупи* 'его замок'; *маарип* 'просвещение' — *маарипимиз* 'наше просвещение' и т. д.

4. При присоединении к словам, оканчивающимся на зубно-нёбно-язычный глухой *т*, словообразовательных аффиксов *-ән*, *-ий* и аффиксов принадлежности указанный глухой конечный озвончается, например: *иҗат* 'изобретение' — *иҗадим* 'мое изобретение'; *иҗадий* 'творческий' — *иҗадән* 'творчески'; *мәхсәт* 'цель' — *мәхсидимиз* 'наша цель'; *дат* 'вопль' — *дади* 'его вопль'.

5. При присоединении словообразовательных аффиксов *-ән* и *-ий* к словам с конечным глухим *п* происходит озвончение *п*>*б*, например: *җәвап* 'ответ' — *җәвабий* 'ответный' — *җәвабән* 'в ответ'; *китап* 'книга' — *китабий* 'книжный'. Однако наблюдаются случаи, когда *п* переходит в *в*, например: *аптап* 'солнце' — *аптавий* 'солнечный', 'сушенный на солнце'.

6. Часто односложные и двусложные слова благодаря чередованию *г*~*в* могут употребляться в двух параллельных формах, например: *җуга*~*җува* 'верхняя одежда', 'шуба', *җуган*~*җуван* 'молодуха', *җугаз*~*җуваз* 'маслобойня', *угал*~*увал* 'грех' и т. д.

7. Во многих словах наблюдается чередование *ч*~*ш* независимо от их позиции, например: *тоғач*~*тоғаш* 'сдоба', *қушқаш*~*қушқач* 'воробей' и т. п.

8. При присоединении к слову с конечным нёбно-язычным глухим *ч* аффикса с начальным звуком аналогичного качества корневой *ч* переходит в зубно-нёбно-язычный *ш* (часто этот переход отражается и на письме), например: *йағач* 'дерево' — *йағашчи* 'столяр', *күмүч* 'серебро' — *күмүшчи* 'серебряных дел мастер' и т. д.

9. В конце слова возможно чередование *й*~*л*, например: *насвай*~*насвал* 'нюхательный табак', причем параллельно существуют обе формы.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ИЗМЕНЕНИЯ КОРНЯ

В уйгурском языке наблюдаются многочисленные частные случаи изменения корня в результате выпадения некоторых гласных или согласных звуков основы, а также в результате незакономерных чередований тех или иных звуков. Не имея возможности подвести эти случаи под какие-либо правила, укажем на некоторые из них:

1. При образовании глагола от слова *тез* 'быстрый', 'быстро' происходит переход *е*>*ә*: *тәзлә-* 'убыстряться', *тәзләт-* 'убыстрять' и т. д.

2. При образовании глагола от прилагательного *улуғ* 'великий' происходит редукция неначального *у*: *улғай-* 'увеличиваться', 'становиться большим'.

3. От прилагательного *сериқ* 'желтый' образуется глагол *сарғай-* 'пожелтеть'; ср., однако, деепричастие этого глагола — *сағирип*: *Чирайи самандәк сағирип кәткән* 'Его лицо пожелтело, как солома'.

4. От прилагательного *йоған* 'большой' образуется глагол *йоғар-*[4] 'увеличиваться', 'становиться большим' (*Аличә шунчә йоғарамду?* 'Разве алыча так высоко растет?'), который при образовании понудительного и страдательного залогов претерпевает следующие чередования: *йоғайт-* 'увеличивать' (*йоғайтип көрсәтүдиған әйнәк* 'увеличительное стекло') и *йоғутилған* 'увеличенный'.

5. От глагола *айри-* 'различать' образуется вопросительная форма настоящего времени *араламду* 'различает ли?' (*Чивинлар йоруқни рәңни араламду?* 'Различают ли свет и цвет мухи?').

6. От основы *уйқу* 'сон' (ср., однако, *уйқа арилаш* 'спросонок') образуется глагол *ухла-* 'спать' (*ухлиған ҳалда* 'в сонном состоянии'), понудительный залог от которого (в нашем примере — в форме причастия) имеет вид *ухлутудиған* 'снотворный'. От стяженной основы *ух-* (<*уйқу*) образовались новые глаголы: *ухан-* 'просыпаться', *ухат-* 'будить' (например: *ухутуду* 'он будит', *ухунуду* 'он просыпается').

7. Случай выпадения редуцированного *а*: *бала* 'ребенок' — *балилар* > *баллар* 'дети'.

СТЯЖЕНИЕ

В уйгурском языке в отличие от других тюркских языков наблюдаются многочисленные стяженные формы. Стяжению подвергаются не только отдельные слова (как в словарной форме, так и с формообразующими аффиксами), но и словосочетания. Приведем некоторые из них:

әнә 'вот'+*у* 'тот'>*аву* 'вот тот';
мана 'вот'+*бу* 'этот'>*маву* 'вот этот';
әнә 'вон'+*шу* 'тот'>*ашу* 'вон тот';
мана 'вот'+*шу* 'тот'>*машу* 'вот тот'.

Словосочетание *мана шу йер* 'вот это место' в пространственных падежах подвергается следующим стяжени-

[4] Глаголы подобного же типа образуются и от других прилагательных, ср.: *узун* 'длинный' — *узар-* 'удлиняться'; *қисқа* 'короткий' — *қисқар-* 'укорачиваться' (форма настояще-будущего времени *қисқирайду*).

ям: *мана шу йәрдә*>*мәшәдә* 'вот здесь', *мана шу йәргә*>*мәшәгә* 'сюда', *мана шу йәрдин*>*мәшәдин* 'отсюда' и т. д.

При образовании составных глаголов имеют место следующие стяжения: *елип кәл-*>*әпкәл-*>*әккәл-*>*әкәл-* 'приносить', *елип кәт-*>*әпкәт-*>*әкәт-* 'уносить', *елип чиқ-*>*әчиқ-* 'выносить' (в результате стяжения во всех трех составных глаголах от основы *ал-* 'брать' остался один гласный звук *ә*), *қелип кәт-*> *қапкәт* 'оставаться', *йоқолуп кәт-*>*йоқап кәт-* 'исчезать' (от глагола *йоқал-* здесь остался лишь первый слог, который и сочетается с аффиксом деепричастия прошедшего времени), *қелип қалди* стягивается в *қепқалди* 'остался'.

Многочисленны случаи стяжения в формах спряжения отдельных глаголов: *келипту*>*кәптү* 'он пришел', *болуптү*>*бопту* 'ладно', *қелипту*>*қапту* 'он остался', *елипту*>*апту* 'он взял' и т. д.

Вспомогательные глаголы *бәр-* 'давать', *әт-* делать', *йат-* 'лежать', *е-* 'быть' при образовании видовых и временных форм подвергаются стяжению, которое совершенно изменяет их фонетический облик, например: *қарай берди*>*қараведи* 'он продолжал смотреть'; *оқуй бәрди*>*оқуведи* 'продолжал читать'; *уруп әтти*>*урувәтти* 'нанес удар' (кстати отметим, что в данном сочетании второй компонент, по нашему мнению, не *әт-* 'делать', а *әвәт-* 'отправлять', ср. узб. *юбор-*, тат. *ебәрү*, казах. *жіберу*, выполняющие в составных глаголах данного типа ту же функцию, поэтому представляется возможным уйг. *урувәтти* выводить из *уруп әвәтти*); *оқуп йатадур*>*оқуватиду* 'он читает в данный момент'; *йазып йатадур*>*йазыватиду* 'пишет в данный момент'; *барар еди*>*баратти* 'обычно он ходил (пошел бы)'; *қарар еди*>*қаратти* 'обычно смотрел (посмотрел бы)'; *биләр еди*>*биләтти* 'он знал (узнал бы)' и т. д.

Проследим выпадение *л* в глаголах при образовании деепричастия прошедшего времени: *қилип*>*қип* 'сделав' (*чирайлиқ қип* 'сделав красивым'), *йоқулуп*>*йоқап* 'исчезнув' (*Нимәнчилиқ йоқап кәткүлүк* 'Почему так долго вас не видно?'; *Тикилипла қаптимән аңа* 'Я не мог оторвать глаз от нее').

Стяжению подвергаются слова, оформленные несколькими аффиксами и частицами:

демәйсизләрму 'разве вы не скажете?' (отрицательное деепричастие глагола *де-* 'говорить', показатель 2-го лица множественного числа *-сизләр* и вопросительная частица *-му*)> *деәмсила* (отрицательное деепричастие утратило конечный согласный *й*, вопросительная частица *-му* переместилась

с конечной позиции непосредственно к отрицательной основе, утратив при этом конечный гласный, от сложного аффикса *-сизләр* осталось только *-сила*). На вопрос *болмасму?* 'не будет ли?' ответ дается стяженной формой *болмамдиған* 'почему бы не быть'.

Стяжению подвергаются также конструкции со значением возможности и невозможности: *йашай алиду*>*йашалайду* 'может жить', *йашай алмайду*>*йашалмайду* 'не может жить'. Ср. также выражение вопроса в конструкциях возможности и невозможности: *айира алидиму?*>*араламду?* 'может ли различать?' (ответ: *аралайду* 'может различать'). Число примеров можно значительно увеличить.

Стяжение, которому подвергаются как отдельные слова, так и целые словосочетания, — специфическая черта уйгурского языка.

НАРАЩЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

При присоединении к некоторым словам с конечным гласным аффикса принадлежности между основой и аффиксом часто возникает протетический *р*, например: *киноси* и *кинори* 'его кино', *палтоси* и *палтори* 'его пальто', *тохурум* 'моя курица', *сийайим* и *сийарим* 'мои чернила', *норум* 'мой жёлоб' и т. д.

В ряде слов звук *и*, если за ним следует глухой согласный, сопровождается «вставочным» *ш*, который во многих случаях отражается и на письме, например: *ит*>*ишт* 'собака', *ики*>*ишки* 'два', *пийада*>*пишадә* 'пешком'.

СЛОГ

Непроизводные слова в уйгурском языке могут быть в основном односложными и двусложными, трехсложные слова встречаются редко. Производных многосложных слов очень много. В уйгурском языке непременной составной частью слога являются гласные звуки, слог из одних согласных не образуется.

Слоги бывают открытыми и закрытыми. Слог, оканчивающийся на гласный, — открытый (например, *а-на* 'мать'), оканчивающийся на согласный, — закрытый (*ат* 'лошадь', *үч* 'три'). Количество слогов в уйгурском слове совпадает с количеством гласных.

Основными типами слогов считаются следующие: 1) один гласный: *а-на* 'мать', *а-та* 'отец'; 2) гласный + согласный: *үч* 'три', *он* 'десять', *үн* 'звук'; 3) согласный + гласный: *да-да* 'отец', *а-ка* 'старший брат', *у-ка* 'младший брат';

4) согласный+гласный+согласный: *қар* 'снег', *бар* 'есть', *йоқ* 'нет'; 5) гласный+согласный+согласный: *аст* 'низ', *үст* 'верх'; 6) согласный+согласный+гласный (встречается только в заимствованиях из русского и китайского, как и типы 8, 9, 10): *про-фес-сор*, *про-грам-ма*; 7) согласный+гласный+согласный+согласный: *дост* 'друг', *төрт* 'четыре'; 8) согласный+согласный+гласный+согласный: *план*, *трак-тор*; 9) согласный+гласный+согласный+согласный+согласный: *текст*, *пункт*; 10) согласный+согласный+гласный+согласный+согласный: *фронт*, *транс-порт*.

УДАРЕНИЕ

Ударение в уйгурском языке отличается своей сложностью и неустойчивостью. В уйгурском, как и в других тюркских языках, ударение обычно падает на последний слог слова, например: *балá* 'ребенок', *күчлүк* 'сильный', *охшáш* 'похожий', 'подобный', *богýм* 'слог' и т. д. При дальнейшем наращении словообразующих и формообразующих аффиксов (если они не являются безударными) ударение соответственно перемещается на последний слог, например: *балá* 'ребенок', *балилáр* 'дети', *балиларғá* 'детям', *балилиримúз* 'наши дети', *балилиримизғá* 'нашим детям' и т. д.

Исключение из этого правила составляют многие заимствования из арабского и персидского языков, например: *қанáат* 'удовлетворение малым', *áлим* 'ученый', *бәлки* 'быть может', *әлвәттә* 'конечно'. *чүнки* 'ибо' и т. д., а также заимствования из русского и китайского, например: *демократúйә*, *трáнспорт*, *тéхник*, *тéхника*, *пáртийә*, *вúшин* 'спутник' и т. д. При дальнейшем наращении аффиксов обоих типов ударение в этих словах сохраняется без изменения, например: *трáнспорт*, *трáнспортни* 'транспорта', *трáнспортқа* 'транспорту', *трáнспортчи* 'работник транспорта', *трáнспортчилар* 'работники транспорта', *трáнспортчиларға* 'работникам транспорта' и т. д.

Если же в заимствованных словах ударение стоит на последнем слоге, то оно, как и в собственно уйгурских словах, по мере наращения аффиксов будет передвигаться соответственно на последний слог, например: *коммунúст*, *коммунистлáр* 'коммунисты', *коммунистларғá* 'коммунистам' и т. д.

Аффиксы сказуемости безударны, поэтому в словах, оформленных ими, ударение падает на слог, который предшествует аффиксу сказуемости, например: *муәллúммән* 'я учитель', *сән кúмсән?* 'ты кто?', *мән учқучúмән* 'я летчик' и т. д.

Аффикс отрицания *-ма/ -мә* также безударный, поэтому во всех отрицательных глагольных формах ударение падает на предшествующий этому аффиксу слог, например: *йáзмиди* 'он не писал'; *йáзмиған* 'он не писал', *йáзмисам* 'если я не пишу'; *йáзмай* 'не писав' и т. д. Однако в некоторых временны́х формах аффикс отрицания принимает ударение на себя. То же самое наблюдается в отрицательной форме причастия будущего времени.

В отличие от других тюркских языков в уйгурском в ряде случаев постановка ударения отклоняется от общего правила. Так, в составных словах, первые компоненты которых *ҳәр* 'каждый' и *ҳеч* 'ни', ударение падает на первый компонент, например: *ҳәрким* 'всякий', *ҳәрқайси* 'каждый', *ҳéчбир* 'не один', *ҳәрқандақ* 'всякий', *ҳéчқачан* 'никогда' и т. д.

В различных наречиях ударение возможно на всех слогах, например: *наҳáйити* 'очень', *хóйма* 'весьма', *бүгýн* 'сегодня', *түнýнгүн* 'вчера' и т. д.

В формах интенсива и превосходной степени прилагательных ударение падает соответственно на частицы интенсива и на наречия, указывающие степень, например: *қáп-қара* 'черный-пречерный', *сáп-сериқ*, 'желтый-прежелтый', *áппақ* 'белый-пребелый'; *әң йаман* 'самый плохой', *бәк йахши* 'очень хороший' и т. д.

Постпозитивные частицы, послелоги и служебные имена всегда безударны, поэтому при сочетании их со знаменательными словами ударение, как правило, падает на надлежащий слог знаменательного слова, например: *сән үчүн* 'ради тебя'; *áт билән* 'верхом на коне'; *сән билән* 'с тобой'; *өй ичидә* 'в комнате'; *тáғ теписидә* 'на вершине горы', *шәҳәр йенида* 'возле города'; *мән-му* 'и я', *ý-чу?* 'а он?' и т. д.

В парных словах ударение падает на последний слог первого компонента, например: *áз-көп* 'некоторое количество', *хотýн-қиз* 'женщины'; если последний слог первого компонента открытый, то ударение падает на предшествующий ему слог; *бáла-чақа* 'семья', *áта-ана* 'родители' и т. д.

Если компонентами парных слов являются числительные, то ударение падает на последний слог второго компонента, например: *қириқ-әллúк* 'сорок-пятьдесят', *он-он бәш* 'десять-пятнадцать' и т. д.

В составных глаголах ударение падает на именную часть: *йардәм қил-* 'помогать', *дәрс бәр-* 'преподавать', *қарáр қил-* 'решать', *нáшр әт-* 'издавать' и т. д.

В составных глаголах, именная часть которых оформле-

на аффиксом одного из пространственных падежей, ударение падает на этот падежный аффикс, например: *тилға́ ал-* 'упоминать', *сөзгә́ кәл-* 'заговорить', *тилдӣн қал-* 'перестать говорить (о больных)' и т. д.

При выпадении *ӣ* в средней позиции, *л* и *р* в средней и конечных позициях предшествующий им гласный обычно получает долготу, становясь тем самым ударным, например: *а́сун* 'пусть возьмет'; *а́ғин* 'возьми'; *қа́ға* 'ворона'; *қа́си* 'который'; *ба́дим* 'я сходил'; *бу́руқ* 'приказ'; *ча́қа-* 'полоскать' и т. д.

Принципы ударения в китайских заимствованиях еще не выработаны.

МОРФОЛОГИЯ

СЛОВО И ЕГО РАЗВИТИЕ

В структуре уйгурского слова можно выделить корень и аффикс (аффиксы). Корень, который представляет собой неразложимую единицу, в уйгурском языке функционирует самостоятельно и имеет полноценное значение. Аффиксы не функционируют самостоятельно и в звуковом отношении, за редким исключением, подчиняются корню, поэтому они имеют несколько вариантов в соответствии со звуковым составом корня.

Слово бывает непроизводным, производным, составным, парным и аббревиатурным. Непроизводное уйгурское слово бывает чаще всего односложным или двусложным и очень редко — трехсложным (слова иноязычного происхождения могут быть и многосложными). Производные и образуемые путем словосложения составные слова создаются морфологическим способом.

В современном уйгурском языке имеется значительное количество таких слов, которые исторически являлись производными или даже составными, однако в настоящее время они воспринимаются как непроизводные, к ним относятся: *жуқури* 'верх', 'вверх', *ичкири* 'внутрь', 'во внутрь', *орғақ* 'серп', *тарғақ* 'расческа' и т. д.; два первых слова исторически состоят из корня и двух аффиксов, а последние два являются отглагольными именами, причем корни их в настоящее время имеют самостоятельное употребление. К исторически производным или составным словам должно быть отнесено также значительное количество арабских или персидских по своему происхождению слов. Такие слова, с точки зрения грамматического строя языка, из которого они заимствованы, состоят из префикса и основы, из основы и аффикса иноязычного происхождения или, наконец, из двух самостоятельных полнозначных слов; в последнем случае тот или иной компонент (а иногда и оба компонента) имеет в уйгурском языке самостоятельное употребление. Большинство подобных производных или составных слов создано на персидской или арабской почве и воспринимается уйгурами как неделимые простые слова. К этой группе слов следует отнести: *ҳәмра* 'спутник', *бечарә* 'бедняга', *бәдбәхт* 'несчастный', *бетәрәп* 'нейтральный', *бәрпа* 'возведение', *данишмән* 'мудрец', *атәшпәрәст* 'огнепоклонник', *меҳнәткәш* 'трудящийся', *хошал* 'радостный', *аброй* 'честь', *ашпәз* 'повар' и т. д.

К этой же группе относятся многочисленные арабские производные формы—масдары, причастия действительного и страдательного залогов, имена места и времени и т. д. Эти слова на уйгурской почве неразложимы, следовательно, должны считаться простыми. Таковы, например, *китап* 'книга', *мәктәп* 'школа', *мәктуп* 'письмо', *катип* 'писец', в арабском языке являющиеся производными от глагола *кәтәбә* 'писать'; ср. также *ҳал* 'положение', 'состояние', *әҳвал*—форма множественного числа, *әҳвалат*—форма двойного множественного числа, в арабском восходящие к одному общему корню *ҳәвәлә* и т. д. Следующий, количественно менее значительный, пласт неразложимых основ составляют слова китайского происхождения: все китайские слова, проникшие в уйгурский язык, воспринимаются уйгурами как неделимые простые слова, независимо от того, употребляются или нет самостоятельно отдельные компоненты этих составных слов (например: *тән* 'полк', *тәнҗаң* 'полковник'; *пу* 'пушка', *тәйпу* 'гаубица'). Наконец, последний пласт неразложимых слов—заимствования из русского языка и из языков братских народов через переводную литературу. Среди этих заимствований имеется значительное количество производных слов, например: *болшевик, болшевизм, болшевистик, коммунист, коммунизм, коммунистик, капитализм* и др. Суффиксы *-изм, -ист* и т. д., посредством которых эти слова образованы в языке-источнике, в уйгурском языке реально не существуют, в словообразовании не участвуют. Поэтому и эти производные для русского языка слова в уйгурском должны считаться неразложимыми многосложными простыми словами.

Встречающиеся в некоторых заимствованиях префиксы имеют иноязычное происхождение (из арабского и персидского языков, а в последнее время и из русского) и, как правило, на уйгурской почве не принимают участия в словообразовательном процессе; в порядке исключения можно

привести такой пример: от уйгурской основы *баш* 'голова' при помощи префикса *бе-* образовано слово *беваш* 'самовольный', которое в данный момент также должно считаться неразложимым (простым) словом. Заимствования, в структуре которых имеются префиксы, с точки зрения уйгурского языка воспринимаются как неделимые простые слова (в то время, как основы этих слов в уйгурском языке имеют и самостоятельное употребление), таковы образования при помощи персидского префикса *бе-*, выражающего отрицание ('не', 'без'), от арабской или персидской основ *беәдәп* 'неучтивый', 'невоспитанный' (*әдәп* 'приличие', 'учтивость'), *беәқил* 'неумный', 'неразумный' (*әкил* 'ум'), *бебаҳа* 'неоценимый' (*баҳа* 'цена'), *бевапа* 'неверный' (*вапа* 'верность'), *бевахт* 'не вовремя' (*вахт* 'время') и т. д.

Аббревиатуры, число которых в современном уйгурском языке все увеличивается, независимо от своего состава и характера с точки зрения уйгурского языка также воспринимаются как неразложимые слова.

Таким образом, уйгурское знаменательное слово может состоять: 1) из корня, неразложимого на данной стадии или воспринимаемого уйгурами как неразложимый (непроизводное слово); 2) из корня и словообразующего аффикса (производное слово); 3) из корня или основы и формообразующего аффикса. Кроме того, в уйгурском языке употребляются также составные слова, включающие несколько корней и аффиксов.

В уйгурском языке знаменательные слова, к которым относятся имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы и наречия, имеют полновесную семантику не только в контексте, но и вне его; обладают самостоятельным ударением; могут принимать как словообразующие, так и формообразующие аффиксы.

Группу незнаменательных слов составляют так называемые служебные слова, куда входят послелоги, служебные имена, союзы, частицы и междометия. Служебные слова самостоятельной семантикой не обладают и служат лишь для выражения грамматических отношений между словами, не имеют самостоятельного ударения, не принимают словообразующих аффиксов, не обладают способностью образовывать новые слова. Формообразующие аффиксы могут принимать главным образом служебные имена, но и эта их способность ограничена кругом пространственных падежей.

Аффиксы, если сопоставлять их со служебными именами, по своим функциям и семантике представляют следующую степень грамматической абстракции: они или участвуют в словообразовании, или выражают грамматические отношения

между словами. В соответствии с этим аффиксы делятся на словообразующие и формообразующие (словоизменяющие).

Аффиксы могут быть ударными и безударными. По своему звуковому составу они в основном уподобляются основе слова по линии гармонии гласных и согласных. Имеются, однако, и аффиксы со стандартным звуковым составом. В нарушение закона гармонии гласных в уйгурском языке наблюдается тенденция к употреблению аффиксов, имеющих в своем составе гласные заднего ряда, даже в тех случаях, когда основа содержит гласные переднего ряда.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Уйгурское слово в своей словарной форме может выступать одновременно в значениях единственного и множественного числа, например: *қой*—'овца' и 'овцы', *адәм*—'человек' и 'люди'. Этим объясняется тот факт, что при сочетании имени существительного с числительным или наречием, обозначающим количество, существительное выступает без показателя множественного числа: *бәш қой* 'пять овец'; *он ат* 'десять лошадей', *нурғун адәм* 'много людей', *аз пул* 'мало денег'. В то же время уйгурское слово может сочетаться с аффиксом множественного числа, означая в этом случае множество видов, сортов, например *гүлләр* 'цветы разных видов'.

Категория множественного числа обычно выражается морфологически при помощи двухвариантного аффикса *-лар/-лəр*, гласные которого могут подвергаться редукции, например: *бала* 'ребенок', *балилар* 'дети', *балилири* 'его дети'. Обычно конечный согласный аффикса множественного числа не произносится, однако на письме это явление не отражается (исключение: вместо *сизләр* 'вы' обычно пишется *силә*). Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в уйгурском языке в свою очередь могут принимать аффиксы множественного числа: *сиз—сизләр>силә* 'вы', *биз—бизләр* 'мы'.

Обычно идея совокупности в уйгурском языке передается при помощи аффикса множественного числа, например: *диханлар* 'крестьянство', *йашлар* 'молодежь', *муәллимләр* 'учительство' и т. д. Присоединяясь к именам собственным, аффикс множественного числа передает обобщающее значение, например: *Мамутлар* 'Мамут вместе с членами своей семьи'.

При перечислении однородных членов предложения обычно аффиксом множественного числа оформляется лишь

последний член или слово, относящееся к нему, например: *китап, дәптәр ҳәм қәғәзлирим* 'мои книги, тетради и бумаги'.

В аффиксах принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа в качестве показателя множественности выступает архаический аффикс двойственного числа *-з*, ср., например: *китабим* 'моя книга' и *китабимиз* 'наша книга'; *сөзүң* 'твое слово' и *сөзүңүз* 'ваше слово'. Присоединяясь к показателю 2-го лица повелительного наклонения *-ң*, архаический аффикс *-з* привносит оттенок уважения в значение множественности, ср., например: *кәл* 'приходи', *келиң* 'приходите', *келиңиз* 'пожалуйте'.

Аффикс взаимно-совместного залога *-ш* часто используется для выражения идеи множественности в смысле совместности действия; однако слово, стоящее в форме взаимного залога со значением множественности, в свою очередь может принимать аффикс множественного числа.

В известной мере идею множественности передают также парные слова, особенно основанные на принципе повтора: *чоң-кичик* 'большой-малый', '(все) от мала до велика'.

Во всех видах парных слов аффиксом множественного числа оформляются только вторые компоненты, например: *хотун-қизлар* 'женщины', *бала-чақилар* 'члены семьи'. Названия парных частей человеческого тела и вообще парных предметов, как правило, не принимают аффиксов множественного числа, например *мениң көзүм* 'мои глаза'; если же необходимо подчеркнуть единичность, перед такими именами ставится соответствующее определение, например: *мениң оң көзүм* 'мой правый глаз', *униң бир көзи* 'его один глаз' и т. д.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Если имя или именные формы глагола выступают в функции сказуемого (настоящее время), то в уйгурском, как и в других тюркских языках, именные части речи принимают соответствующие показатели, которые называются аффиксами сказуемости. Таким образом, синтаксическая категория сказуемости в уйгурском языке выражается морфологическим способом. Аффиксы эти следующие:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-мән*	*-миз*
2-е л.	*-сән*	*-силә(<-сизләр)*
	-сиз — форма вежливого обращения	
3-е л.	*-дур*	*-дур.*

Аффикс 3-го лица один и тот же для единственного и множественного числа, так как во множественном числе он не принимает соответствующего показателя. В речи аффикс 3-го лица обычно опускается. Аффиксы сказуемости 1-го и 2-го лица единственного числа и одной из форм 2-го лица множественного числа в уйгурском языке точно совпадают с соответствующими личными местоимениями; происхождение аффикса сказуемости 1-го лица множественного числа *-миз* от личного местоимения *биз* 'мы' легко установить.

Аффикс же 3-го лица *-дур* восходит к глаголу состояния *тур-* 'стоять' (*-дур<турур*).

В отличие от других тюркских языков в уйгурском аффиксы сказуемости фонетических вариантов не имеют и не подвергаются фонетическим изменениям. Аффиксы сказуемости безударны и пишутся всегда слитно с именной частью сказуемого:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*кишимән*	*кишимиз*
2-е л.	*кишисән/-сиз*	*кишисилә*
3-е л.	*киши*	*киши.*

Именное сказуемое, оформленное аффиксом сказуемости, может иметь при себе подлежащее — соответствующее личное местоимение, за счет которого предложение еще более конкретизируется и уточняется. Так как аффикс 3-го лица *-дур* обычно опускается, можно считать, что в современном уйгурском языке именные сказуемые оформляются аффиксами сказуемости лишь в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа. В 3-м лице сказуемость выражается при наличии личных местоимений *у* 'он' и *улар* 'они' путем строгого соблюдения порядка слов: именное сказуемое занимает конечную позицию в предложении, соответствующее местоимение предшествует ему: *у муәллим* 'он учитель', *улар муәллим* 'они учителя'.

Отрицательная форма сказуемости выражается при помощи отрицания *әмәс*, к которому присоединяются аффиксы сказуемости:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*муәллим әмәсмән*	*муәллим әмәсмиз*
2-е л.	*муәллим әмәссән/ әмәссиз*	*муәллим әмәссилә*
3-е л.	*муәллим әмәс*	*муәллим әмәс.*

Именное сказуемое в отрицательной форме может иметь при себе соответствующее личное местоимение в позиции подлежащего. В этом случае аффиксы сказуемости могут опускаться (ср., например: *мән муəллим əмəсмән* и *мән муəллим əмəс* 'я не учитель'), хотя нормативным для современного литературного уйгурского языка является употребление именного сказуемого в отрицательной форме с аффиксами сказуемости. В случае противопоставления положительной формы отрицательной последняя, как правило, не оформляется аффиксом сказуемости: *мән ишчи əмəс, диханмән* 'я не рабочий, а крестьянин'.

В отличие от других тюркских языков в уйгурском вопросительная частица *му* во 2-м лице единственного и множественного числа ставится обычно между именем и аффиксами сказуемости, хотя не исключена возможность употребления ее после аффикса сказуемости (ср.: *сән муəллиммусән?* 'ты учитель?', *сиз муəллиммусиз?* 'Вы учитель?', но: и *сән муəллимсəнму?*, *сиз муəллимсизму?*).

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Значение принадлежности объекта обладания субъекту обладания в уйгурском языке передается морфологически, при помощи соответствующих аффиксов принадлежности (иначе их называют притяжательными). Аффиксы принадлежности присоединяются к имени, обозначающему объект обладания, и указывают одновременно на лицо и число субъекта обладания; в свою очередь имя, обозначающее объект обладания, может стоять как в единственном, так и во множественном числе. В отличие от аффиксов сказуемости аффиксы принадлежности ударны.

В современном уйгурском языке аффиксы принадлежности каждого лица имеют несколько вариантов, в зависимости от звукового состава оформляемого слова; если последнее оканчивается на согласный, аффикс принадлежности получает протетический гласный *у/ү*, *и* или *а/ə*.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-м, -им/-ум/-үм, -ам/-əм*	*-миз, -имиз/-умиз/-үмиз*
2-е л.	*-ң, -иң/-уң/-үң, -аң/-əң, -ңиз/-иңиз/-уңиз/-үңиз*—в уйгурском языке образует преимущественно вежливую форму 2-го л. ед. ч.	*-ңлар, -иңлар/-уңлар/үңлəр, -аңлар/-əңлəр*
3-е л.	*-си, -и*	*-си, -и.*

Аффиксы принадлежности 3-го лица единственного и множественного числа совпадают. В то время как во многих тюркских языках аффикс 3-го лица множественного числа включает в свой состав формант *-лар*, в уйгурском языке показатель множественного числа *-лар* входит в состав лишь аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа *-ңлар*.

При оформлении категории принадлежности для некоторых заимствований из арабского, утративших в уйгурском корневые конечные согласные *h* или «айн», а также для некоторых общетюркских слов, утративших здесь корневой полугласный *в* (*б*) или корневой согласный *қ*, используются варианты аффиксов с начальными гласными, которые отделяются от конечного гласного оформляемого слова посредством вставного *й*; последний в силу неустойчивости орфоэпических и орфографических норм может чередоваться с *р*, например: *гунайим* 'мой грех', *сийайим//сийарим//мойарим* 'мои чернила', *матайим//матарим//матирим* 'моя мата' (род хлопчатобумажной материи), *суйум* 'моя вода', *тохуйум//тохурум* 'моя курица'.

Наиболее полно и точно значение принадлежности передается путем определительного словосочетания, где определение — личное местоимение или имя в родительном падеже — сочетается с определяемым — именем, оформленным соответствующим показателем принадлежности (синтактико-морфологический способ), например: *мениң китивим* 'моя книга', *мениң китаплирим* 'мои книги'; *бизниң китивимиз* 'наша книга', *бизниң китаплиримиз* 'наши книги'.

В современном уйгурском языке конкретная принадлежность может быть выражена синтаксическим способом, который, по-видимому, является наиболее древним и состоит в том, что в качестве определения выступает личное местоимение 1-го или 2-го лица множественного числа в родительном падеже, а определяемое не получает формальных показателей принадлежности, например: *бизниң йеза* 'наша деревня', *сизниң йезида* 'в вашей деревне', *бизниң мəмликəттə* 'в нашей стране'. Синтаксический способ свойствен в основном разговорной речи и отчасти — поэзии.

Морфологический и синтактико-морфологический (вместе с примыкающим сюда синтаксическим) способы выражения принадлежности используются в языке для передачи стилистических оттенков. При использовании морфологического способа в центре внимания оказывается объект обладания, при синтактико-морфологическом способе — субъект обладания. Наглядно можно проиллюстрировать это следующими примерами: *Бешим əмəс, көзүм ағрийду* 'Не голова, а

глаза у меня болят'; ср. *мениң китивим әмәс* 'не моя книга', а также *мениң китивимму?* 'моя ли книга?', но *китивимму?* 'моя книга-то?'

В языке поэзии и фольклора при синтактико-морфологическом способе выражения принадлежности допустима перестановка компонентов определительного словосочетания. В этом случае логическое ударение падает на оформленное аффиксом принадлежности определяемое, например: *Көзүм мениң көрмәйду* 'Глаза-то мои не видят' (ср. *Мениң көзүм көрмәйду* 'Мои глаза не видят').

Так называемая абстрактная принадлежность выражается морфологически: посредством своего рода субстантивированных притяжательных местоимений и прилагательных, образованных при помощи составного аффикса *-(н)иңки* (аффикс родительного падежа *-ниң*+словообразовательный аффикс *-ки*): *мениңки* 'мой', *сениңки* 'твой', *униңки* 'его', *бизниңки* 'наш', *сизниңки*, *силәрниңки* 'ваш', *уларниңки* 'их'. Притяжательные местоимения и прилагательные не могут выступать в качестве определения и употребляются в функции сказуемого, когда речь идет об уже определенном предмете: *Бу кимниң китиви?* 'Чья эта книга?' — *Мениңки* 'Моя'.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

В уйгурском языке, как вообще во всех тюркских языках, существует единый тип склонения для всех имен: падежные аффиксы имеют лишь фонетические варианты. В уйгурском языке склонению подлежат все имена, в том числе и числительные, местоимения, некоторые наречия, имена действия, причастия и т. д., а также заимствованные из русского существительные типа *метро, палто* и аббревиатуры типа *КПСС, СССР*. Одни и те же падежные аффиксы служат для склонения имен как в единственном, так и во множественном числе.

Падежная система современного уйгурского языка в основных чертах засвидетельствована в ранних уйгурских письменных памятниках, относящихся к V—VIII вв., хотя аффиксы некоторых падежей древнеуйгурского языка не совпадают с соответствующими современными аффиксами, и современный аффикс исходного падежа вообще не зафиксирован в ранних памятниках. Что касается аффикса местного падежа, то он выполнял в древнеуйгурском языке также функцию аффикса исходного падежа. Тот факт, что аффиксы местного падежа в уйгурском, как и в остальных тюркских языках, совпадают с монгольскими, а показатели исходного падежа не совпадают, подтверждает гипотезу об относительной «молодости» исходного падежа (возникновение исходного падежа не только в тюркских, но и в монгольском языках относится, согласно этой гипотезе, к периоду после распада тюрко-монгольской общности).

В древнеуйгурском языке существовал так называемый орудийный падеж с аффиксами *-ин/-ун/-үн*, который обозначал совместность совершения действия или предмет, при помощи которого совершается действие. Остатки этого падежа прослеживаются ныне лишь в наречиях времени отдельных тюркских языков. В настоящее время орудийное значение передается при помощи послелога *билән*, часто стягивающегося до форманта *-ла*, который вполне можно сопоставить с монгольским аффиксом соединительного падежа.

Что касается современных аффиксов направительного падежа *-ға/-қа*, *-гә/-кә*, то они еще в самых ранних уйгурских письменных памятниках употреблялись одновременно с ныне исчезнувшими древними аффиксами *-ра/-ру*[1] и составным *-ғару/-қару*. Последний фактически представляет собой соединение приведенного выше аффикса *-ра/-ру* и ныне существующего аффикса *-ға* (или его фонетических вариантов)[2].

До XI в. параллельно с употребляемым в уйгурском языке аффиксом винительного падежа существовал аффикс *-ғ*, который сохранился в современном монгольском языке.

В современном уйгурском языке имеются следующие падежи: 1) основной, 2) родительный, 3) дательно-направительный, 4) винительный, 5) местный и 6) исходный.

Падежные аффиксы обычно присоединяются непосредственно к имени, а при наличии аффиксов множественного числа и принадлежности, как правило, следуют за ними (примеры отдельных отклонений от этого правила см. на стр. 61, сн.4).

---

[1] Ср. в современном монгольском языке аффикс *-руу*, указывающий на направление действия, а также тур. *bura* 'это место', *ura* 'то место', где указательные местоимения сочетаются непосредственно с древним аффиксом направительного падежа; таков же характер употреблявшегося в средневековых памятниках слова *аспа* 'вниз' и сохранившегося до настоящего времени *соңра* 'потом', 'затем'. Соединение двух показателей направительного падежа прослеживается также в словах современного уйгурского языка *ичкири* 'внутрь', *ташқири* 'вовне', *жуқури* 'ввысь' и т. п.

[2] Аналогичное явление можно наблюдать в турецком: *buraya* 'сюда', *burada* 'здесь', *buradan* 'отсюда'; *uraya* 'туда', *urada* 'там', *uradan* 'оттуда', где указательные местоимения с древним аффиксом направительного падежа выступают как вторичные основы и принимают дополнительно аффиксы пространственных падежей.

Основной падеж не имеет формальных грамматических показателей; по своим функциям он гораздо шире русского именительного падежа: основной падеж в предложении употребляется не только в качестве подлежащего, но и в качестве определения, дополнения и обстоятельства.

Родительный падеж выражает принадлежность одного предмета другому или органическое отношение предметов, входящих в данное сочетание. Грамматический показатель родительного падежа — формант *-ниң*, в разговорном языке встречаются и губные его варианты *-нуң/-нүң*. Имя в родительном падеже выступает в качестве определения и с определяемым им словом, которое обязательно оформляется соответствующим аффиксом принадлежности, составляет определительное сочетание. Между определением, выраженным родительным падежом, и определяемым им словом могут находиться не только отдельные определения, но и целые определительные словосочетания, например: *мениң китивим* 'моя книга', *мениң йеңи китивим* 'моя новая книга', *мениң түнүгүн сетивалған йеңи китивим* 'моя новая книга, которую я купил вчера'.

Дательно-направительный падеж имеет следующие показатели: *-ға/-қа*, *-гә/-кә*; он передает в основном значение направления действия, выраженного личной или неличной формами глагола. Дательно-направительный падеж имени действия выражает также цель и назначение действия, например: *Сизни көрүшкә кәлдим* 'Я пришел, чтобы встретиться с вами'.

Винительный падеж оформляется при помощи аффикса *-ни* без фонетических вариантов. Винительный падеж, которым управляют переходные глаголы, выражает объект действия (функция — прямое дополнение); при глаголах движения этот падеж служит для выражения обстоятельственного дополнения места и времени.

Иногда форманты родительного и винительного падежей совпадают (ср. аналогичное явление в некоторых говорах и диалектах узбекского языка, в кумыкском языке), например: *атни беши* вместо *атниң беши* 'голова лошади', *балини китиви* вместо *балиниң китиви* 'книга ребенка', *балиларни дадиси* вместо *балиларниң дадиси* 'отец детей'.

Местный падеж указывает на место или время совершения действия. В предложении он выступает в функциях обстоятельственного дополнения, косвенного дополнения и обстоятельственного определения. Аффикс местного падежа четырехвариантный: *-да/-дә/-та/-тә*, например: *балида* 'у ребенка', *атта* 'на лошади', *кишидә* 'у человека', *төрттә* 'в четыре'.

Исходный падеж указывает на исходную точку действия и образуется при помощи двухвариантного аффикса *-дин/-тин*, например: *балидин* 'от ребенка', *аттин* 'от лошади'. Редко, главным образом в отдельных говорах, этот аффикс может иметь и губные варианты *-дүн/-дүн*, *-түн/-түн* (как, например, в асинском говоре башкирского языка). Исходный падеж в предложении выполняет функции косвенного дополнения и обстоятельства места, например: *Қәшқәрдин кәлдим* 'Я приехал из Кашгара'; *Бу китапни күтүпханидин алдим* 'Эту книгу я взял из библиотеки'; *Сиздин сораймән* 'Я вас прошу'; *Йүзүмдин өпти* 'Он расцеловал меня в щеки'; *Униң нә йәрлик екинини сөзлишидин билдим* 'Из его речи я узнал, откуда он' и т. д.

Приведем парадигму склонения, учитывая возможные фонетические варианты падежных аффиксов:

Основной падеж: *ана* 'мать', *китап* 'книга', *дәптәр* 'тетрадь', *көк* 'небо';
Родительный падеж: *аниниң*, *китапниң*, *дәптәрниң*, *көкниң*;
Дательно-направительный падеж: *аниға*, *китапқа*, *дәптәргә*, *көккә*;
Винительный падеж: *анини*, *китапни*, *дәптәрни*, *көкни*;
Местный падеж: *анида*, *китапта*, *дәптәрдә*, *көктә*;
Исходный падеж: *анидин*, *китаптин*, *дәптәрдин*, *көктин*.

Таким образом, падежные аффиксы в уйгурском языке могут иметь от одного до четырех фонетических вариантов в единственном числе и от одного до двух вариантов во множественном.

В современном уйгурском, как и в других тюркских языках, довольно часто имеют место случаи употребления форм того или иного падежа в функции другого падежа. Например, вместо исходного иногда может быть употреблен винительный[3]: *Калиниң сүтини қетиқ уйутуду* 'Из коровьего молока делают простоквашу'; вместо местного — дательно-направительный падеж: *Биз көктатлиққа нурғун ишлидуқ* 'Мы много работали на огороде'; ср. также *Мән йарға нимә қилдим, йаман көзидә қарап* 'Что я сделал другу, из-за чего он смотрит на меня злыми глазами?', где

[3] Смешение функций падежей (местного и исходного, местного и направительного, винительного и родительного и т. п.) характерно не только для уйгурского, но и для других тюркских языков.

вместо сочетания имени с послелогом *билән* употреблен местный падеж и т. д.

В уйгурском языке нет падежа, соответствующего русскому творительному. Инструментальное значение русского творительного падежа в уйгурском языке передается аналитически при помощи послелога *билән* (<*бирлән*), который пишется отдельно от имени, например: *балға билән* 'молотом'; тот же послелог передает и другое значение русского творительного — соучастие в действии, например: *бала билән* 'с ребенком', *ат билән* 'с лошадью', 'верхом на лошади'. В уйгурском языке нет также падежа, соответствующего русскому предложному. Значение русского предложного падежа передается аналитически при помощи таких служебных имен, как *ҳәққида*, *тоғрусида* или послелога *тоғрулуқ*: *Сабит тоғрусида* 'о Сабите', *хәлқ коммуниси тоғрусида* 'о народной коммуне', *Мамут тоғрулуқ* 'о Мамуте', *хәлқ тоғрулуқ* 'о народе' и т. д.

Следует указать и на сочетание аффикса уподобления с именами, при котором образуется своего рода уподобительный падеж, например: *атдәк* 'как лошадь', *кишидәк* 'как человек', *балилардәк* 'как дети', *анилардәк* 'как матери'.

Субстантивированные притяжательные прилагательные, которые образуются от формы родительного падежа имен собственных и имен, обозначающих профессию, посредством аффикса *-ки*, могут склоняться и, в частности, принимать аффиксы пространственных падежей: *Сабитниңкидә* 'у Сабита', 'в доме Сабита', *малчиниңкидин* 'из дома скотовода', *дохтурниңкидин* 'из дома доктора'.

Форма местного падежа имен существительных и местоимений служит основой для образования так называемых субстантивированных относительных прилагательных с аффиксом *-ки*. Эти весьма употребительные в уйгурском языке образования характерны тем, что они могут в свою очередь принимать аффиксы пространственных падежей, множественного числа, а также некоторые частицы (*-му*, *-ғу*, *-ла*, *-чу* и др.), например, *униңдиғиниму* 'и то, что находится у него' (добавлен аффикс винительного падежа и частица *-ғу*), *мәктәптигиләрнила* 'только тех, которые находятся в школе' (аффиксы множественного числа и винительного падежа, частица ограничения *-ла*). Интересен следующий случай наращения множества показателей: *кочидики* 'находящийся на улице', *кочидикиләр* 'находящиеся на улице', *кочидикиләрниң* 'у тех, которые находятся на улице', *кочидикиләрниңки* 'принадлежит тем, которые находятся на улице', *кочидикиләрниңкидә* 'в доме тех, которые находятся на улице', *кочидикиләрниңкидики* 'то, что находится в доме тех, которые находятся на улице', *кочидикиләрниңкидикиләр* 'те, которые находятся в доме тех, которые находятся на улице', *кочидикиләрниңкидикиләрге* 'тем, которые находятся в доме тех, которые находятся на улице'; к каждой из таких форм можно еще прибавить вопросительные частицы *-му* и *-чу*.

При оформлении слова показатели принадлежности обычно предшествуют падежным аффиксам. Приведем образцы склонения имен с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа:

Единственное число

дада+м 'мой отец' *ат+им* 'моя лошадь'

Основной падеж	*дадам*	*етим*
Родительный падеж	*дадамниң*	*етимниң*
Дательно-направительный падеж	*дадамға*	*етимға*
Винительный падеж	*дадамни*	*етимни*
Местный падеж	*дадамда*	*етимда*
Исходный падеж	*дадамдин*	*етимдин.*

Аффикс множественного числа следует непосредственно после имени, предшествуя аффиксам принадлежности и падежа [4].

Множественное число

дада+лар+им 'мой отец и члены его семьи'
ат+лар+им 'мои лошади'

Основной падеж	*дадилирим*	*атлирим*
Родительный падеж	*дадилиримниң*	*атлиримниң*
Дательно-направительный падеж	*дадилиримға*	*атлиримға*
Винительный падеж	*дадилиримни*	*атлиримни*
Местный падеж	*дадилиримда*	*атлиримда*
Исходный падеж	*дадилиримдин*	*атлиримдин.*

[4] В уйгурском языке отмечаются тем не менее случаи, когда, присоединяясь к терминам родства, аффиксы принадлежности могут иногда предшествовать аффиксам множественного числа, например, *таға+м+лар* 'мой дядя и члены его семьи' (ср. род. пад. *тағамларниң*, дат.-напр. пад. *тағамларға*, вин. пад. *тағамларни*, местн. пад. *тағамларда*, исх. пад. *тағамлардин*). При таком перемещении аффиксов принадлежности аффиксы дательно-направительного и местного падежей, естественно, будут иметь лишь по два фонетических варианта: *-ға/-гә* и *-да/-дә*.

ПОСЛЕЛОГИ

Для уточнения, а в ряде случаев и расширения, синтаксических отношений, выражаемых падежной системой, применяются послелоги и служебные имена. Исходя из этого, мы рассматриваем их непосредственно после раздела «Категория падежа», допуская тем самым известное нарушение традиционной схемы расположения частей речи.

Исторически послелоги восходят к знаменательным словам: некоторые из них и поныне, выполняя функцию послелога, продолжают употребляться как имя, наречие, деепричастие и т. д. Ряд послелогов уже не имеет самостоятельного лексического значения.

Все послелоги пишутся отдельно от того слова, которым они управляют, и являются безударными. Послелоги могут управлять основным, направительным и исходным падежами.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ОСНОВНЫМ ПАДЕЖОМ

билән 'с', 'вместе с'; сочетаясь с личными местоимениями, может управлять родительным падежом.

Значения *билән* многообразны; проследим их на примерах: *қериндаш билән йаздим* 'я писал карандашом' (орудийное значение); *ата билән ана* 'отец и мать' (соединительное значение); *Мамут билән* 'вместе с Мамутом', *мән билән//мениң билән* 'вместе со мной' (значение совместности[5]); *Өйгә киришим билән уни көрдүм* 'Как только я вошел в дом, увидел его' (в сочетании с именем действия на *-ш*, иногда оформляемым аффиксом принадлежности, передает чередование действий во времени, причем присоединение к послелогу частицы *-ла* усиливает значение быстроты чередования действий: *Мәктәпкә киришим билән-ла* 'Сразу после того, как я вошел в школу'); *Мән поезд билән кәлдим* 'Я приехал на поезде' (выражает средство передвижения); *Бу ишләр тәшкилниң буйруғи билән ишләнди* 'Эти работы выполнены по распоряжению организации' (причинное значение); *Шу коча билән кәтти* 'Он ушел по этой улице' (пространственное значение).

үчүн (в поэзии встречается стяженная форма *чүн*) 'для' 'ради', 'за', 'из-за'; сочетаясь с личными местоимениями, может управлять родительным падежом, например: *сән үчүн//сениң үчүн* 'ради тебя', а с указательными местоимениями в основном управляет родительным падежом: *шуниң үчүн* 'поэтому', 'ради этого', 'из-за'. Послелог *үчүн* в основном выражает целевые, причинные и пространственные значения: *полат үчүн күрәш* 'борьба за сталь'; *Вәтән үчүн, хәлқим үчүн челишимән* 'Борюсь за Родину, за свой народ'.

арқилиқ 'посредством', 'через', 'сквозь', образовано от существительного *арқа* 'спина' (которое может употребляться и в качестве служебного имени). Выражает опосредованные, а также пространственные отношения: *радио арқилиқ* 'по радио'; *Пулни почта арқилиқ хуйлидим* 'Деньги я перевел по почте'; *Мән Бежингә Урумчи арқилиқ баримән* 'Я в Пекин поеду через Урумчи'.

ара I 'между' употребляется и как послелог, и как служебное имя: *Бу бир өз ара болған гәп еди* 'Это был разговор, происшедший между нами'.

ара II—архаический послелог, употребляется в основном в поэзии в пространственном значении: *Жаһан ара қизиди күрәш* 'Разгорелась борьба во вселенной'; *бақ ара* 'в саду'.

бойичә 'по', 'на основании', 'согласно' (образован от существительного *бой* 'стан', 'рост'); выражает пространственно-продольное значение, а также передает отношения соответствия: *нәмунә бойичә* 'по образцу', *қанун бойичә* 'по закону'.

бойи 'по' (образован от того же существительного); выражает значение протяжения во времени: *жиллар бойи* 'годами', 'в течение многих лет', *пүтүн күн бойи* 'по целым дням', *түн бойи* 'целую ночь'.

қәдәр—выражает значения сравнения, сопоставления, приблизительности, иногда тождества: *бу қәдәр* 'в такой степени'; *Бир жил қәдәр вәхт өтти* 'Прошел приблизительно один год'. При обозначении предела во времени и пространстве управляет направительным падежом, например: *саәт бәшкә қәдәр* 'до пяти часов'; *У һазирға қәдәр кәлмиди* 'Он до сих пор не пришел'.

тоғрулуқ 'о', 'об', 'про' (образован от прилагательного *тоғру* 'прямой'): *йардәмчи сөзләр тоғрулуқ умумий чүшүнчә* 'общие сведения о вспомогательных глаголах', *бу тоғрулуқ* 'об этом'.

арилап (по происхождению—деепричастие от глагола *арила-* 'ходить между чем-либо'); передает значение периодичности во времени и в пространстве: *күн арилап* 'через день'; *Тағ арилап йаңрайду әмгәкчиләр нахшиси* 'В горах раздается песнь трудящихся'.

атлап (по происхождению—деепричастие от глагола

[5] Значение совместности может быть усилено за счет наречий *биллә* 'вместе', *биргә* 'вместе с', *бирликтә* 'вместе', из которых наиболее употребительным является *биллә*, например: *Мамут билен билле* (*биргә, бирликтә*) 'совместно с Мамутом'.

атла- ‘шагать’); выражает значение чередования: *қур атлап* ‘через строчку’.

ташлап (по происхождению—деепричастие от глагола *ташла-* ‘бросать’); передает значение чередования (в смысле пропуска): *Бәт ташлап оқудум* ‘Я читал, пропуская страницы’.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ДАТЕЛЬНО-НАПРАВИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

қарши (по происхождению—наречие, может выступать и в качестве служебного имени); выражает противопоставление: *Кәһриман әскәрлиримиз душмәнгә қарши һуҗумгә өтти* ‘Наши героические войска перешли в наступление на врага’ (букв.: ‘против врага’).

көрә (по происхождению—деепричастие от глагола *көр-* ‘видеть’); выражает значение соответствия: *шуңа көрә* ‘в соответствии с этим’. Управляя исходным падежом, передает сравнение: *Бу җиғиткә хапа болғандин көрә, башқа бирәр чарә қоллунуш мувапиқ* ‘Чем обижаться на этого молодого человека, целесообразнее принять какие-то меры’.

қарап ‘по’, ‘к’, ‘по направлению к’ (по происхождению—деепричастие от глагола *қара-* ‘смотреть’); выражает пространственные отношения: *әждиһар от чечип ширға қарап умтулди* ‘Дракон, извергая огонь из пасти, кинулся на льва’.

қариғанда ‘в сравнение с’ (по происхождению—причастие в местном падеже от глагола *қара-* ‘смотреть’); выражает значения сравнения, соответствия: *Адәттикигә қариғанда бүгүн көпрәк ишлидуқ* ‘Сегодня мы работали больше, чем обычно’; *хәвәрләргә қариғанда* ‘согласно сообщениям’.

йариша (по происхождению—деепричастие от глагола *йараш-* ‘идти’, ‘подходить’, ‘соответствовать’); выражает значение соответствия: *ҳәркимниң қәбилийитигә йариша* ‘в соответствии со способностью каждого’; *заманиға йариша* ‘в духе времени’.

охшаш (по происхождению—прилагательное); выражает значение подобия: *саңа охшаш* ‘вроде тебя’.

қаримай, қаримастин ‘несмотря на’, ‘вопреки’ (по происхождению—отрицательное деепричастие от глагола *қара-* ‘смотреть’); *кесәл болушиға қаримай* ‘несмотря на свою болезнь’.

йеқин ‘при’, ‘к’ (по происхождению—прилагательное); выражает значения приближения в пространственном отношении или приблизительности: *күзгә йеқин* ‘к осени’; *Йеши қирққа йеқин* ‘Ему почти сорок лет’.

бинаән ‘согласно’, ‘в соответствии’, ‘на основании’ (по происхождению—арабское наречие): *шуңа бинаән* ‘в соответствии с тем’.

нисбәтән ‘относительно’, ‘по отношению’ (по происхождению — арабское наречие); синонимично приведенному выше *қариғанда*: как и последнее, выражает значения сравнения и соответствия: *Унуңға нисбәтән бу әрзанрақ әмәсму?* ‘Разве этот не дешевле, чем тот?’

мувапиқ ‘сообразно’, ‘в соответствии’ (по происхождению—арабское причастие); синонимично послелогу *йариша*: *өзиңгә мувапиқ* ‘в соответствии с тобой’.

таман ‘к’, ‘по направлению к’ (по происхождению—существительное, может употребляться как в самостоятельном, именном значении, так и в функции служебного имени); означает направление действия; синонимичен послелогу *қарап*.

сери ‘к’, ‘по направлению к’—один из наиболее древних послелогов, синонимичен *таман*, может употребляться и с основным падежом: *Секунтлар сери гүллинәр бу йеңи заман*, букв. ‘Секундами расцветают эти новые времена’. С причастием на *-ған*, передает нарастание действия: *Барған сери өзиниң парлақ нурини чачиду* ‘Все больше и больше разбрасывает свои сверкающие лучи’.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСХОДНЫМ ПАДЕЖОМ

Для выражения временны́х отношений употребляются послелоги *илгири* ‘раньше’, *бурун* ‘прежде’, *әввәл* ‘раньше’, происходящие от наречий, из которых последнее—арабское. Все они сохранили способность принимать аффикс сравнительной степени *-рақ/-рәк*: *У биздин илгири кәлди* ‘Он пришел раньше нас’; *Сән биздин бурунрақ кәл* ‘Приходи немного раньше нас’.

кейин ‘за’, ‘вслед’, ‘после’, ‘позже’, выражает временны́е и пространственные отношения: *тамақтин кейин* ‘после обеда’. Между управляемым именем и послелогом может быть включено слово или сочетание слов, указывающее на срок: *мундин көп кейин* ‘значительно позже этого’. Послелог *кейин* происходит от наречия; сохранил способность принимать аффикс сравнительной степени *-рәк*: *Саәт бәштин кейинрәк кәлдим* ‘Я пришел немного позже пяти’.

соңра ‘за’, ‘вслед за’ (восходит к имени *соң*, оформленному древним аффиксом направительного падежа *-ра*); мало употребителен: изредка встречается в поэзии.

бери 'начиная с [определенного времени]', 'от' (происходит от наречия со значением 'сюда'), имеет пространственное и временно́е значение: *Үч күндин бери йамғур йағмақта* 'Вот уже три дня, как идет дождь'.

буйан—синонимичен *бери*; в составе этого послелога можно выделить указательное местоимение *бу* 'это' и *йан* 'сторона'. Выражает временны́е отношения: *шундин буйан*, 'с тех пор'.

башлап 'начиная с' (по происхождению—деепричастие от глагола *башла-* 'начинать'); выражает пространственные и временны́е отношения: *10-марттин башлап ҳавалар бузулуп кәтти* 'Начиная с 10 марта погода испортилась'.

тартип 'с', 'с тех пор' (по происхождению—деепричастие от глагола *тарт-* 'тянуть'); синонимичен послелогу *башлап: Кичигимдин тартипла әмгәк қилип пишқанмән* 'Я сызмальства закален в труде'.

нери—происходит от наречия со значением 'туда', синонимичен послелогу *бери*; имеет временное и пространственное значение.

башқа 'кроме', 'иное' (по своему происхождению—прилагательное); имеет значение лишения, исключения: *Сәндин башқа туралмаймән* 'Без тебя я не могу жить'.

ташқири 'вне', 'кроме': *қанундин ташқири* 'вне закона' (по своему происхождению—имя *таш* 'внешняя часть', оформленное древним показателем направительного падежа *-ка+-ри/-ру*).

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

бойлап (по происхождению—деепричастие от глагола *бойла-* 'идти по берегу', 'идти по воде, измеряя глубину'); выражает пространственные отношения: *У дәрйани бойлап кәтти* 'Он ушел по берегу реки'.

йақилап 'по' (по происхождению—деепричастие от глагола *йақила-* 'идти по берегу'); синонимичен *бойлап*.

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Служебные имена, как и послелоги, употребляются для выражения грамматических отношений между словами; однако в отличие от послелогов они в основном уточняют значения пространственных падежей. В отличие от послелогов служебные имена подлежат грамматическим изменениям: принимают притяжательные аффиксы единственного и множественного числа всех трех лиц (некоторые служебные имена арабского происхождения, например *асасида*,

принимают только притяжательные аффиксы 3-го лица) и аффиксы пространственных падежей. Таким образом, каждое служебное имя может иметь 18 форм, например: *мениң үстимдә* (или *-дән, -гә*) 'на мне', *сениң үстиңдә* (*-дән, -гә*) 'на тебе', *униң* (*уларниң*) *үстидә* (*-дән, -гә*) 'на нем (них)', *бизниң үстимиздә* (*-дән, -гә*) 'на нас', *сизниң үстиңиздә* (*-дән, -гә*) или *силәрниң үстилириңдә* (*-дән, -гә*) 'на нас'. Без этих грамматических показателей служебные имена перестают быть таковыми и выступают в своих основных именных значениях. Сочетание служебного имени с именем в родительном (реже—в основном) падеже образует изафетную конструкцию.

Приведем список имен, которые выступают в качестве служебных имен: *ара* 'промежуток', *асас* 'основание', *алд* 'перед', *арқа* 'спина', 'задняя часть', *аст* 'низ', *әтрап* 'окрестность', *оттура* 'середина', *үст* 'верх', *оп-чөрә* 'окрестность', *удул* 'напротив', *ич* 'внутренность', *бой* 'стан', 'берег', *ташқири* 'вне', 'возвышенность', *тоғри* 'правда', *түп* 'низ', *тәг* 'под', 'низ', *хусус* 'особенность', *қарши* 'против', *қаш* 'подле', *ҳәк* 'право', *йан* 'бок', *кейин* 'задняя часть', *йақа* 'берег', *көй* 'угол', *таман* 'сторона' и т. д.

ЧАСТИ РЕЧИ

Несмотря на то что вопрос о частях речи в тюркских языках до сих пор остается спорным, можно сказать, что в настоящее время основные части речи более или менее точно определены. В таких языках, как уйгурский, где в корневых основах морфологические показатели за редким исключением не выделяются, необходимо использовать в качестве различительных признаков семантику слова, синтаксическое употребление и его грамматические формы, характерные лишь для той или иной части речи.

Так, по семантическим и морфологическим признакам из знаменательных частей речи выделяются имена и глаголы, а из незнаменательных — служебные слова. Между именами существительными и глаголами стоят так называемые отглагольные имена; между именами и служебными словами — служебные имена. В группе имен, опираясь на семантические, морфологические признаки и на синтаксическое употребление слов, можно выделить имена прилагательные, числительные и местоимения. Между знаменательными и незнаменательными словами, примыкая, с одной стороны, к именам прилагательным, стоят некоторые группы наречий, для выделения которых важны все указанные выше признаки. Имеется также

значительное количество непроизводных слов, лишенных каких бы то ни было морфологических признаков, причем по семантике их можно отнести к нескольким частям речи, например: *йаман* отдельно взятое означает 'плохой' и 'плохо', в сочетании с аффиксом множественного числа, субстантивируясь, *йаман* переходит в разряд существительных; *қизиқ* может означать 'интересно', 'интересный' и 'интерес', *балилиқ* 'детство' и 'имеющий ребенка'; *жуқури* может означать 'высокий', 'высоко', 'высь'.

Таких слов в уйгурском языке очень много. В подобных случаях наиболее надежной меркой является синтаксическое употребление. Однако при всех этих трех признаках в отдельных случаях бывает весьма трудно определить основное значение данного слова. Тогда нам на помощь приходит четвертый признак—способность принимать те или иные аффиксы. Если данное слово может присоединять аффикс сравнительной степени, т. е. форму, присущую именам прилагательным, то мы его относим к разряду прилагательных, например: *чуңқур* означает 'глубокий', 'глубоко', 'глубина' и 'яма' и одновременно обладает способностью принимать аффикс *-рақ—чуңқуррақ* 'глубже'; по этому признаку мы его относим к числу имен прилагательных. Принимая аффикс множественного числа, это слово субстантивируется: *чуңқурлар* 'ямы', а выступая в качестве обстоятельства образа действия (т. е. глагольного определения), оно может быть и наречием со значением 'глубоко'.

С точки зрения изменяемости основы весь словарный состав языка делится на изменяемые и неизменяемые части речи. К изменяемым относятся имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и глаголы. К неизменяемым—наречия, союзы, послелоги, частицы и междометия. Однако встречаются случаи, когда междометие может принимать аффиксы принадлежности и падежные аффиксы, например: *униң вай-вайиға қаримай* 'несмотря на его вопли' (букв.: 'на его ой-ой'); *Өткәндин кейин вай-вайдин нимә пайда?* 'Какая польза от твоего «ай-ай», когда дело уже сделано?'. Изменяемость служебных имен ограничена сферой аффиксов принадлежности и пространственных падежей.

Изменяемые части речи делятся на имена и глаголы, т. е. на склоняемые и спрягаемые.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Именам существительным свойственны категории принадлежности, числа и падежа. В присоединении к именам словообразующих и формообразующих аффиксов соблюдается строгий порядок: словообразующие аффиксы предшествуют аффиксу множественного числа, аффикс множественного числа—падежному аффиксу, а этот последний, за редким исключением, предшествует частицам; наблюдаются, однако, случаи, когда в уйгурском языке аффикс множественного числа располагается после аффиксов принадлежности и падежа.

Имена существительные делятся на непроизводные и производные. Непроизводные слова с точки зрения современного языка морфологически нечленимы. Производные состоят из корня и одного или нескольких словообразующих аффиксов. Составные имена существительные образуются путем словосложения. Например: *иш* 'дело', 'работа' — непроизводное слово; *ишчи* 'рабочий' — производное, образованное от того же корня при помощи продуктивного аффикса действующего лица *-чи*, который употребляется и в настоящее время. *Тарғақ* 'расческа'— исторически производное от ныне употребительного глагола *тара-* 'расчесывать', однако с точки зрения современного языка оно считается неразложимым словом, так как ныне аффикс *-ғақ* выполняет совершенно другую функцию, образуя производные слова другого значения—приближающиеся к имени прилагательному.

Некоторые аффиксы характерны только для отдельных частей речи, а к другим не присоединяются, например: аффикс *-чи* сочетается с именем существительным и очень ограниченно с именем числительным: *хизмәт* 'служба'—*хизмәтчи* 'служащий', *қириқ* 'сорок'—*қириқчи* 'получающий что-либо в количестве сорока определенных единиц'; этот аффикс нельзя присоединить, например, к имени прилагательному. Аффикс *-лиқ*, присоединяясь к имени существительному, образует имя прилагательное со значением обладания: *күч* 'сила'—*күчлүк* 'сильный', *қиш* 'зима'—*қишлиқ* 'зимний'. Тот же аффикс, присоединяясь к именам прилагательным, числительным, образует имя существительное отвлеченного качества: *қизил* 'красный'—*қизиллиқ* 'краснота', *бир* 'один'—*бирлик* 'единство'; присоединяясь к названию местности, образует имя, указывающее на принадлежность к этой местности: *Қәшқәр* 'Кашгар'—*қәшқәрлиқ* 'кашгарец' и т. д.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

По своей структуре прилагательные делятся на непроизводные и производные.

Непроизводные качественные имена прилагательные могут обозначать цвет: *қизил* 'красный', *көк* 'синий', *ақ* 'белый', *йешил* 'зеленый' и т. д.; пространственные или

временные отношения: *тоғра* 'прямой', *оң* 'правый', *сол* 'левый', *чоң* 'большой', *кичик* 'малый', *кәң* 'широкий' и т. д.; физические свойства и качества предметов: *еғир* 'тяжелый', *йеник* 'легкий'; слова, обозначающие внешние физические или телесные качества живых существ: *йаш* 'молодой', *қери* 'старый', *оруқ* 'тощий' и т. д.[6]

Ряд непроизводных прилагательных может субстантивироваться, употребляясь в качестве определяемого, например: *тухумниң еқи* 'белок яйца', *түнниң қариси* 'черноте ночи'; *Бир қара көрүниду* 'Виднеется какой-то силуэт'; *Бир чуңқурға чүшүп кәттим* 'Я упал в яму' и т. д. Многие прилагательные могут выполнять функцию обстоятельства образа действия, т. е. глагольного определения (и в этом случае переводятся русскими наречиями), например: *йахши оқу-* 'хорошо читать'.

Производные прилагательные образуются как при помощи аффиксов, присущих только именам прилагательным, так и посредством аффиксов, общих для прилагательных и существительных. Прилагательные образуются в основном от имен существительных и глаголов, а иногда и от других частей речи, в частности от местоимений и наречий; образующий прилагательное аффикс может стоять даже после некоторых падежных аффиксов, показателей временных форм глагола и т. д. Относительные и локативные имена прилагательные являются исключительно производными, образованными при помощи соответствующих аффиксов из других частей речи.

В уйгурском языке различаются сравнительная и превосходная степени прилагательных, из которых первая образуется морфологически и синтаксически. Морфологически сравнительная степень образуется при помощи аффикса *-рақ/-рәк*: *йахширақ* 'лучше', *узунрақ* 'длиннее'. Кроме того, этот аффикс может выражать уменьшение качества, его сравнительную неполноту, например: *ушшағрақ* 'помельче', *аччиғрақ* 'горьковатый'. Аффикс *-рақ/-рәк* может присоединяться к наречиям-послелогам *бурун* 'раньше', *илгири* 'прежде', *кейин* 'после', к производным наречиям на *-ча/-чә* (*уйғурчирақ* 'до некоторой степени по-уйгурски'), деепричастиям, некоторым наречиям меры и степени (*азрақ* 'помельче', *җикрақ* 'побольше' и т. д.).

При синтаксическом (или аналитическом) способе образования степени сравнения имя сравниваемого предмета

[6] Состав непроизводных прилагательных не ограничивается, конечно, лишь перечисленными группами. Функцию качественных прилагательных могут выполнять в определительных словосочетаниях имена существительные, обозначающие вещество, например: *таш көрүк* 'каменный мост', *йағач өй* 'деревянный дом'.

ставится в исходном падеже, предшествуя прилагательному, например: *Мамуттин күчлүк* 'сильнее Мамута'; *қардин ақ* 'белее снега' и т. д. В этом случае имя прилагательное также может принимать аффикс сравнения, например: *бу өй у өйдин егизрәк* 'этот дом [чуть] выше того дома'. При синтаксическом способе могут использоваться также послелоги *қариғанда*, *көрә*, *нисбәтән*, требующие от имени сравниваемого предмета дательно-направительного падежа, например: *униңға қариғанда бу йахши* 'это лучше того', *бу униңға нисбәтән арзанрақ* 'это чуть дешевле того'.

В уйгурском языке, как и в некоторых других тюркских языках, ограниченное количество слов, выражающих цвет предмета, имеет степень ослабления качества, которая образуется при помощи аффиксов *-үш/-үш/-иш*, *-ғуч/-ғүч*, *-мтул* (при этом иногда происходит выпадение некоторых корневых звуков), например: *еқиш* 'беловатый', *көкүш* 'синеватый', *қизғуч* 'красноватый', *қараматул* 'черноватый', от *сериқ* 'желтый'—*сағуч* 'желтоватый' и т. д. Путем присоединения аффиксов *-ғина/-қина*, *-гинә/-кинә* образуется уменьшительно-ласкательная форма, например: *йахшиғина* 'хорошенький', *кичиккинә* 'малюсенький', *татлиққина* 'сладенький'.

Превосходная степень выражается путем сочетания имен прилагательных с наречными словами *әң* 'самый', *бәк* 'очень', *наһайити/найити* 'чрезмерно', *ғайәт* 'весьма', *хойма* 'весьма', *таза* 'очень' и т. д., например: *бәк амрақ* 'очень дружный', *найити нурғун* 'очень много', *хойма татлиқ* 'очень сладкий' и т. д. Превосходная степень может выражаться описательно, путем сочетания прилагательного с местоимениями *һәммә*, *барчә* 'все' в исходном падеже, например: *һәммидин йоған* 'больше всех', *барчидин күчлүк* 'сильнее всех', или путем повтора прилагательного, причем первое стоит в исходном падеже, например: *тоғридин-тоғри* 'прямо-прямо', 'прямой из прямых', 'самый правильный'; *очуқтин-очуқ* 'без всякого секрета', 'самый открытый'. Превосходная степень может передаваться также при помощи сочетания имени, обозначающего сравниваемый предмет, в родительном или исходном падеже единственного или множественного числа и занимающего положение определяемого, и субстантивированного прилагательного, оформленного аффиксом принадлежности 3-го лица; при этом прилагательное может иметь при себе указанные выше наречные слова превосходной степени, например: *атниң йахшиси* 'лучший из коней', *атларниң әң йахшиси* 'самый лучший из коней'.

Интенсивная степень качества выражается путем частичной редупликации прилагательного (повторения первого слога с прибавлением согласного звука), например: *қап-қара* 'совершенно черный', *сап-сериқ* 'желтый-прежелтый', *көм-көк* 'совершенно синий'. Посредством редуплицированных прилагательных иногда может быть выражена неполнота качества, например: *Өсүмлүк көм-көк болуп қапту* 'Растения довольно хорошо зазеленели'.

Аффиксы имен прилагательных, кроме аффикса *-лиқ/-лик*, фактически являются морфологическими показателями имен прилагательных. Что касается форманта *-лиқ/-лик*, то он, образуя прилагательные со значением обладания, служит также и для образования имен существительных.

НАРЕЧИЕ

Наречия тесно связаны с именами прилагательными. Одни и те же слова, даже производные, в зависимости от синтаксического употребления могут выступать и как имена прилагательные, и как наречия, например: *уйғурчә сөзләш-* 'разговаривать по-уйгурски' и *уйғурчә йезиқ* 'уйгурское письмо'; *кәһримананә һәрикәт* 'героическое действие' и *кәһримананә жәң қил-* 'героически сражаться'. Различаются наречия места, времени, образа действия, меры и степени, причины, отрицания и утверждения. Грамматически они делятся на непроизводные, производные, парные, составные и сложные, образованные синтаксическим путем. Приведем краткий список наиболее употребительных наречий.

1. Непроизводные [7]

Образа действия: *қандақ* 'как', *аста* 'медленно', *чапсан* 'быстро', *араң* 'еле', *илдам* 'быстро', *асан* 'легко', *бикар* 'даром', 'зря', 'бесплатно', *сәл* 'еле', *секин* 'тихо', *обдан* 'хорошо', *йаман* 'плохо', *йахши* 'хорошо', *тәтүр* 'против', *раса* 'действительно'.

Места: *жуқури* 'вверх', *тувән* 'вниз', *бери* 'сюда', *нери* 'туда', 'дальше', *мәшә* 'вот здесь', *әшә* 'вот там', *жирақ* 'далеко', *йеқин* 'близко', *узақ* 'далеко', *алға* 'вперед'.

Времени: *бүгүн* 'сегодня', *кечә* 'вчера', *күндүз* 'днем', *ахшам* 'вечером', *һазир* 'сейчас', *кейин* 'потом', *әтә* 'утром', *кәчқурун* 'вечерком', *бурун* 'раньше', *аввал* 'прежде', *илгири* 'раньше', *бултур* 'в прошлом году', *бәлдур* 'раньше', *озал* 'позавчера', *һаман* 'всегда', *бәлки* 'давеча', *әмди* 'теперь', *дайим* 'постоянно', *һели* 'сейчас', *һәргиз* 'никогда', *асла* 'никогда', *дәрро, дәрһал* 'немедленно'.

Меры и степени: *көп, өңиқ, нурғун* 'много', *аз, кәм* 'мало', *хойма* 'очень', *найити* 'очень', 'весьма', *интайин* 'довольно', *бәк* 'очень', *хели* 'значительно', *йалғуз* 'одиноко', *пәқәт* 'только', *йәнә* 'еще', *мол* 'много', *талай* 'значительно', *техи* 'еще', *ғайәт* 'очень', *мутлақ* 'абсолютно', *тамамән* 'полностью'.

Причины и цели: *әтәй* 'нарочно', *қәстән* 'сознательно', *әтәйин* 'нарочно'.

2. Производные

Образа действия: *биргә* 'вместе', *бирләң* 'совместно', *бирдән* 'неожиданно', *башқичә* 'иначе', *қәһримананә, батирларчә* 'героически', *достанә* 'по-дружески', *тағдәк* 'как гора', *үзлүксиз* 'беспрерывно', *туйуқсиз* 'неожиданно', *зорға* 'еле', 'с трудом'.

Места: *мәшәдә* 'вот здесь', *жирақта* 'далеко', *жираққа* 'вдаль', *нериден* 'издали', *мәшәдин* 'вот отсюда', *узақтин* 'издали', *нериги* 'туда', *жуқуриға* 'вверх', *пәсттә* 'внизу', *қуйидин* 'снизу', *йандин* 'сбоку'.

Времени: *түндә* 'ночью', *чүшлиги, чүштә* 'в полдень', *қишичә* 'зимою', *әмдигичә* 'до сих пор', *әмдилик* 'в данный момент', *бурундин* 'издавна', *әзәлдин* 'издревле', *азанда* 'утром', *сәһәрдә* 'на заре', *хелигичә* 'продолжительно', 'все еще'.

Меры и степени: *йениму* 'еще', *путүнләй* 'целиком', *йетәрлик* 'достаточно'.

Причины и цели: *ухмастин* 'несознательно'.

3. Наречия, восходящие к причастиям и деепричастиям [8]

Образа действия: *һармай, талмай* 'неустанно', *зерикмәй* 'не скучая', *алдирап* 'торопливо', *онлап* 'десятками', *йүзләп* 'сотнями', *йахшилап* 'по-хорошему', *әтәйләп* 'нарочно'.

Времени: *дәсләп* 'сперва'.

[7] Сюда же включены исторически производные, но воспринимаемые в настоящее время как непроизводные наречия (например, *бүгүн* 'сегодня').

[8] Здесь имеются в виду только те наречия, которые образованы из причастий и деепричастий, продолжающих функционировать в современном уйгурском языке.

Меры и степени: *нургунлиған* ‘множество’, *миңлиған* ‘тысячи’.

Причины и цели: *өчәкәп* ‘из-за мести’, *билмәй* ‘несознательно’, *пайқимай* ‘незаметно’, *уқмай* ‘не понимая’, *пәмлимәй* ‘не понимая’.

4. Парные наречия

Образа действия: *ҳармай-талмай* ‘неустанно’, *қолму-қол* ‘непосредственно’, *көзму-көз* ‘воочию’, *наҳәқтин-наҳәқ* ‘несправедливо’, *көр-көранә* ‘вслепую’.

Места: *нери-бери* ‘туда-сюда’, *унда-мунда* ‘кое-где’, *алдин-кейин* ‘взад-вперед’.

Времени: *әтә-кеч* ‘целый день’, *қишин-йезин* ‘круглый год’, *күни-түни* ‘денно-нощно’, *бүгүн-әтә* ‘вот-вот’, ‘со дня на день’, *күндин-күнгә* ‘со дня на день’, *анда-санда* ‘время от времени’.

Меры и степени: *аз-маз* ‘немного’, *сәл-пәл* ‘немножко’, *тола-толмас* ‘не в полной мере’, *он-ондин* ‘по-десяти’, *аз-көп* ‘всего’, *унчә-мунчә* ‘сколько-нибудь’.

5. Наречия, образованные синтаксическим способом

Места: *ҳәрқәйәрдә* ‘везде’, *әллақайақта* ‘бог знает, где’, *шу йәргә* ‘туда’, *бу йәрдә* ‘здесь’.

Времени: *ҳәрқачан* ‘всегда’, *биркүн* ‘однажды’, *күнләрдә биркүн* ‘в один из дней’.

Меры и степени: *бирйола* ‘сразу’, *бирталай* ‘значительное количество’, *бирмунчә* ‘некоторое количество’.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имена числительные делятся на количественные, порядковые, разделительные, дробные, собирательные и неопределенно-количественные.

В сложных числительных наименования высших разрядов предшествуют наименованию низших, например: *он бәш* ‘пятнадцать’, *төрт йүз оттуз бәш* ‘четыреста тридцать пять’. Если в сложных числительных речь идет об одной сотне, тысяче и т. д., обязательно ставится числительное *бир* ‘один’: *бир йүз әллик* ‘сто пятьдесят’. Для обозначения десяти тысяч существует устаревшее слово *түмән*. При сочетании количественного числительного с именем исчисляемых предметов, последнее ставится в единственном числе: *он бала* ‘десять детей’; то же самое

можно сказать и в отношении сочетаний с числительными других разрядов: *йүзлигән адәм* ‘сотни людей’, *миңләрчә дәрәх* ‘тысячи деревьев’.

Количественные числительные могут принимать аффикс *-лик/-лик*: *бәшлик* ‘нечто, обозначающее пять’, ‘пятерка’; *миңлик* ‘нечто, обозначающее тысячу’ и т. д. Принимая аффиксы принадлежности, количественные числительные субстантивируются: *иккимиз* ‘мы вдвоем’, *иккимизгә* ‘нам двоим’.

Порядковые числительные образуются от количественных числительных при помощи аффикса *-нчи/-инчи*, который в сложных числительных присоединяется к наименованию единиц: *биринчи* ‘первый’, *он биринчи* ‘одиннадцатый’, *бир йүз он төртинчи* ‘сто четырнадцатый’. Порядковые числительные могут субстантивироваться, принимая аффиксы принадлежности, падежа и множественного числа: *үчинчиси* ‘третий из них’, *үчинчисигә* ‘третьему из них’, *төртинчиләр* ‘четвертые’.

Разделительные числительные образуются от количественных числительных при помощи аффикса исходного падежа: *ондин* ‘по десяти’, *йүздин* ‘по сотне’, ‘по сто’.

При образовании дробных числительных[9] числительное в исходном падеже, выражающее знаменатель дроби, предшествует числительному в основной форме, выражающему числитель дроби: *бәштин бир* ‘одна пятая’, *миңдин бир* ‘одна тысячная’.

Собирательные числительные образуются при помощи аффиксов *-лән/-үлән* и отвечают на вопросы *нәччилән?* и *қанчилән?*, отсутствующие в других тюркских языках: *бәшүлән* ‘впятером’, *иккилән* ‘вдвоем’.

Неопределенно-количественные числительные образуются посредством аффиксов *-ча/-чә*, *-лиған/-лиген*, *-лап/-ләп*, например: *онча* ‘около десяти’, *онларчә* ‘десятками’, *миңлап* ‘тысячами’, *минлиған* ‘тысячами’.

Приблизительность счета может быть передана при помощи парных числительных, как *он-он бәш* ‘десять-пятнадцать’, *бир-икки* ‘несколько’ и т. д. Это же сочетание передается путем присоединения *нәччә* ‘сколько’: *он нәччә* ‘больше десяти’, *йүз нәччә* ‘больше ста’.

При определении времени количественному числительному обязательно предшествует слово *саәт* ‘час’: *саәт бәш* ‘пять часов’, *саәт бәш йерим* ‘пять с половиной’, ‘половина шестого’. При вопросе о времени после слова

[9] Для передачи понятий «половина» и «четверть» существуют слова *йерим* и *черәк*, из них первое может сочетаться с количественным числительным (*он йерим* ‘десять с половиной’), а второе не сочетается.

саәт следует вопросительное местоимение *нәччә?* 'сколько?' (иногда—и глагол *бол-* в форме прошедшего категорического времени): *саәт нәччә?* (*Саәт нәччә болди?* 'Сколько времени?'). Счет минут передается двояко: в отношении первой половины часа указывается, сколько минут прошло, а в отношении второй—сколько недостает: *он мичтин он минут өтти* 'десять минут четвертого'; *он минут кәм бәш* 'без десяти минут пять', при этом слово *саәт* обычно не ставится.

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения. Личные местоимения представлены следующими словами:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*мән*	*биз*
2-е л.	*сән, сиз*	*силә*
3-е л.	*у*	*улар.*

Все личные местоимения, кроме *мән*, могут сочетаться с аффиксами множественного числа: *бизләр*, *сенләр*, *силә* (<*сизләр*), *улар*.

Относительно образования местоимения *силә* можно предполагать, что оно восходит к древнему местоимению 2-го лица **си* (которое, приняв древний же аффикс множественного числа *-з*, образовало *сиз* 'вы')+показатель множественного числа *-лар*>*-лә*. Можно, конечно, допустить, что *силә* есть результат более позднего явления редукции: *силә*<*сизлә*<*сизләр*.

Следует отметить, что для 2-го лица множественного числа форма *силә* в настоящее время является наиболее распространенной и вполне литературной, почти совершенно вытеснившей местоимение *сиз*, которое ныне употребляется в основном как форма вежливого обращения.

Личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа одновременно являются указательными местоимениями со значениями 'тот', 'та', 'то', 'те'.

Укажем на следующие особенности склонения личных местоимений единственного числа:

а) местоимения *мән*, *сән* в родительном и винительном (а также в усложненных местном и исходном) падежах теряют свой конечный согласный *-н*: *мән*+*ни*>*мени*;

б) наряду с обычной формой родительного падежа местоимения 3-го лица единственного числа *униң* распространена форма *ениң* (<*аниң*). Это же относится к указательному местоимению *у*;

в) переднеязычный корневой широкий гласный *ә* местоимений в направительном падеже превращается в заднеязычный *а*, и падежный аффикс *-ға*, контаминируясь с конечным согласным *-н* местоимений, превращается в *-на*;

г) присоединение аффиксов местного и исходного падежей непосредственно к основе личных местоимений единственного числа (с возникновением проклитического *-н-* в местоимении 3-го лица) возможно; однако в настоящее время литературной нормой является присоединение аффиксов пространственных падежей к форме родительного падежа указанных местоимений;

д) направительный падеж местоимения 3-го лица *у* образуется путем присоединения аффикса *-ға* к форме родительного падежа этого местоимения.

Приведем парадигму склонения личных местоимений:

Единственное число

Падеж	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Основной	*мән*	*сән*	*у*
Родительный	*мениң*	*сениң*	*униң*[10]
Направительный	*маңа*	*саңа*	*униңға*
Винительный	*мени*	*сени*	*уни*
Местный	*мәндә*	*сәндә*	*унда*
	мениңдә	*сениңдә*	*униңда*
Исходный	*мәндин*	*сәндин*	*ундин*
	мениңдин	*сениңдин*	*униңдин*

Множественное число

Падеж	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Основной	*биз*	*силәр*	*улар*
Родительный	*бизниң*	*силәрниң*	*уларниң*
Направительный	*бизгә*	*силәргә*	*уларға*
Винительный	*бизни*	*силәрни*	*уларни*
Местный	*биздә*	*силәрдә*	*уларда*
Исходный	*биздин*	*силәрдин*	*улардин.*

[10] Наряду с *униң* в уйгурском языке широко употребляется *ениң*, редуцированная форма от *аниң* (последняя сохранилась также в татарском языке).

Личные местоимения в любой падежной форме в свою очередь могут сочетаться с ограничительной частицей *-ла*, с вопросительными частицами *-му* и *-чу*, утвердительной *-ғу*, союзной *-да/-дә*, с отрицанием *әмәс*, например: *мәндила* 'только у меня'; *сәндиму бар* 'и у тебя есть'; *маңачу?* 'а мне?'; *мәндиңғу алдиң* 'ведь ты у меня взял'; *биздидә бар* 'и у нас есть'; *бизгә әмәс* 'не нам'; *биздинла әмәс* 'не только от нас'; *биздила әмәс* 'не только у нас'. Сочетание личного притяжательного местоимения с послелогом *билән*, управляющим в данном случае родительным падежом, сопровождается обычно в уйгурском языке наречием *биллә* (<*бирлә*, в других тюркских языках ему соответствует *биргә*): *мениң билән биллә* 'вместе со мной'.

Указательные местоимения. Указательные местоимения по своему значению делятся на местоимения, указывающие на дальние и близкие предметы, а по грамматическому составу — на простые и составные. *Бу* служит для указания на видимый близкий предмет ('этот'), *у* — для указания на более дальний предмет ('тот'). Кроме того, имеется *шу*, указывающее на невидимый, но мысленно представляемый дальний предмет ('вон тот'), например: *бу киши* 'этот человек', *у киши* 'тот человек', *шу киши* 'тот самый человек' (о котором идет или шла речь).

Из составных указательных местоимений укажем на *оша*, которое состоит из двух компонентов *у* (или древний* *ош* и *шу*, причем при сложении в первом компоненте выпал согласный *ш* или узкий губной перешел в широкий губной, во втором же компоненте узкий губной превратился в широкий негубной. Значение — 'тот самый' (известный дальний предмет, о котором уже шла речь). Употребляется также составное местоимение *ошал* 'вот тот', происхождение которого может быть объяснено двояко: *у+шол* (полная форма *шу*) или же древнее *ош+ул* (полная форма *у*). Из двух местоимений составлено другое местоимение — *ушбу*, в котором второй компонент нам известен, а первый компонент *уш* восходит к древнему *ош* 'тот'; в соответствии со значениями компонентов *ушбу* обозначает известный видимый предмет: *ушбу китап* 'вот эта книга'. Таким образом, составные местоимения *оша/ошал* и *ушбу* указывают на предмет, уже упоминавшийся, известный, но выражают различные степени приближения во времени и пространстве (ср.: *оша саәттә* 'в тот час', *ушбу саәттә* 'сейчас', 'вот сейчас').

Из простых указательных местоимений отметим еще один ряд противостоящих по своим значениям местоимений *әнә* и *мана*, из которых первое указывает на более дальний, а второе — на близкий, видимый предмет. Однако в отдельных устойчивых сочетаниях они взаимозаменимы: вместо *мана халас* 'вот тебе и на' можно сказать *әнә халас*. Эти местоимения могут сочетаться с другими указательными местоимениями: *әнә у* 'вон тот', *мана бу* 'вот это' и т. д.; в результате стяжения получились такие образования, как *манаву* (ср. также *анаву*), *маву*, *мәву* и *муну*, восходящие к *мана бу*, а также *аву*>*әву* и *ашу*>*әшу*, восходящие к *әнә у* и *әнә шу*. Безусловно составным по происхождению является редкоупотребляющееся местоимение *тана* 'вон' ('вон тот дальний'). Наличие составного же местоимения *таву*, указывающего на еще более дальний предмет, дает возможность предположить существование простого указательного местоимения *та* (указание на дальний предмет) и представить образования *тана*<*та+әнә*, *таву*<*та+у* и *анавут* (указание на еще более отдаленный предмет) *әнә+у+та*. Употребляемое при указании на очень далекий предмет местоимение *ануна* произошло, по-видимому, из повтора *әнә+әнә*. Можно предположить, что составные местоимения *манаву* 'вот это' и *анаву* 'вон тот' состоят соответственно из простого указательного местоимения (*мана* или *әнә*) и аффикса *-ғу*. Если это так, то упомянутые выше *аву* и *маву* — по всей вероятности стяженные формы этих местоимений. Можно также думать, что *аву* и *маву* восходят все к тем же *әнә у* и *мана бу*. Составное местоимение *мушу*, употребляемое для указания на известный близкий предмет, по нашему мнению, состоит из двух компонентов, из которых *му*>*бу* указывает на близкий предмет, а *шу* — на отдаленный.

Указательные местоимения имеют ряд особенностей склонения. В одних случаях падежный аффикс присоединяется к основе непосредственно, а в других — к родительному падежу основы. Встречаются случаи, когда обе эти формы существуют параллельно. Что касается местоимений *мана*, *әнә*, *тана*, *анавут*, то при склонении они сливаются со своими разновидностями *манаву* и *маву*, *анаву* и *аву* и т. д. При склонении местоимения *ануна* своеобразно образуется форма родительного падежа: конечный широкий *а* редуцируется: *а*>*и*, к полученной основе присоединяется усеченный показатель падежа *-ң*, в результате чего получается форма *ануң*, принимаемая в качестве основы при склонении.

При склонении местоимения *бу* (а также при образовании производных и составных местоимений с участием *бу*) начальный согласный *б* закономерно чередуется с *м*, например: *муни* (вин. пад.), *мунда* 'здесь' и т. д. В отличие

от *бу* 'это' местоимение *у* 'тот' в родительном падеже наряду с *униң* может иметь форму *ениң*, а в других падежах в качестве склоняемой основы могут выступать обе эти формы.

Приведем парадигму склонения указательных местоимений в единственном числе (склонение указательных местоимений во множественном числе осуществляется согласно общим правилам):

Падеж	*у* 'тот'	*шу* 'вон тот'	*ануна* 'во-он тот'
Основной	*у*	*шу*	*ануна*
Родительный	*униң/ениң*	*шуниң*	*ануниң*
Направительный	*униңға/ениңға*	*шуна/шуниңға*	*ануниңға*
Винительный	*уни*	*шуни*	*ануни*
Местный	*униңда/ениңда*	*шуниңда*	*ануниңда*
Исходный	*униңдин/ениңдин*	*шуниңдин*	*ануниңдин.*

Указательные местоимения могут стягиваться не только при сочетании друг с другом, но и с последующими определяемыми словами. Так, составное указательное местоимение *мана шу* 'вот это', сочетаясь со словом *йәр* 'земля', 'место', образовало новую лексическую единицу *мәшә* 'вот это место' (от *мана* сохранился первый слог *мә*, от *шу* — согласный *ш*, от *йәр* — только гласный *ә* в силу обычной редукции конечного *р*). *Мәшә* может принимать аффиксы пространственных падежей: *мәшәгә* 'вот сюда', *мәшәдин* 'вот отсюда', *мәшәдә* 'вот здесь'.

К полным и стянутым указательным местоимениям возможно присоединить твердый вариант аффикса уподобления *-дақ*, образуя при этом сложнопроизводные местоимения *мундақ*, *ундақ*, *шундақ*, *мушундақ*, *машиндақ*, *ашундақ*, *ошандақ*, которые в свою очередь способны принимать аффикс множественного числа и склоняться. Значение их координируется со значением соответствующих указательных местоимений и заключает в себе элемент сравнения: *машандақ ишләр* 'такие дела'.

Указательные местоимения, присоединяя аффикс *-ча/-чә*, образуют производные местоимения с ограничительно-сравнительным оттенком: *шунчә чоң* 'такой большой', 'до такой степени большой'.

Возвратное местоимение. Возвратное местоимение *өз* в субстантивной функции, как правило, принимает соответствующие притяжательные аффиксы: *өзәм*, *өзәң* (*өзиңиз*), *өзимиз*, *өзәңләр*, *өзлири*; в целях усиления возвратному местоимению в притяжательной форме могут предшествовать соответствующие личные местоимения в основном или в родительном падеже: *мән* (*мениң*) *өзәм*, *сән* (*сениң*) *өзәң* и т. д.

Местоимение *өз* в основном падеже в функции определения служит для акцентирования значения принадлежности: *өз китивим* 'моя собственная книга'. Разные степени подчеркнутости значения принадлежности передают также конструкции типа *өзәмниң китивим* и *мениң өзәмниң китивим* 'моя собственная книга'.

Местоимение *өз* может склоняться, принимать словообразовательные аффиксы (*-дики* и *-ники*), сочетаться с различными частицами: *у өзи* 'он сам'; *өзәмдики китап* 'книга, которая находится у меня самого'; *өзәмму?* 'и я сам?'; *өзәңчу?* 'а ты сам?'; *у өзиникини қилди* 'он все же сделал по-своему'.

Вопросительные местоимения. Вопросительные местоимения могут стоять во множественном числе, принимать аффиксы принадлежности и склоняться, например: *ким?* 'кто?'; [*у*] *кимиң?* 'кто [он] тебе?'; *кимләр?* 'кто?' (мн. ч.), [*улар*] *кимлириң?* 'кто [они] тебе?'; *кимлириң кәлди?* 'кто из твоих приехал?'; *қайсиңда?* 'у кого из вас?'; *нәдә?* 'где?'; *нәләрдә?* 'в каких местах?'; *нәләрдин?* 'из каких краев?' и т. д. Местоимения *қанчә?*, *нәччә?* 'сколько?' могут сочетаться с аффиксом порядкового числительного: *нәччинчи?* 'который по порядку?'. Вопросительные местоимения (иногда даже снабженные аффиксом принадлежности) могут выступать в функции сказуемого, принимая в этом случае аффиксы сказуемости: *Мән кимиңмән?* 'Я кто тебе?'; *Садир болмай нимәмән?* 'Кто же я, если не Садир?'.

Притяжательные местоимения. Личные, указательные, вопросительные и некоторые другие разряды местоимений, принимая в родительном падеже словообразующий аффикс прилагательных *-ки*, образуют притяжательные местоимения. Особенностью уйгурского языка в отличие от узбекского, татарского, казахского и некоторых других тюркских языков является тот факт, что конечный *-ң* аффикса родительного падежа в образованиях такого рода сохраняется, ср. уйг. *-ниңки* и узб. *-ники* (<*-ниңки*). Тем не менее, в редких случаях в уйгурском языке параллельно встречается усеченная форма на *-ники*: *меники* 'принадлежащий мне', *өзәмники* 'принадлежащий лично мне', *ҳәмминики* 'принадлежащий всем' и т. д.

Притяжательные местоимения на *-ниңки*, как правило, не могут выступать в качестве определения; например, нельзя

сказать *мениңки китап*, поскольку аффикс *-ки* несет нагрузку определяемого имени. Обычно притяжательные местоимения употребляются при вопросе или ответе на заданный вопрос, выступая при этом в функции сказуемого, например: *Бу китап кимниңки?* 'Чья эта книга?' — *Мениңки*. 'Моя' (т. е. книга принадлежит мне).

Притяжательные местоимения как субстантивированные имена могут принимать аффикс множественного числа и даже склоняться: *Бизниңкиләр кәлдиләрму?* 'Наши пришли?', *Бизниңкигә келиң* 'Приходите к нам'.

Притяжательные местоимения могут образовываться и от возвратного местоимения, обычно уже оформленного соответствующим аффиксом принадлежности, например: *Бу китап өзәмниңки* 'Эта книга — принадлежащая мне'. Притяжательному местоимению, образованному от возвратного, может предшествовать соответствующее личное местоимение в родительном падеже, например: *мениң өзәмниңки* 'принадлежащий лично мне'. Притяжательное местоимение, образованное от возвратного местоимения 3-го лица, существует в виде *өзиники*.

Притяжательные местоимения могут образовываться от указательных местоимений единственного и множественного числа, включая и стянутые формы составных местоимений этого разряда, например: *буниңки* 'принадлежащий этому', *мушуниңки* 'принадлежащий этому', *авуниңки* 'принадлежащий вот тому', *мушуларниңки* 'принадлежащий этим' и т. д. Притяжательные местоимения могут образовываться также от вопросительных местоимений (*кимниңки?* 'чей?', 'кому принадлежащий?', *нимниңки?* 'чему принадлежащий?', *қайсиниңки?* 'которому из них принадлежащий?') и от определительных местоимений (*ҳәмминиңки* 'принадлежащий всем'). Притяжательные местоимения возможно образовать от ряда неопределенных и отрицательных местоимений (*ҳечкимниңки* 'никому не принадлежащий', *аллики-мниңки* 'кому-то принадлежащий').

Определительные местоимения. Местоимения *бари*, *барчә*, *барлиқ* 'все' восходят к слову *бар* 'наличие' (значение *бари* можно толковать как 'все то, что есть', значение *баричә* — 'в том количестве, сколько есть'). Другое определительное местоимение *ҳәммә* со значением 'все', 'всё' восходит к соответствующему персидскому местоимению.

Большинство определительных местоимений — производные и составные, в которых основа или один из компонентов являются иноязычными (чаще всего — персидского происхождения). Ряд таких местоимений образован путем сочетания персидского местоимения *ҳәр* 'каждый' с одним

из уйгурских вопросительных местоимений: *ҳәрқайси* 'каждый из них', *ҳәрқандақ* 'всякого рода', *ҳәрнимә* 'всякая вещь' и т. д.

Выступая в своей основной функции определения, определительные местоимения, не оформляются аффиксами падежа или принадлежности: *барчә оқуғучилар* 'все учащиеся'. Субстантивируясь, определительные местоимения могут выполнять функции определяемого. В этом случае определение стоит в родительном падеже, определяемое же местоимение оформляется соответствующим аффиксом принадлежности: *оқуғучиларниң ҳәммиси* 'все учащиеся'. Субстантивированные определительные местоимения во множественном числе и с притяжательными аффиксами могут склоняться, например: *ҳәммилири* 'все они', *барчилириға* 'всем им', *ҳәрқайсимиздин* 'от каждого из нас' и т. д. Местоимение арабского происхождения *бәзи* 'некоторый' может принимать аффикс множественного числа как с притяжательным аффиксом, так и без него: *бәзилири* 'некоторые из них', *бәзиләр* 'некоторые'.

Отрицательные местоимения. Местоимения этого разряда образуются при помощи персидского слова *ҳеч* 'никакой', которое, выступая в качестве определения, сочетается с различными уйгурскими вопросительными местоимениями: *ҳечнимә* 'ничего', *ҳечқайси* 'никакой', *ҳечким* 'никто' и т. д. Отрицательные местоимения так же могут субстантивироваться, принимая аффиксы множественного числа, аффиксы принадлежности и падежные показатели.

Неопределенные местоимения. Неопределенные местоимения, выражающие сомнение, образуются двумя способами: при помощи частицы *алла*, которая предшествует некоторым вопросительным местоимениям, и посредством аффикса *-дур/-ду*, присоединяемого к вопросительным местоимениям: *аллиқандақ* 'какой-то', *аллиқанчә* 'сколько-то', *кимдур* 'кто-то', *нимидур* 'что-то', *қачанду* 'когда-то' и т. д.

При склонении неопределенных местоимений аффикс *-дур/-ду* следует после всех формообразующих аффиксов: *нимигиду* 'почему-то', *нимиләрду* 'что-то' (мн. ч.), *кимләрдинду* 'от каких-то людей' и т. п.

ГЛАГОЛ

Общие сведения

Глагол имеет личные и неличные формы. К неличным формам относятся причастия, деепричастия и глагольные имена (в число последних входит редко употребляемая

и условно называемая «инфинитивной» форма глагола на *-мақ/-мәк*). К личным относятся формы изъявительного, условного и повелительно-желательного наклонений и свойственных этим наклонениям времен. При образовании личной формы глагола аффиксы наклонения и времени предшествуют аффиксам лица и числа, личное местоимение ставится при личной форме глагола лишь в том случае, если внимание акцентируется на действующем лице. Система спряжения глаголов принципиально не отличается от системы спряжения имен: полные личные показатели глагола при спряжении совпадают с аффиксами сказуемости (об этих последних см. выше). Отличие от именного спряжения составляет только спряжение глаголов в отрицательной форме, которая образуется морфологически при помощи аффикса отрицания *-ма/-мә* (в известных условиях он редуцируется: *мән йаздим* 'я писал' — *мән йазмидим* 'я не писал').

Условное и повелительно-желательное наклонения оформляются краткими показателями лица, а времена изъявительного наклонения — как краткими, так и полными показателями лица.

Уйгурскому глаголу в целом свойственны категории залога и вида, а также четыре аспекта: положительный, отрицательный, возможности и невозможности.

Структурно в уйгурском глаголе мы различаем корень и аффикс. Аффиксы бывают словообразующие и формообразующие. При помощи словообразующего аффикса (аффиксов) образуется основа глагола.

Корень (resp. основа) глагола выступает в качестве положительной формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Отрицательная основа (она же — отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа) образуется от положительной путем присоединения аффикса глагольного отрицания *-ма/-мә*. Инфинитивная форма глагола образуется от положительной его основы путем присоединения аффикса *-мақ/-мәк*; отрицательной формы инфинитива в уйгурском языке не существует.

Кроме непроизводных и производных, различаются с о с т а в н ы е и с л о ж н ы е глаголы. Составные глаголы образуются аналитически, путем сложения имени и глагола. В качестве именного компонента таких глаголов выступают наряду с именами тюркского происхождения слова персидского происхождения, арабские масдары и причастия. Именная часть этих глаголов, т. е. первый компонент, может стоять как в основной форме, так и в форме одного из пространственных падежей: *қулақ сал-* 'слушать', *тилгә*

ал- 'упоминать', *отқа тут-* 'обстреливать', 'бомбардировать'. Во втором случае первый компонент может изменяться по лицам и числам, например: *әстин чиқар-* 'забывать', *есимдин чиқти* 'я забыл'; *есиңдин чиқарма* 'не забудь', *есимиздин чиқипту* 'мы, оказывается, забыли' и т. д.

Сложные глаголы образуются синтетически и, как правило, состоят из двух глагольных компонентов, причем первый, являющийся носителем основного значения, представлен в форме деепричастия на *-(и)б*, а второй — вспомогательный, обычно осложняющий значение первого новыми смысловыми оттенками, стоит в спрягаемой форме. Не исключена возможность образования таким способом нового глагола с новым значением. Примеры: *елип* (<*ал-* + *ип*) *бар-* 'вести', *сетип* (*сат-* + *ип*) *ал-* 'покупать', *сәкрәп илгирилә-* 'скакать'.

В уйгурском языке существует ряд вспомогательных глаголов, из числа которых только недостаточный глагол *е-* (<*ер-*) самостоятельно не употребляется и принимает участие лишь в образовании различных описательных и модальных форм глагола, а также некоторых временны́х форм. Приведем наиболее употребительные вспомогательные глаголы: *ал-* 'брать', *бәр-* 'давать', *қой-* 'класть', *қал-* 'оставаться', *кәт-* 'уходить', *бар-* 'идти', *кәл-* 'приходить', *чүш-* 'спускаться', *чиқ-* 'поднимать', 'выходить', *башла-* 'начинать', *отур-* 'садиться', *йат-* 'лежать', *тур-* 'вставать', *жүр-* 'ходить', *әвәт-* 'посылать', *ташла-* 'бросать', *көр-* 'видеть', *бол-* 'быть', *бит-* 'кончать', *өт-* 'проходить', *йаз-* 'заблудиться', *бақ-* 'смотреть', *қара-* 'смотреть' и т. д. Из них четыре глагола состояния: *тур-* 'стоять', *жүр-* 'ходить', *отур-* 'сидеть' и *йат-* 'лежать' — участвуют в образовании временны́х форм, а остальные образуют различные сложные глаголы и глагольные сочетания с самостоятельными и видовыми значениями.

При образовании некоторых сложных глаголов синтетического типа происходит стяжение компонентов, причем они подвергаются значительным фонетическим изменениям, например: *йезип ал* > *йезивал* 'спиши', *уруп әт* > *урувәт* 'бей', *ташлай бәр* > *ташливә* 'бросай', *бара бәр* > *баривә* 'иди', *йаза бәр* > *йазивә* 'пиши', *әйтә бәр* > *ейтивә* 'говори' и т. д. Во всех типах сложных глаголов грамматическим изменениям подвергается лишь второй (точнее, последний) компонент.

При образовании отрицательного аспекта сложных глаголов обычно в отрицательной форме выступает второй компонент, например: *салам бәрмиди* 'он не приветствовал', *елип бармиди* 'он не вел'; однако в сложных глаголах с

видовым значением отрицательную форму может изредка иметь и первый компонент, например: *көрмәй қал-* 'не заметить'.

Аспекты возможности и невозможности в уйгурском языке выражаются теми же способами, что и в других тюркских языках (например, в узбекском): путем присоединения вспомогательного глагола *ал-* 'брать' в положительной или отрицательной форме к деепричастию на *-а* смыслового глагола; однако в уйгурском языке оба компонента сливаются в единый глагол, претерпевая соответствующие фонетические изменения. При образовании формы невозможности начальный гласный вспомогательного глагола отпадает, а при образовании формы возможности вспомогательный глагол стягивается до слога *лай*, например: *йаза алмайду* > *йазалмайду* 'он не может писать', *йаза алиду* > *йазалайду* 'он может писать'.

Непроизводные, производные, составные и сложные глаголы делятся на переходные и непереходные. Переходность или непереходность непроизводного глагола целиком определяется семантикой самого глагола. В производных и сложных глаголах показателем переходности и непереходности могут быть залоговые аффиксы; например, аффикс понудительного залога, присоединяясь к непереходному глаголу, делает его переходным, присоединяясь же к переходному глаголу, превращает его во вдвойне переходный. Аффиксы взаимно-совместного, возвратного и страдательного залогов фактически являются также и показателями непереходности. Однако и здесь семантика глагола играет существенную роль.

Что касается категории вида, то отметим, что уйгурские глаголы по своей морфологической структуре более близки русским глаголам несовершенного вида. Сама основа уйгурского глагола нейтральна по отношению к категории вида, так же как и большинство временны́х форм. В отличие от русского глагола совершенного вида, который не имеет настоящего времени, любой уйгурский глагол может иметь как прошедшее и будущее, так и настоящее время. Вопрос о видовой категории в тюркских языках до сих пор остается одним из нерешенных вопросов. Лишь некоторые из уйгурских непроизводных глаголов по своему значению соответствуют совершенному виду русских глаголов. Если основными способами образования видовой категории в русском языке являются префиксация и суффиксация, то при передаче видовых значений в уйгурском языке основным способом является образование сложных глаголов (при этом смысловой глагол бывает употреблен в форме деепричастия, главным образом прошедшего времени, а вспомогательный,

служащий для передачи тех или иных видовых оттенков, употребляется в спрягаемой форме). Однако уйгурский язык не лишен возможности передавать значения видов путем аффиксации, например: *күлдүр-* 'вызывать смех', *күлдүрүвәт-* 'вызывать неожиданный смех' (аффикс *-әт* восходит здесь к вспомогательному глаголу *әвәт-* 'посылать', 'отправлять'). Значение вида может быть передано и парными глаголами, в деепричастной, причастной или в спрягаемой формах: *алди қойди* 'взял да положил' (завершенность), *бара-бара* 'много раз ходивши' (многократность), *оқуп-оқуп* 'много раз читая' (многократность) и т. д.

Сложные глаголы в уйгурском языке могут передавать значение русского совершенного и несовершенного видов. Это зависит от последующего осложнения сложного глагола новыми модальными глаголами и временны́ми формами, например: *елип кәтти* 'он унес', *елип кетәр еди* > *елип кетәтти* 'он уносил'. В отдельных случаях сложные глаголы, передающие в уйгурском языке значение видов, образуют стянутые формы, например: *уруп әвәтти* > *урувәтти* 'он ударил', *ура бәрди* > *уривәди* 'он длительно бил', *оқуп йатиду* > *оқуватиду* 'он читает в данный момент', *оқуп йатар еди* > *оқувататти* 'он читал в тот момент', *келип еди* > *келиведи* 'он приходил', *йезип алди* > *йезивалди* 'он списал' и т. д.

Уйгурские вспомогательные глаголы (см. стр. 85) придают значению основного глагола оттенки мгновенности, многократности, начинательности, завершенности, продолжительности, неожиданности, динамичности, направленности, целеустремленности. Ср., например: *ичип қой-* 'выпить', *ейтип қой-* 'выболтать', *ағдурулуп чүш-* 'упасть', 'свалиться', *жүгүруп чиқ-* 'выбежать', *оқуп көр-* 'пробовать читать', *оқуп бол-* 'кончать читать', *өлә йаз-* 'чуть не умереть' и т. д.

В большинстве случаев носителем значения является смысловой глагол, а вспомогательный придает основе соответствующий видовой оттенок, но возможны и такие конструкции, когда носителем основного значения является вспомогательный глагол, а смысловой играет как бы роль обстоятельства, например: *уч-* 'летать', *кир-* 'входить', *учуп кир-* 'взлететь' (букв.: 'летя, входить'). Эта конструкция отличается от обычных сложных глаголов с видовым оттенком тем, что между ее компонентами можно вставлять поясняющие слова, например: *учуп өйгә кирди* 'влетел в дом' (букв.: 'летя, в дом вошел').

Путем присоединения соответствующих аффиксов к основе действительного залога образуются взаимно-совместный (1), возвратный (2), страдательный (3) и понудительный (4) залоги. В соответствии с названиями упомянутых зало-

гов они выражают: 1) действие, которое субъекты действия совершают совместно, помогая друг другу; 2) действие, исходящее от субъекта и возвращающееся к нему же или на него; 3) действие, «представленное с точки зрения логического объекта»[11], и, наконец, 4) действие, которое совершается субъектом под воздействием другого субъекта. Залоговые аффиксы в уйгурском языке могут наслаиваться один на другой и образовывать таким путем второобразные и прочие неоднократно производные глаголы. Один и тот же глагол может, например, принимать два аффикса понудительного залога, образуя при этом вторичный понудительный залог: *көр-* 'видеть', *көрсәт-* 'показывать', *көрсәттүр-* 'вынуждать показать'; ср. также *көрсүтүл-* 'быть показанным' и *көрсүтүш-* 'помогать показать'. Так как залоги отчасти можно относить к словообразованию глаголов от глаголов же, залоговые аффиксы нами будут рассмотрены в разделе «Словообразование».

Неличные формы глагола

Деепричастия. Кроме самостоятельного употребления, деепричастия могут участвовать также в образовании некоторых времен, причастий и сложных глаголов. Перечислим существующие в уйгурском языке типы деепричастий[12].

Деепричастие настоящего времени образуется при помощи аффиксов *-а/-ә* для основ с конечным согласным и аффикса *-й* для основ с конечным гласным. Употребление этой формы деепричастия в настоящее время весьма ограничено. Она встречается в парных сочетаниях типа *бара-бара*, которые употребляются для передачи многократности действия; принимает участие в образовании отдельных времен изъявительного наклонения, причастий и сложных глаголов в качестве их первого компонента. Отдельные деепричастия, как, например, *йараша* (*йараш-* 'быть подходящим') и *көрә* (*көр-* 'видеть'), перешли в разряд послелогов. Отрицательная форма этого типа деепричастия (*бармай* 'не сходив', *йазмай* 'не написав') сохранилась благодаря передвижению ее в ряд деепричастий прошедшего времени.

Деепричастие прошедшего времени, наиболее распространенное в современном уйгурском языке, образуется от основы глагола при помощи аффикса *-п* и его вариантов *-ип/-уп/-үп*[13], например: *бар-* 'идти' — *берип* 'сходив', *көр-* 'видеть' — *көрүп* 'увидев', *қара-* 'смотреть' — *қарап* 'посмотрев' и т. д.[14] При самостоятельном употреблении оно выражает однократное действие, предшествующее другому действию или совершающееся одновременно с ним, причем время действия, обозначаемого деепричастием, определяется сказуемым главного предложения, например: *Мән өйгә қайтип, тамақ ичтим* 'Вернувшись домой, я пообедал'. Для передачи многократности действия рассматриваемое деепричастие может выступать в повторенном виде: *йезип-йезип* 'пописывая', 'многократно написав'. Отрицательная форма деепричастия прошедшего времени совпадает с отрицательной формой деепричастия настоящего времени: *берип* 'сходив', *бармай* 'не сходив'. Однако, как мы увидим дальше, собственная отрицательная форма деепричастия прошедшего времени на *-мап* принимает участие в образовании одного из типов синтетического глагола. Для передачи видовых и прочих модальных оттенков деепричастие прошедшего времени может сочетаться с деепричастием одного из глаголов состояния и образовывать парное деепричастие: *оқуп жүрүп* 'читая продолжительное время'. Сочетаясь с формой 3-го лица единственного числа будущего времени глагола *бол-* 'стать', 'быть', рассматриваемое деепричастие выражает модальные оттенки возможности: *оқуп болуду* 'можно прочесть', 'возможно читать'. Для выражения значения уменьшения силы, интенсивности действия некоторые деепричастия прошедшего времени могут присоединять аффикс сравнительной степени *-рақ/-рәк*: *қизартиврақ* 'заставив слегка покраснеть'. Деепричастия прошедшего времени глаголов *қил-* 'делать', *бол-* 'стать', 'быть', *әт-* 'делать', *де-* 'говорить' (*қилип* > *қип*, *болуп* > *боп*, *етип*, *дәп*) выступают в предложениях в функции связующих слов, употребляясь для самых различных целей, например: *Сени көрәй дәп кәлдим* 'Я пришел, чтобы встретиться с тобой'; *шундақ қилип* 'таким образом'; *аз боп қалди* 'мало осталось'; *толай-толай дәп қалди* 'вот-вот наполнится'.

Деепричастие на *-ғили/-гили*, *-қили/-кили*, называемое «целевым», является одним из весьма употребительных дее-

[11] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 180.

[12] Временной признак деепричастиям не свойствен; мы принимаем термины «деепричастие настоящего времени», «деепричастие прошедшего времени» условно, в силу их традиционного характера.

[13] При помощи аффикса деепричастия прошедшего времени *-п* в сочетании с глаголообразующим аффиксом *-ла/-лә* от наречий и имен числительных сбразуются производные наречия: *онлап* 'по десяти', *йүзләп* 'по сто', 'сотнями'.

[14] В языке классической уйгурской поэзии (изредка также в произведениях некоторых современных поэтов) встречается разновидность этого деепричастия, образуемая посредством аффикса *-бан/-бән*, например *келибан* 'приходя'.

причастий: *Шахмат ойнаɣили кәлдуқ* 'Мы пришли играть в шахматы'. Иногда это деепричастие передает временны́е отношения ('с тех пор, как'): *У кәлгини бәш күн болди* 'Вот уже пять дней, как он приехал'. В показателе этого деепричастия часто происходит чередование *л*~*н* (*-ɣили*>*-ɣини*).

Деепричастие на *-ɣили* в сочетании со спрягаемой формой вспомогательного глагола *бол-* 'стать', 'быть' выражает своеобразные оттенки возможности (с отрицательной формой вспомогательного глагола — невозможности) совершения действия (ср. аналогичную конструкцию с деепричастием на *-п*): *оқуɣили болмайду* (ср. *оқуп болмайду*) 'нельзя возможно читать'.

Деепричастие на *-ɣач/-ɣәч* выражает действие, совершенное непосредственно после другого действия: *Шәһәргә қайтқач көрдүм* 'Я увидел [это] после того, как вернулся в город'. В отличие от других тюркских языков в уйгурском данное деепричастие выступает наряду с деепричастиями на *-а* и *-п* в составе различных сложных глаголов: *алғач кәлдим* (=*елип кәлдим*) 'я принес', *Һәдәмни йоқлиғач кәлдим* 'Я пришел проведать свою старшую сестру'.

Деепричастие на *-ɣичә/-гичә*, *-қичә/-кичә* исторически восходит к сочетанию причастия на *-ɣан* (resp. его вариантов) с аффиксом ограничения *-ча/-чә*. Деепричастие, образованное при помощи этого составного аффикса, выражает предел во времени: *кәлгичә* 'до прихода', *көргичә* 'до встречи' (букв.: 'до того, как произойдет видение').

Деепричастие на *-мастин* является эквивалентом отрицательной формы деепричастия прошедшего времени: *йезип* 'написав' — *йазмай* и *йазмастин* 'не написав'. Показатель этого деепричастия можно разложить на аффикс причастия будущего предположительного времени в отрицательной форме + аффикс исходного падежа.

Причастия. Обладая одновременно признаками глагола и прилагательного, причастие выполняет функцию определения и, подобно прилагательному, не согласуется ни в числе, ни в роде со своим определяемым. Сохраняя глагольные признаки, причастия различаются по залогам, передают временны́е оттенки, обладают положительной и отрицательной формами, аспектами возможности и невозможности.

Среди причастий наиболее употребительным является причастие прошедшего времени на *-ɣан*. В зависимости от контекста оно может выступать и в значении причастия настоящего времени. Эта форма в соответствии со своими функционально-семантическими признаками может выступать в качестве глагольного имени, причастия и в функции ска-

зуемого как личная форма глагола, например: *түнүгүн кәлгән қиз* 'девушка, которая пришла вчера'; *мән оқуған китап* 'книга, которую я прочитал'; *мән оқуған* 'я читал'; *оқуғиним йоқ* 'я не читал' (букв.: 'мое чтение не имелось'); *аңлиған аңлимиғанға айтсун* 'пусть тот, кто слышал, скажет тому, кто не слышал'.

Причастие на *-ɣан* глагола состояния *тур-* 'стоять' в стяженной форме *-диɣан* образовало сложный аффикс. Причастие настояще-будущего времени на *-диɣан* исторически восходит к конструкции типа *бар-а турɣан* (сочетание деепричастия настоящего времени смыслового глагола с причастием прошедшего времени глагола *тур-* 'стоять')<*баридиɣан* 'идущий', *йазидиɣан* 'пишущий'. В соответствии с контекстом это причастие может передавать значение будущего времени, а также характеризовать определяемое как нечто необходимое, заслуживающее внимания, например: *көридиɣан кино* 'фильм, который стоит посмотреть' *баридиɣан йәр* 'место, куда следует (необходимо) пойти', 'место, которое заслуживает того, чтобы пойти'. Выступая в функции сказуемого и принимая показатели лица, это причастие может означать действие, которое совершалось в прошлом обычно и многократно, например: *Мән һәр йәкшәнбә күни театрға баридиғанмән* 'Обычно каждое воскресенье я ходил в театр'.

Причастие настоящего времени исторически представляет собой сочетание деепричастия настоящего времени смыслового глагола и причастия с аффиксом *-ɣан* от глагола *йат-* 'лежать', которое в результате стяжения превратилось в сложный аффикс *-ватқан*: *бара йат-қан*>*бериватқан* 'идущий в данный момент',

Все эти три вида причастия в предложении могут выступать как в качестве главных членов предложения—подлежащего и сказуемого, так и второстепенных — определения, дополнения и обстоятельства, получая в каждом конкретном случае соответствующие грамматические показатели.

Причастие на *-ар* образуется при помощи аффиксов *-р*, *-ар/-әр*, *-ур/-үр* непосредственно от основы глагола и в настоящее время как определение встречается главным образом в составе устойчивых сочетаний (ср., однако, *келәр жил* 'будущий год' и др.). При образовании отрицательной формы имеет место чередование *р*~*с*: *йазар* 'который напишет'—*йазмас* 'который не напишет'. Причастие на *-ар* участвует в образовании одной из форм будущего времени: принимая словообразующий аффикс *-лиқ/-лик* положительная и отрицательная формы этого причастия об-

разуют прилагательные со значением достаточности и недостаточности: *йетәрлик пул* 'достаточные деньги', *йетәрлик болди* 'хватит', *йетмәслиги мәлум* 'известно, что не хватит'. Сочетание положительной и отрицательной форм причастия на *-ар* одного и того же глагола служит для выражения значения «как только», «не успев [совершить действия, выраженного этим сочетанием причастий]», *кирәр—кирмәс* 'не успев войти'. От аналогичного сочетания положительной и отрицательной форм этого причастия (а иногда вместо положительной формы — деепричастия прошедшего времени) одного и того же глагола посредством аффикса *-лик* образуется глагольное имя с оттенком абстрактности: *пулимниң йетәр-йәтмәслиги* (*йетип-йәтмәслиги*) *мәлум әмәс* 'Неизвестно, хватит у меня денег или нет'.

Особо следует выделить причастие на *-ғучи/-қучи*, *-гүчи/-күчи*, которое в настоящее время фактически потеряло признаки глагольности, сохранив, однако, залоговые формы, и перешло в разряд отглагольных имен существительных: *йазғучи* 'пишущий', 'писатель', *оқуғучи* 'читающий', 'ученик'; таким образом, эта форма в современном уйгурском языке лишь исторически может быть признана причастием.

Личные формы глагола

Повелительно-желательное наклонение

В настоящее время желательное наклонение имеет только форму 1-го лица единственного и множественного числа, а повелительное наклонение — формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Поскольку в значениях формы 1-го лица множественного числа желательного наклонения содержится не только элемент пожелания, но и побуждение к действию, а в значениях форм 2-го и 3-го лица повелительного наклонения имеются также оттенки пожелания, мы сочли возможным рассматривать оба указанных наклонения в одном разделе под общим названием.

Как известно, корень (resp. основа) тюркского глагола обладает полноценным значением и является простой формой повелительного наклонения 2-го лица единственного числа; форма 1-го лица единственного числа желательного наклонения — *-й/-ай* (*йазай* 'напишу-ка'), множественного числа — *-йли/-айли* (*йазайли* 'давайте напишем'). Вежливая форма повелительного наклонения 2-го лица образуется путем присоединения к основе аффикса *-иң* (*йезиң* 'пишите') и может осложняться еще дальше путем присоединения аффикса *-из* (*йезиңиз* 'пишите Вы многие'). Множественное же число образуется из вежливой формы единственного числа при помощи аффикса *-лар* (*йезиңлар*); 3-е лицо образуется при помощи аффикса *-сун* (*йазсун* 'пусть напишет'). Для еще большего усиления значения повеления 2-е лицо единственного числа может принимать аффикс *-ғин/-қин*, *-гин/-кин*, который исторически восходит к аффиксу *-ғил* (с его вариантами сохранился в современном узбекском языке) и является безударным: *йазғин* 'пиши', *кәлгин* 'приходи'. Для внесения оттенка просьбы в значение повеления к аффиксу *-ғин* присоединяется частица *-а/-ә*: *йазғина* 'пиши, пожалуйста', *сөзлигинә* 'говори же'. Для передачи повеления с оттенком упрека, недовольства или же просьбы может быть использована условная форма 2-го лица единственного числа условного наклонения, к которой присоединяют аффикс *-чу*: *йазсаңчу* 'пиши же', *кәтсәңчу* 'уходи же в конце концов'. Для передачи оттенка просьбы аффикс *-чу* может присоединяться и к форме 3-го лица повелительного наклонения: *йазсунчу* 'пусть уж он напишет'. Вежливая форма второго лица может быть образована от формы 3-го лица в сочетании с аффиксом множественного числа в виде *йаз* + *сун* + *лар*, которая стягивается до *йазсила* 'пишите', *олтурсила* 'садитесь'. Приведем парадигму спряжения повелительно-желательного наклонения:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йазай*	*йазайли*
2-е л.	*йаз* *йезиң* *йезиңиз* *йазғин*	*йезиңлар*
3-е л.	*йазсун*	*йазсунлар.*

Значение пожелания может быть передано и синтаксически — при помощи имени действия на *-ғу* в сочетании со спрягаемыми формами глагола *кәл-* 'приходить': *барғум кәлди* 'мне захотелось пойти', *йазғум келиду* 'мне хочется писать', *йазғуси кәлмәйду* 'ему не хочется писать'.

При помощи особого аффикса *-ғур/-гүр* может быть выражено как доброе пожелание, так и зложелание (в зависимости от семантики глагола): *өлгүр* 'чтоб тебе умереть', *өлмигүр* 'долгих лет жизни тебе'. Подобные формы являются довольно распространенными в современном уйгур-

ском языке. Форма 1-го лица повелительно-желательного наклонения в сочетании с глаголом *де-* 'говорить' передает значение намерения совершить действие, обозначенное повелительно-желательной формой: *йазай дәймән* 'думаю, намереваюсь писать'.

Желание, намерение может быть передано и при помощи аффикса *-мақчи/-мәкчи*: *Мән бүгүн Бежингә хәт йазмақчимән* 'Я сегодня собираюсь писать письмо в Пекин'; *У кәлмәкчи болдиму?* 'Он твердо решил приехать?'.

Изъявительное наклонение

Каждая временна́я плоскость представлена в уйгурском языке несколькими временны́ми формами, передающими разнообразные оттенки того или иного временно́го значения (наиболее широко представлено прошедшее время). Структурно различаются простые и сложные временны́е формы. Сложные формы имеют в своем составе вспомогательный глагол.

Прошедшее категорическое время образуется непосредственно от основы глагола при помощи аффикса *-ди* и соответствующих кратких показателей лица. Эта временна́я форма передает действие, которое имело место в прошлом и о совершении которого достоверно известно: *мән йаздим* 'я написал'. Прошедшее категорическое время имеет следующую парадигму спряжения.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йаздим*	*йаздуқ*
2-е л.	*йаздиң* *йаздиңиз* *йаздила*[15]	*йаздиңлар*
3-е л.	*йазди*	*йазди.*

Отрицательная форма прошедшего категорического времени соответственно образуется от отрицательной основы. Вопросительная форма образуется при помощи частицы *-му*, которая присоединяется ко всей временно́й форме в целом и пишется слитно с ней: *йаздиңму?* 'ты написал?' Формы возможности и невозможности образуются от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола *ал-* 'брать', основа которого претерпевает редукцию: *йазалидим* 'я смог написать', *йазалмидим* 'я не смог написать'.

[15] Формы типа *йаздиңиз* и *йаздила* считаются формами вежливого обращения к одному лицу.

Прошедшее перфектное (причастное) время образуется от причастия прошедшего времени на *-ған* с соответствующими фонетическими вариантами. В отличие от других тюркских языков в уйгурском эта временна́я форма обычно употребляется без показателей лица, обязательно сопровождаясь, однако, подлежащим — личным местоимением или именем. Таким образом, вместо ожидаемого *мән йазғанмән* обычно говорится *мән йазған* 'я писал'. Эта форма прошедшего времени имеет в своем значении оттенок неопределенности: *бу китапни мән оқуған* 'эту книгу я когда-то читал'.

Отрицательная форма прошедшего перфектного времени может быть образована не только путем присоединения аффикса *-ма/-мә*, что свойственно всем глагольным формам, но и посредством специальных отрицаний *әмәс* и *йоқ*, что, как известно, характеризует именное спряжение: *мән йазмиған=мән йазған әмәс*, *мениң йазғиним йоқ* 'я не писал'. В значении двух последних вариантов наблюдаются оттенки более решительного, категорического отрицания. Кстати отметим, что отрицательная форма типа *мениң йазғиним йоқ* имеет аналогию в виде положительной формы, передающей значение более категорического утверждения о действии, которое совершалось в неопределенном прошлом: *йазғиним бар* 'когда-то я писал'.

Формы возможности, невозможности и вопросительная образуются по общей схеме.

Давнопрошедшее время образуется от этой же причастной основы при помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени, который при спряжении принимает показатели лица: *йазған едим* 'я писал давно'. В литературном языке, особенно в поэтическом, звук *е* (т. е. собственно основа недостаточного глагола) обычно редуцируется до нуля, например: *йазғандим*.

В отрицательном аспекте давнопрошедшее время имеет три формы: 1) *йазмиған едим*, 2) *йазған әмәс едим*, 3) *йазғиним йоқ еди*. Вопросительная форма образуется по общей схеме. При образовании форм возможности и невозможности вспомогательный глагол присоединяется к первому, смысловому компоненту: *йазалиған едим*, *йазалмиған едим*. Давнопрошедшее время обычно либо подчеркивает давность совершения действия, либо, при наличии двух действий, указывает на то, что обозначаемое этой временно́й формой действие совершилось раньше другого.

Причастие на *-ған* служит основой для образования трех модальных форм. Одна из этих форм образуется при помощи аффикса *-ду* (<*тур-* 'стоять') и передает оттенок

неуверенности, предположения о совершении действия в прошлом: *йазғандумән* 'наверное (может быть, по-видимому), я писал'. Две другие модальные формы образуются при помощи причастий на *-ған* и *-миш* недостаточного глагола *е-*, вернее его причастных форм: при помощи *емиш* образуется модальная форма со значением неправдоподобности сообщения о совершении действия и при помощи *екән* — модальная форма со значением результативности или узнавании о совершении действия из второго источника. В этих модальных формах недостаточный глагол также часто подвергается редукции, в результате чего происходит стяжение: *йазған емишмән* > *йазғанмишмән* 'якобы я писал' и *йазған екәнмән* > *йазғанкәнмән* 'оказывается, я когда-то писал'.

Прошедшее повествовательное (субъективное) время образуется при помощи вспомогательного глагола *тур-* 'стоять', который стягивается до аффикса *-ти* и со своими личными аффиксами присоединяется к спрягаемому глаголу, стоящему в форме деепричастия прошедшего времени: *йезиптимән* 'я, оказывается, писал'. Во 2-м лице единственного и множественного числа аффикс *-ти* выпадает. Приведем парадигму спряжения этой временно́й формы:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йезиптимән*	*йезиптимиз*
2-е л.	*йезипсән* *йезипсиз* *йезиптила*	*йезипсиләр*
3-е л.	*йезипту*	*йезипту.*

Данная временна́я форма передает действие, когда-то в прошлом совершенное, но забытое и о котором повествователь внезапно вспомнил.

При помощи *емиш* и *екән*, в результате редукции превратившихся в *-миш* и *-кән*, от прошедшего повествовательного образуются модальные формы того же времени: *йезиптимишмән* 'якобы я когда-то писал' (сам я сомневаюсь или не помню); *йезиптикәнмән* 'оказывается, я действительно написал'.

Отрицательная форма прошедшего повествовательного времени образуется по общей схеме, формы возможности и невозможности не употребляются.

Предпрошедшее время образуется от деепричастия на *-(и)п* смыслового глагола при помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени и с со-

ответствующими личными аффиксами, при этом аффикс деепричастия *-п* > *-в: йезивидим*, отрицательная форма: *йазмивидим*. Данная временна́я форма выражает действие, которое произошло в недавнем прошлом, значение включает оттенок некоторого сожаления. Формы возможности и невозможности образуются по общей схеме. Приведем парадигму спряжения:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йезивидим*	*йезивидуқ*
2-е л.	*йезивидиң* *йезивидиңиз*	*йезивидиңлар*
3-е л.	*йезивиди*	*йезивиди.*

Многократное длительное прошедшее время (неопределенный имперфект) образуется от причастия будущего времени при помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени; при этом оба глагола образуют единую стянутую форму: *алар едим* > *алаттим* 'я обычно брал'. Отрицательная форма: *алмас едим* > *алмайттим* > *алматтим*. Форма возможности: *алалаттим;* форма невозможности: *алалмайттим*.

Прошедшее время данного момента образуется при помощи двух вспомогательных глаголов: недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени и вспомогательного глагола *йат-* 'лежать', который в составе этой временно́й формы предшествует глаголу *е-* и может выступать либо в виде причастия прошедшего времени на *-ған*, либо причастия настоящего-будущего времени на *-ар*. Основой образования этой временно́й формы служит деепричастие на *-(и)п*. Оба варианта формы претерпевают стяжение по типу прошедшего длительного времени.

Прошедшее время данного момента выражает действие, которое совершалось в момент совершения другого действия. Примеры: *йезип йатар едим* > *йезивататтим* 'я писал в тот момент, когда совершалось другое действие', *йезип йатқан едим* > *йезиватқан едим* > *йезиватқандим*. Вопросительная и отрицательная формы образуются по общей схеме; формы возможности и невозможности практически не существуют.

Прошедшее многократное время имеет основой своего образования причастие настоящего времени на *-диған*, которое в свою очередь образуется от дееприча-

стия настоящего времени на *-а*; спряжение осуществляется при помощи полных показателей лица.

Эта временна́я форма означает действие, которое совершалось многократно или обычно в прошлом. От значения многократности длительного прошедшего времени значение данной временно́й формы отличается своей меньшей конкретностью, например: *Мән мәктәптә чеғимда өйгә ҳәр ҳәптә хәт йезидиғанмән* 'Когда я учился в школе, я еженедельно писал домой письма'. Все аспекты этой временно́й формы образуются по общей схеме: *йезидиғанмән, йазмайдиғанмән, йазилайдиғанмән, йазалмайдиғанмән, йезидиғанмәнму?*

При помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени от указанной временно́й формы образуется еще более осложненная форма, которая передает то же значение, что и прошедшее многократное, но с оттенком повествования; в условных придаточных предложениях значение этой формы приобретает оттенок сомнения: *йезидиған едим* 'я в тот период писывал (писал бы)'.

Присоединяясь к прошедшему многократному, слово *екән* передает оттенок сожаления: *йезидиған екәнмән* 'оказывается, надо было мне писать'. Еще одна модальная форма образуется при соединении причастия настоящего времени на *-диған* со спрягаемой формой вспомогательного глагола *бол-* 'стать'[16]; таким способом выражается значение твердой решимости совершить действие, обозначенное причастием: *йезидиған болдум* 'я решил писать'.

Для выражения настоящего времени в уйгурском языке существует несколько временны́х форм, которые чаще всего образуются от деепричастия на *-п* посредством вспомогательных глаголов, в качестве которых здесь выступают глаголы состояния. При этом глагол *йат-* 'лежать' обычно стягивается до аффикса *-ват* и образует наиболее употребительную и распространенную форму: *йезип йетип турурмән* > *йезип йетиптимән* > *йезиватимән* 'я пишу в данный момент'. Приведем парадигму спряжения:

[16] Аналогичная модальная форма образуется путем сочетания причастия прошедшего времени на *-ған* и спрягаемой формы того же вспомогательного глагола; полученная модальная форма передает значение «делать вид, что совершается действие, обозначенное причастием» или же выражает оттенок пренебрежения: *йазған болдум* 'я делал вид, что пишу' или же: 'что-то, мол, вот я написал'.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йезиватимән*	*йезиватимиз*
2-е л.	*йезиватисән*	*йезиватисиләр*
	йезиватисиз	
3-е л.	*йезиватиду*	*йезиватиду.*

При выражении вопроса во 2-м и 3-м лице этой формы настоящего времени вопросительная частица как бы вклинивается в структуру формы, предшествуя показателю лица и подвергаясь при этом редукции (*му*>*м*): *йезиватамсән?* 'ты пишешь?', *йезиватамду?* 'он пишет?' (но ср.: *йезиватамәнму?* 'я пишу ли?'). Отрицательная форма образуется по общей схеме; формы возможности и невозможности практически не существуют. Приведем парадигму этой временно́й формы:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йезиватиптимән*	*йезиватипмиз*
2-е л.	*йезиватипсән*	*йезиватипсәнләр*
	йезиватипсиз	
3-е л.	*йезиватипту*	*иезиватипту.*

При помощи остальных трех глаголов состояния образуются еще три формы настоящего времени данного момента, значение которых осложнено некоторыми оттенками в соответствии со значениями того или иного вспомогательного глагола; эти формы настоящего времени данного момента стяжению не подлежат, например: *йезип турупсән* 'ты пишешь в данный момент' (быть может, даже стоя, например, на улице); *йезип жүрүпсән* 'ты пишешь'— в соответствии с семантикой глагола *жүр-* эта форма может иметь значение продолжительности действия (периодически, регулярно пишешь, например, статьи для газеты); наконец, *йезип олтурупсән* 'ты в данный момент пишешь сидя'. При выражении отрицательного аспекта в указанных формах настоящего времени аффикс отрицания присоединяется к смысловому глаголу, представленному в виде деепричастия на *-п*. Формы возможности и невозможности практически не существуют. При помощи *емиш*>*-миш* образуется модальная форма со значением «якобы», «как будто»: *йезиватимәнмиш* 'как будто я пишу'.

Редко употребляемая, чисто литературная форма настоящего времени в основе своей имеет имя действия на *-мақ* в местном падеже, спряжение осуществляется посредством полных показателей лица: *йазмақтамән* 'я пишу

в данный момент'. Надо сказать, однако, что показатель лица в этой временно́й форме часто опускается, например: *мән йазмақта* 'я пишу в данный момент', *сән йазмақта* 'ты пишешь в данный момент' и т. д. Отрицательная форма, формы возможности и невозможности практически не употребляются; формы 1-го и 2-го лица обоих чисел настоящего времени на *-мақта* встречаются очень редко.

Настояще-будущее[17] время в качестве основы своего образования имеет деепричастие на *-а*, спряжение осуществляется при помощи полных показателей лица:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йазимән*	*йазимиз*
2-е л.	*йазисән*	*йазисиләр*
	йазисиз	*йазидила*
3-е л.	*йазиду*	*йазиду.*

Формы отрицательная, возможности и невозможности образуются по общей схеме.

Будущее предположительное время образуется от причастия будущего времени на *-ар*; спрягается посредством полных аффиксов лица, причем в 3-м лице показатель лица отсутствует. Приведем парадигму спряжения:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*йазармән*	*йазармиз*
2-е л.	*йазарсән*	*йазарсиләр*
	йазарсиз	
3-е л.	*йазар*	*йазар.*

Эта временна́я форма, называемая уйгурскими языковедами «2-м будущим временем», выражает действие, которое субъект его предполагает совершить в будущем. В литературном языке данная временна́я форма часто встречается с губным вариантом указанного аффикса, независимо от состава гласных основы: *йазурмән*, *йазурсән* и т. п. Отрицательная форма образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса *-мас/-мәс*.

Путем присоединения к рассматриваемой форме *екән* и *емиш*>*-миш* образуются модальные формы со значением долженствования, имеющего оттенок результативности; при этом форма типа *йазар екәнмән* 'оказывается, я должен писать' выражает оттенок согласия, а форма типа *йазармишмән* содержит в своем значении оттенок пренебрежения, неуверенности в правильности действия, которое должно быть совершено по указке другого лица.

По значению к группе будущего времени примыкает и так называемая форма намерения, которая образуется от имени действия на *-мақ* посредством аффикса *-чи* и спрягается при помощи полных показателей лица (*мән йазмақчимән* 'я намерен писать', 'я собираюсь писать'); форма 3-го лица аффикса лица не содержит. Отрицательное значение передается путем присоединения к форме намерения именного отрицания *әмәс*; *йазмақчи әмәсмән*. При помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени форма намерения может быть переведена в план прошедшего: *йазмақчи едим* 'я собирался тогда писать', *йазмақчи әмәс едим* 'я не собирался тогда писать'. Путем присоединения к основе формы намерения любой спрягаемой формы глагола *бол-* 'стать' передается значение твердой решимости совершить действие: *йазмақчи болдум* 'я решил писать'.

Условное наклонение

Условное наклонение имеет настояще-будущее и прошедшее время. Настояще-будущее время образуется при помощи аффикса *-са* и спрягается посредством кратких аффиксов лица, 3-е лицо личным аффиксом не оформляется. Форма 2-го лица множественного числа в отличие от других тюркских языков в уйгурском имеет показатель лица не *-ңиз*, а *-ңлар* в виде *йазсаңлар* 'если вы пишете'. Формы отрицательная, вопросительная, возможности и невозможности образуются по общей схеме. Условный период часто вводится персидским союзом *әгәр* 'если': *әгәр йазсам* 'если напишу'.

Прошедшее время условного наклонения образуется при помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени, причем показатели лица присоединяются к основе условного наклонения: *йазсам еди* 'если я писал'; эта форма в зависимости от контекста может иметь и значение нереального условия: 'если бы я писал'. При образовании отрицательной формы аффикс отрицания присоединяется к первому компоненту: *йазмисам еди* 'если я не написал', 'если бы не писал'.

[17] Таково традиционное наименование этой временно́й формы; зарубежные же уйгурские грамматисты называют ее формой «будущего времени», основываясь на значении данной формы в современном уйгурском языке, где последняя, слившись фактически с претерпевшей фонетические изменения формой на *-ар* (*йазарман*>*йазимән*), выражает действие, которое должно совершиться в будущем.

При помощи форм условного наклонения вспомогательного глагола *бол-* 'стать' от различных причастий смыслового глагола могут быть образованы формы условной модальности; так, в прошедшем времени: *йазған болсам* 'если я написал', *йазған болсам еди* 'если бы я написал'; в настоящем времени: *йезиватқан болсам* 'если я пишу в данный момент', *йезиватқан болсам еди* 'если бы я писал в тот момент', *йезидиған болсаң* 'если ты напишешь', *йезидиған болсаң еди* 'если бы ты собирался писать'.

Значение долженствования передается синтаксически: путем сочетания модальных слов *керәк* 'нужно', *лазим* 'необходимо' с именем действия на *-иш* смыслового глагола, которое получает соответствующие аффиксы принадлежности: *йезишим керәк* 'мне нужно писать'. Отрицательное значение передается при помощи именного отрицания *әмәс*, следующего после всего сочетания: *йезишиң керәк әмәс* 'тебе не нужно писать'.

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА

Из сочинительных союзов *вә* 'и', *ҳәм* 'и', *дә* 'и', 'также', 'тоже', *ҳәмдә* 'и' являются соединительными; *амма* 'но', *лекин* 'однако', 'но', *пәкәт* 'но', *бирақ* 'однако', 'но', *бәлки* 'может быть', *йалғуз* 'только'—противительными; *йа* 'или', *йаки* 'или', *бәзән* 'иногда'—разделительными, *нә... нә* 'ни...ни'—разделительно-перечислительным.

Из числа подчинительных союзов имеющий изъяснительное значение союз *ки* в настоящее время употребляется очень редко; союзы *чунки*, *шуниң үчүн*, *шуңлашқа* выражают причинно-целевые отношения, союзы *әгәр*, *егәрдә*, *мадәмки*—условные отношения. Все подчинительные союзы (как и большая часть сочинительных), кроме *шуниң үчүн* и *шуңлашқа*, персидского происхождения.

К разряду союзных слов следует отнести также *дәп*, *дегән* (по форме—деепричастие и причастие глагола *де-* 'говорить'); они служат для связи отдельных типов придаточных предложений с главным предложением.

ЧАСТИЦЫ

К группе частиц следует отнести наиболее часто встречающиеся вопросительные частицы *-му/-ма* и *-чу*, многозначную частицу *-ла*, основным значением которой является ограничение, усилительную *-ғу*, ограничительные *-ғина/-қина*, *-гинә/-кинә* и *-ақ*, а также частицу *-а*, выражающую обращение и просьбу. Частица *-ла* в других тюркских языках не отмечена. Большой интерес представляет также отсутствующая в других тюркских языках частица *-зә*, которая обычно сочетается с личными местоимениями и передает значение упрека: *сениңчә үзә барсун*, *мән бармай* 'по-твоему, пусть он пойдет, а я нет'. Все эти частицы, за исключением частицы *ақ*, пишутся слитно; частица *ақ* пишется через дефис. Приведем примеры употребления частиц: *Бу ким, сәнму?* 'Кто это, ты?'; *Бүгүн бармаймиз, этигәнчу?* 'Сегодня мы не пойдем, а завтра?'; *Бир өзила қалди* 'Остался он сам один'; *Ичипла қойдум* 'Сразу я и выпил'; *Мәнғу келимән, сәнчу?* 'Я-то приду, а ты?'; *йоққина бир сәвәпни бана қилип...* 'ссылаясь на ничтожную причину...' и т. п.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В разделе «Лексика» подробно освещены вопросы, связанные с производными, составными, сложными и парными словами, поэтому в данном разделе приводится лишь краткий список словообразующих аффиксов (для всех частей речи) с соответствующими примерами[1]. Такие аффиксы персидского происхождения, как *-пәз*, *-ваз*, *-кәр/-кар*, *-вән*, *-кәш* и др., входящие в структуру персидских заимствований, мы включили в наш перечень условно, поскольку лишь некоторые из них (*-пәз*, *-кәш*) изредка принимают участие в образовании новых, производных слов от уйгурских основ (в учебных грамматиках все эти персидские аффиксы приводятся как реально существующие).

В настоящее время в уйгурском языке продуктивными аффиксами являются восходящие к полноценным персидским словам *хана* 'дом', 'жилище', *намә* 'письмо', *шунас* (причастие персидского глагола *шунахтән* 'знать') и т. д. При помощи этих аффиксов-слов новые слова производятся как от уйгурских основ, так и от заимствованных—русского и китайского происхождения. Например, от уйгурских основ образованы *уйғуршунас* 'уйгуровед', *түркшунас* 'тюрколог', *басмихана* 'типография', *ашхана* 'столовая'; от заимствований из русского образованы *консулхана* 'консульство', *почтихана* 'почтамт'.

В уйгурском языке имеются весьма широкие возможности для образования новых слов как от именных, так и от глагольных основ. Надо отметить, что словообразующие аффиксы недостаточно дифференцируются по частям речи.

[1] Здесь не приводятся суффиксы типа *-ист*, *-изм* и приставки типа *а-*, *анти-*, входящие в структуру заимствований из русского языка.

Зачастую одни и те же аффиксы могут образовать и прилагательное и существительное. В этом процессе важную роль играет семантика основы: посредством аффикса *-лиқ* от слова *ақ* 'белый' образуется *ақлиқ* 'белизна', а от *ат* 'лошадь' — *атлиқ* 'имеющий лошадь', 'конный', 'верховой' и т. д. Словообразующие аффиксы могут присоединяться один за другим, образуя все новые слова с новыми значениями, например: *көз* 'глаз', *көзсиз* 'безглазый', 'слепой', *көзсизлик* 'слепота', где от именной основы через промежуточное прилагательное мы получили существительное с абстрактным значением.

В уйгурском языке много слов, которые только исторически являются производными, а с точки зрения современного языка неразложимы. Таковы, например, *оғақ* 'серп', *тағақ* 'гребенка', *йатақ* 'постель', *тутқа* 'ручка', *чалға* 'коса' и т. д. Аффиксы *-ғақ*, *-ақ*, *-қақ*, *-ға* и др. в настоящее время не являются продуктивными и редко участвуют в словообразовательном процессе; поэтому эти и им подобные слова, несмотря на то что их основы и в настоящее время общеупотребительны, с точки зрения современного языка не могут быть признаны производными. В нашем перечне такие аффиксы приведены условно.

В прилагаемом ниже списке словообразующие аффиксы приводятся в порядке русского алфавита; при наличии нескольких вариантов аффикса даются лишь один-два негубных варианта с начальным звонким согласным.

-а/-ə — посредством этого аффикса образуются отыменные глаголы: *қан* 'кровь' — *қана-* 'кровоточить'; *бош* 'пустой' — *боша-* 'освобождаться'.

-ав — аффикс, образующий собирательные числительные: *бир* 'один' — *бирав* 'одна штука'.

-ай/-əй — посредством этого аффикса от имен существительных и прилагательных образуются глаголы: *кəң* 'широкий' — *кеңəй-* 'расширяться'; *күч* 'сила' — *күчəй-* 'усиливаться'.

-ақ — ныне малопродуктивный аффикс, образует прилагательные: *қал-* 'оставаться' — *қалақ* 'отсталый'.

-анə — аффикс персидского происхождения, при помощи которого от имен существительных арабского и персидского происхождения образуются прилагательные и наречия: *қəһриман* 'герой' — *қəһримананə* 'героический', 'героически'; *дуст* 'друг' — *дустанə* 'дружеский', 'по-дружески'.

-ар/-əр I — аффикс причастия будущего времени: *кəл-* 'приходить' — *келəр* 'придет'. В дальнейшем, принимая аффикс *-лиқ/-лик*, это причастие образует прилагательное со значением «заслуживающий того, чтобы быть совершенным» (что именно должно быть совершено, определяется семантикой глагола), например: *оқурлуқ* 'заслуживающий того, чтобы читать'.

-ар/-р II — при помощи этого аффикса от имен прилагательных образуются глаголы: *ақ* 'белый' — *ақар-* 'становиться белым'; *көк* 'синий' — *көкəр-* 'становиться синим'; *қисқа* 'короткий' — *қисқар-* 'становиться коротким'.

-əн — аффикс арабского происхождения, образует от имен существительных арабского происхождения наречия: *қисим* 'часть' — *қисмəн* 'частично'; *ҳəқиқət* 'истина' — *ҳəқиқətəн* 'поистине', 'на самом деле'.

-ваз — малопродуктивный в настоящее время аффикс персидского происхождения (восходит к соответствующему причастию со значением 'играющий'), при помощи которого от персидских же слов образуется имя действующего лица: *дар* 'канат' — *дарваз* 'канатоходец'; *кəптəр* 'голубь' — *кəптəрваз* 'любитель голубей'. В настоящее время отмечен в основном в структуре исторически производных слов, причем корневые слова, от которых они образованы, продолжают употребляться самостоятельно.

-ватқан — составной аффикс, восходящий к основе глагола *йат-* 'лежать' + аффикс причастия прошедшего времени *-ған/-қан*, образует причастия настоящего времени: *кəл-* 'приходить' — *келиватқан* 'идущий в данный момент'.

-вəн — аффикс персидского происхождения, редко встречающийся в новообразованиях; посредством этого аффикса от имен существительных персидского происхождения образуется имя действующего лица со значением «наблюдающий за чем-либо»: *бақ* 'сад' — *бағвəн* 'садовод'; *сарай* 'постоялый двор' — *сарайвəн* 'содержатель постоялого двора'.

-вий — см. *-ий*.

-гə/-кə, посредством которого образуются отглагольные существительные: *күл-* 'смеяться' — *күлкə* 'смех'; *сүпүр-* 'подметать' — *сүпүргə* 'метла'.

-гəр — малопродуктивный аффикс персидского происхождения; встречается в основном в составе ныне нечленимых слов, образованных от имен арабского или персидского происхождения, которые сохраняют самостоятельное употребление, например: *сода* 'торговля' — *содигəр* 'торговец'; *кимйа* 'химия' — *кимйагəр* 'химик'. Посредством этого аффикса, осложненного аффиксом *-лик*, образуется название занятия или профессии: *содигəрлик* 'занятие, профессия торговца'.

-гəрчилик — составной аффикс, состоящий из указанного аффикса персидского происхождения *-гəр* и уйгурских аффиксов *-чи* и *-лик*. Посредством *-гəрчилик* от имен существительных и прилагательных арабского и персидского происхождения образуется название абстрагированного ка-

чества, свойства: *адəм* 'человек'—*адəмғəрчилик* 'гуманность'.

-ғаз/-қаз—фонетический вариант аффикса понудительного залога *-ғуз/-қуз*.

-ғақ/-қақ — посредством этого аффикса образуются отглагольные прилагательные, обозначающие качество человека или предмета: *қорқ-* 'бояться'—*қорқғақ*>*қорқақ* 'пугливый', 'трусливый'; *тириш-* 'стараться'—*тиришқақ* 'старательный'; *йепиш-* 'прилипать'—*йепишқақ* 'липкий'. Соединяясь с аффиксом *-лиқ*, рассматриваемый аффикс может быть использован для образования существительных, обозначающих абстрагированное качество: *йепишқақлиқ* 'липчивость'. Имена на *-ғақ/-қақ* могут присоединять также сложный аффикс *-чилиқ*, образуя при этом названия состояния: *қурғақ* 'сухой'—*қурғақчилиқ* 'засуха'.

-ған/-қан—образует причастие (глагольное имя) от всех залоговых основ: *оқи-* 'читать'—*оқиған* 'образованный', 'читавший', 'учившийся'; *кəл-* 'приходить'—*кəлгəн* 'пришедший'; *оқут-* 'обучать'—*оқутқан* 'обучавший'. В дальнейшем, принимая аффикс *-лиқ*, образует отглагольное существительное с абстрактным значением состояния: *оқиғанлиқ* 'образованность'.

-ғар/-қар— аффикс отыменного глаголообразования: *баш* 'голова'—*башқар-* 'управлять'; *су* 'вода'—*суғар-* 'орошать'.

-ги/-ки—посредством этого аффикса образуются прилагательные от наречий времени и некоторых существительных: *түнүгүн* 'вчера'—*түнүгүнки* 'вчерашний'; *күз* 'осень'—*күзги* 'осенний'. Соединяясь с показателем местного падежа, этот формант образует аффикс местонахождения *-диги*.

-ғин/-қин—образует отглагольные существительные: *йан-* 'гореть'—*йанғин* 'пожар'; *сүр-* 'волочить'—*сүргүн* 'ссылка'; *қач-* 'бежать'—*қачқун* 'беглец'.

-ғлиқ— посредством этого аффикса образуются отглагольные прилагательные, означающие признак по состоянию, которое выражено в глагольной основе: *ас-* 'вешать'—*есиғлиқ* 'висячий'.

-ғу—один из древних аффиксов, посредством которого образовывалось имя действия, воспринимаемое в современном языке как отглагольное существительное: *тур-* 'стоять'—*турғу* 'позиция', 'состояние'. Имя с аффиксом *-ғу*, сочетаясь с соответствующим аффиксом принадлежности и вспомогательным глаголом *кəл-* 'приходить' в спрягаемой форме, образует конструкцию со значением желания: *охла-* 'спать'—*охлағум келиду* 'мне хочется спать'. То же самое имя на *-ғу*, присоединяя к себе аффикс принадлежности и слова *бар* 'есть', 'имеется' или *йоқ* 'нет', 'не имеется', образует

конструкцию намерения в аспекте настояще-будущего времени (соответственно—в положительном или отрицательном плане): *йаз-* 'писать'—*йазғум бар* 'я думаю писать', 'я напишу'. Сложный аффикс (<*-ғу*+*-чи*) образует отглагольные существительные со значением деятеля: *йазғучи* 'пишущий', 'писатель'.

-ғуз/-қуз—аффикс понудительного залога: *маң-* 'идти', 'отправляться'—*маңғуз-* 'заставить идти'; *йат-* 'лежать'—*йатқуз-* 'укладывать'; *йə-* 'кушать'—*йегүз-* 'кормить'.

-ғур/-қур I—составной аффикс (<*-ғу*+*-р*), при помощи которого образуются отглагольные прилагательные со значением способности совершить действие: *ал-* 'брать'—*алғур* 'хваткий'; *өт-* 'проходить', 'быть острым'—*өткүр* 'острый'; *тап-* 'находить'—*тапқур* 'находчивый'.

-ғур/-қур II—составной аффикс (<*-ғу*+*-р*), посредством которого исторически образовывалась форма доброжелания или зложелания—в зависимости от значения глагольной основы: *өл-* 'умереть'—*өлгүр* 'умереть бы тебе'; *қур-* 'высыхать'—*қурғур* 'высох бы ты'; *өлмə-* 'не умирать'—*өлмигүр* 'долго здравствовать'.

-ғуч/-қуч—составной аффикс (<*-ғу*+*-ч*) образует существительные со значением орудия действия: *сиз* 'чертить'—*сизғуч* 'линейка'; *сүз-* 'фильтровать'—*сүзгүч* 'фильтр'; *көрсəт-* 'показать'—*көрсəткүч* 'показатель'.

-ғучи—см. *-ғу*.

-да/-дə—фонетический вариант глаголообразующего аффикса *-ла* (см. *-ла/-лə*).

-дан—аффикс персидского происхождения, образует от имен существительных название предмета, служащего для вмещения вещества, обозначенного в основе: *сийа* 'чернила'—*сийадан* 'чернильница'.

-дар—аффикс персидского происхождения, образует от имен существительных название лица или предмета—обладателя свойства или предмета, выраженного в основе: *чарва* 'скот'—*чарвидар* 'скотовод'; *əйп* 'вина́'—*əйпдар* 'виновник'; *йара* 'рана'—*йаридар* 'раненый'; *байақ* 'знамя'—*байақдар* 'знаменосец'.

-даш—один из наиболее древних составных аффиксов (<аффикс местного падежа+слово *еш* 'спутник', 'товарищ'); образует название лица по признаку их общности с кем-либо: *йол* 'путь'—*йолдаш* 'спутник', 'товарищ'; *қерин* 'утроба'—*қериндаш* 'родственник' (букв.: 'единоутробник').

-диған—аффикс, образующий причастие будущего времени, например: *йаз-* 'писать'—*йазидиған* 'надлежащий быть написанным'.

-диги/-дики—аффикс, состоящий из показателя местного

падежа и аффикса, образующего имя прилагательное; при помощи *-диги/-дики* от имен существительных, числительных и местоимений образуются прилагательные со значением местонахождения: *коча* 'улица'—*кочидики* 'находящийся на улице'; *мән* 'я'—*мәндики* 'находящийся у меня'; *қириқ* 'сорок'—*қириқтики* 'сорокалетний'.

-дур/-тур—аффикс понудительного залога: *ал-* 'брать'—*алдур-* 'выписывать'; *кәл-* 'приходить'—*кәлтүр-* 'приносить'.

-зар—аффикс персидского происхождения, от названия растений образует название местности, изобилующей этими растениями: *гүл* 'роза', 'цветок'—*гүлзар* 'цветник', 'лужайка с цветами'; *бедә* 'клевер'—*бедизар* 'поле, засеянное клевером'. Слова этого типа могут присоединять также *-лиқ* почти без изменения первоначального значения: *бедизарлиқ* 'поле, засеянное клевером'.

-иқ/-ик образует глагол от именных частей речи: *йол* 'дорога'—*йолуқ-* 'встречаться'; *кәч* 'поздно'—*кечик-* 'опаздывать'; *бир* 'один'—*бирик-* объединяться'.

-ий—аффикс арабского происхождения, образует относительные прилагательные от слов арабского и персидского происхождения и в редких случаях—от заимствованных из русского языка слов. Если основа оканчивается на гласный звук, то перед аффиксом появляется губно-губной согласный *в*. Если основа оканчивается на *-т*, то при образовании прилагательного этот последний выпадает, например: *илм* 'наука'—*илмий* 'научный'; *тәрбийә* 'воспитание'—*тәрбийивий* 'воспитанный'; *сийасәт* 'политика'—*сийасий* 'политический'; *идейә*—*идейивий* 'идейный'; *партийә*—*партийиеий* 'партийный'.

-қ/-к образует отглагольные существительные и прилагательные: *көр-* 'видеть'—*көрүк* 'смотр'; *өл-* 'умереть'—*өлүк* 'мертвый', 'мертвец'; *тилә-* 'просить', 'желать'—*тиләк* 'просьба', 'желание'.

-кар—по происхождению персидское слово со значением 'дело', перешедшее в разряд аффиксов; при помощи его от имен персидского и арабского происхождения образуются названия лиц, занимающихся делом, обозначенным в основе: *гуна* 'грех'—*гунакар* 'грешник', 'виновник'; *бина* 'здание'—*бинакар* 'строитель'.

-кәш—аффикс персидского происхождения, образует от существительных названия лиц, занимающихся каким-либо делом (по значению основы): *тәңзә* 'лоток'—*тәңзикәш* 'лоточник', 'мелкий торговец'; *ҳарвә* 'телега'—*ҳарвукәш* 'возчик'.

-л/-ил—аффикс страдательного залога: *йаз-* 'писать'—*йезил-* 'быть написанным'.

-ла—аффикс отыменного глаголообразования, его фонетический вариант—*-да*. Примеры: *баш* 'голова'—*башла-* 'начинать', *из* 'след'—*издә-* 'искать'. В процессе его дальнейшего развития образовались аффиксы, осложненные показателями возвратного, совместного и понудительного залогов: *-лан*, *-лаш*, *-лат*; некоторые из них с точки зрения современного языка неразложимы (см. об этих аффиксах ниже).

-лақ—посредством этого аффикса от имени существительного образуется название местности, чем-либо изобилующей: *таш* 'камень'—*ташлақ* 'каменистая местность'; *от* 'трава'—*отлақ* 'пастбище'; *қиш* 'зима'—*қишлақ* 'зимовка'.

-лан—неразложимый с точки зрения современного языка аффикс, образующий непереходные и возвратные глаголы от имен существительных и числительных: *шубҳә* 'сомнение'—*шубҳиләнә-* 'сомневаться'; *икки* 'два'—*иккиләнә-* 'колебаться'; *дуст* 'друг'—*дустлан-* 'подружиться'.

-лап—аффикс, состоящий из аффикса глаголообразования *-ла* и показателя деепричастия прошедшего времени *-п*; посредством него от различных частей речи образуются наречия: *йахши* 'хороший', 'хорошо'—*йахшилап* 'по-хорошему', 'хорошенько'; *ҳарвә* 'телега'—*ҳарвулап* 'телегами'; *қиш* 'зима'—*қишилап* 'зимой'.

-ларчә—аффикс, состоящий из показателя множественного числа и аффикса *-чә*; посредством него образуются наречия *қәһриман* 'герой'—*қәһриманларчә* 'по-геройски', 'героически', *бала* 'ребенок'—*балиларчә* 'по-детски'.

-лаш—ныне неразложимый аффикс, посредством которого от имен существительных, числительных и прилагательных образуются глаголы с взаимосовместным, а иногда и возвратным значением: *бир* 'один'—*бирләш-* 'объединяться'; *дуст* 'друг'—*дустлаш-* 'дружить'.

-лиқ/-лик I образует от имен существительных и числительных имена прилагательные со значением обладания предметом, качеством, свойством, выраженным в имени, от которого прилагательное производится: *күч* 'сила'—*күчлүк* 'сильный'; *планлиқ* 'плановый'; *он* 'десять'—*онлуқ* 'десятичный'.

-лиқ/-лик II—посредством этого аффикса от названия местности образуется имя жителя той или иной местности: *Бежин* 'Пекин'—*бежинлик* 'пекинец'; *шәһәр* 'город'—*шәһәрлик* 'городской', 'горожанин'.

-лиқ/-лик III—при помощи этого аффикса от имен существительных с конкретным значением образуются имена существительные с конкретным собирательным значе-

нием «местность, изобилующая тем, что обозначено в корневом имени»: *таш* 'камень'—*ташлық* 'каменистая местность'; *қум* 'песок'—*қумлық* 'пески'; *қоғун* 'дыня'—*қоғунлық* 'бахча, засеянная дынями'. От имен же существительных с конкретным значением посредством этого аффикса образуются названия предметов, имеющих определенное, обусловленное семантикой корневой основы назначение: *түн* 'ночь'—*түнлүк* 'дымоход'; *дәрс* 'урок' *дәрслик* 'учебник'.

-лиқ/-лик IV от имен прилагательных образует имена с отвлеченными значениями: *йахши* 'хороший'—*йахшилиқ* 'доброта'; *бай* 'богатый'—*байлиқ* 'богатство'; *қизил* 'красный'—*қизиллиқ* 'краснота'.

-м/-им—посредством этого аффикса образуются отглагольные имена существительные: *бөл-* 'делить'—*бөлүм* 'отдел', *өл-* 'умереть'—*өлүм* 'смерть'; *кир-* 'входить'—*кирим* 'приход'; *чиқ-* 'выходить'—*чиқим* 'расход'. К некоторым именам, образованным при помощи данного аффикса, может присоединяться уменьшительный аффикс *-чә*: *бөлүмчә* 'подотдел'.

-ма/-мә образует от глагольных основ имена существительные и прилагательные разного значения: *сүз-* 'цедить'—*сүзмә* 'сцеженное молоко'; *йаз-* 'писать'—*йазма* 'рукопись'; *уйуш-* 'объединяться'—*уйушма* 'объединение'; *ас-* 'вешать'—*асма* 'висячий'; *бас-* 'печатать'—*басма* 'печатный'.

-мақ/-мәк I образует имена действия, которые синонимичны именам действия на *-ш* и в настоящее время употребляются в качестве инфинитива: *йазмақ* 'писание' и 'писать'. Имена действия на *-мақ* часто сочетаются с аффиксом *-лиқ*, образуя при этом отглагольные существительные, передающие название действия: *йазмақлиқ* 'писание'.

-мақ/-мәк II—посредством этого аффикса от глаголов образуются имена, обозначающие названия предметов: *ой-* 'выдалбливать'—*оймақ* 'наперсток'; *қуй-* 'вливать'—*қуймақ* 'оладьи'; *тап-* 'находить'—*тепишмақ* 'загадка'.

-маслиқ/-мәслик—аффикс, состоящий из показателя глагольного отрицания *-ма/-мә*, показателя причастия настоящее-будущего времени отрицательной формы *-с* и аффикса именного образования *-лиқ*. При помощи аффикса *-маслиқ/-мәслик* образуется отрицательная форма имени действия на *-ш* и абстрактные имена существительные: *йаз-* 'писать'—*йазмаслиқ* 'не писание'; *керәк* 'нужно', 'необходимо'—*керәкмәслик* 'не необходимость'.

-мен (*-мәнд*)—аффикс персидского происхождения, образует от имен арабского и персидского происхождения существительные и прилагательные со значением обладания предметом, указанным в корневой основе: *айал* 'женщина'—*айалмәнд* 'женатый'; *ҳунәр* 'ремесло', 'искусство'—*ҳунәрмән* 'ремесленник'; *арзу* 'желание'—*арзумән* 'желающий'.

-миш—непродуктивный в настоящее время аффикс древней формы причастия прошедшего времени, вытесненной ныне причастием на *-ған/-гән*: *өт-* 'проходить'—*өтмүш* 'прошедший'; *йаз-* 'писать'—*йазмиш* 'написанный' (переносно: 'судьба').

-н/-ин—аффикс, образующий возвратный залог (от основ, оканчивающихся на гласный или сонорные *н*, *л*, образует также страдательный залог): *ал-* 'брать'—*елин-* 'быть взятым'; *көр-* 'смотреть'—*көрүн-* 'показаться'.

-намә—аффикс, восходящий к персидскому имени со значением 'письмо', образует название письменного документа: *шәрт* 'условие'—*шәртнамә* 'договор'; *байан* 'объяснение'—*байаннамә* 'коммюнике', 'декларация'.

-нди/-инди—посредством этого аффикса образуются отглагольные существительные со значением результата действия, выраженного в основе: *қир-* 'скрести'—*қиринди* 'оскребки'; *асра-* 'содержать', 'кормить'—*асранди* 'приемыш'.

-ниқи/-ники—составной аффикс, восходящий к аффиксу родительного падежа *ниң* и аффиксу прилагательного *ки*, образует притяжательные местоимения; *мән* 'я', *мениңки*>*меники* 'мой', *силә* 'вы', *силиниңки*>*силәрники*>*силиники* 'Ваш'.

-ниңки—см. *-ниқи/-ники*.

-нчи/-инчи—аффикс, образующий порядковые числительные и прилагательные от количественных числительных и некоторых существительных со значением порядка, очередности: *он* 'десять', *онунчи* 'десятый'; *оттура* 'середина', *оттуринчи* (иногда: *оттурамчи*) 'средний'.

-пәз—аффикс персидского происхождения, при помощи которого от имен существительных образуются названия профессии: *аш* 'еда'—*ашпәз* 'повар'; *самса* 'пирожки'—*самсипәз* 'повар, готовящий пирожки'.

-пәрәст—аффикс персидского происхождения, восходящий к соответствующему причастию со значением 'поклоняющийся чему-либо'. При помощи этого аффикса образуется имя существительное, указывающее на склонность человека: *атәш* 'огонь' (самостоятельно в современном уйгурском языке не употребляется)—*атәшпәрәст* 'огнепоклонник'; *уруш* 'война'—*урушпәрәст* 'сторонник войны'; *бут* 'идол'—*бутпәрәст* 'идолопоклонник'.

-пәрвәр—аффикс персидского происхождения, восходящий к причастию со значением 'выращивающий', 'заботящий

щийся'; образует от имен арабского происхождения существительное, указывающее на склонность человека: *тәрәққий* 'прогресс'—*тәрәққийпәрвәр* 'сторонник прогресса'; *вәтән* 'Родина'—*вәтәнпәрвәр* 'патриот'.

-пуруш—аффикс персидского происхождения со значением 'продающий', образует конкретные названия торговцев по объекту торговли: *алма* 'яблоко'—*алмипуруш* 'продавец яблок', *чайпуруш* 'человек, торгующий чаем'.

-р/-ир/-ур—аффикс понудительного залога: *өч-* 'гаснуть'—*өчүр-* 'гасить'; *пиш-* 'вариться'—*пишүр-* 'варить'.

-саз—аффикс персидского происхождения, посредством которого от имен существительных образуются названия лиц, налаживающих или производящих предметы, обозначенные корневой основой: *саәт* 'часы'—*саәтсаз* 'часовщик', 'часовых дел мастер'; *машинисаз* 'машиностроитель'. При присоединении аффикса *-лиқ* к подобным именам деятеля образуется имя со значением названия отрасли промышленности: *машинисазлиқ* 'машиностроение'.

-сәт — аффикс понудительного залога, встречающийся очень редко: *көр-* 'смотреть'—*көрсәт-* 'показывать'.

-сиз — аффикс, посредством которого от всех частей речи образуются прилагательные, указывающие на отсутствие предмета, названного в основе: *еқил* 'ум'—*еқилсиз* 'неумный'; *сән* 'ты'—*сәнсиз* 'без тебя', 'в твое отсутствие', *толуқ* 'полный'—*толуқсиз* 'неполный'. При дальнейшем наращении аффикса *-лиқ* к прилагательным этого типа образуются абстрактные существительные с негативным значением: *пул* 'деньги'—*пулсиз* 'безденежный'—*пулсизлиқ* 'безденежье'.

-симан—аффикс, при помощи которого от имен образуются прилагательные со значением уподобления: *туман-симан* 'похожий на туман', *газсиман* 'газоподобный'.

-сира—аффикс, посредством которого от имен образуется глагол со значением «желать чего-либо» (по значению основы) или же со значением ослабления действия, состояния, выраженного в основе, например: *қан* 'кровь'—*қансира-* 'жаждать крови'; *уйқу* 'сон'—*уйқисира-* 'дремать'.

-стан— аффикс персидского происхождения, образующий название страны по имени народа, иногда—название местности по названию характерного для нее предмета: *Қазақстан*, *Татарстан*; *гүл* 'роза'—*гүлүстан* 'розариум', 'цветник'; *Дағистан* (букв. 'страна гор'); отдельно стоит такое образование, как *зимистан* 'зима'. В дальнейшем подобные образования могут получать аффикс *-лиқ*, в результате чего образуются названия деятеля, обитателя страны или местности: *татарстанлиқ* 'человек из Татарии'.

-т—аффикс понудительного залога: *оқу-* 'читать'—*оқут-* 'обучать'.

-хана—аффикс, восходящий к персидскому слову со значением 'дом', 'жилище'; в уйгурском языке служит для образования названий учреждения, предприятия и т. д.: *почтихана* 'почтамт', *консулхана* 'консульство', *ашхана* 'столовая', *дәмбухана* 'телеграф'.

-хор—аффикс, восходящий к персидскому причастию со значением 'пьющий', 'кушающий'; посредством этого аффикса от имен существительных образуются наименования лиц, склонных к употреблению предмета, означенного в корневой основе: *ҳарақ* 'водка'—*ҳарақхор* 'пьяница'; *чайхор* 'чаевник'; *җазанә* 'взятка'—*җазанихор* 'взяточник'.

-чан—посредством этого аффикса от имен существительных образуются имена прилагательные со значением «способный или склонный к действию или состоянию, названному в корневой основе»: *уйқу* 'сон'—*уйқучан* 'сонливый'; *уйат* 'стыд'—*уйатчан* 'стыдливый'. Такое производное прилагательное может принимать аффикс *-лиқ*, образуя при этом существительное, являющееся названием той или иной склонности: *уйқучанлиқ* 'сонливость', *уйатчанлиқ* 'стыдливость'; *иш* 'работа'— *ишчән* 'работяга', *ишчәнлик* 'работоспособность'.

-чә I—аффикс персидского происхождения, посредством которого от имен существительных образуются существительные с уменьшительным значением: *китап* 'книга'—*китапчә* 'брошюра'; *қиз* 'девочка', 'девушка'—*қизчә* 'девчонка'.

-чә II—посредством этого аффикса образуются наречия со значением уподобления или соответствия. Аффиксу *-чә* могут предшествовать показатели множественного числа родительного падежа, а также аффиксы принадлежности. Примеры: *уйғурчә* 'по-уйгурски', *мениңчә* 'по-моему', *кәһриманларчә* 'героически', *айтқиниңизчә* 'так, как вы сказали'.

-чә III—посредством этого аффикса от некоторых имен прилагательных образуются прилагательные же с уменьшительным значением: *узун* 'длинный'—*узунчә* 'длинноватый'.

-чи—один из наиболее продуктивных имяобразующих аффиксов; образует от имен существительных и числительных имя действующего лица: *тәңзә* 'лоток'—*тәңзичи* 'лоточник', 'мелкий торговец'; *хаң* 'рудник'—*хаңчи* 'шахтер'; *миң* 'тысяча'—*миңчи* 'тысячник' (т. е. получающий или выполняющий что-либо в объеме тысячи каких-либо единиц); присоединяясь к имени собственному, аффикс *-чи*

образует имя со значением последователя, приверженца данного лица: *ленинчи* 'ленинец', *мичуринчи* 'мичуринец', 'последователь Мичурина'. При наращении аффикса *-лиқ* от указанных имен образуются названия профессий или занятий: *тәҗзичилиқ* 'профессия или занятие мелкого торговца'.

-чил —аффикс, при помощи которого от существительных образуется существительное со значением склонности к предмету, обозначенному в основе: *хәлқ* 'народ'—*хәлқчил* 'народник'; *из* 'след'—*изчил* 'последователь'. При наращении к подобным именам аффикса *-лиқ* образуются существительные с абстрактным значением: *изчиллик* 'последовательность'.

-чилиқ—аффикс, состоящий из аффиксов *-чи-* и *-лиқ*; посредством этого аффикса от имен прилагательных и речий образуется название какого-либо положения или состояния: *көп* 'много'—*көпчилик* 'большинство', *абадан* 'благоустроенный' — *абаданчилиқ* 'цветущее состояние'.

-ш/-иш I—посредством этого аффикса образуются имена действия от всех залогов глагола, равно как и от глаголов производных, составных и сложных: *йаз-* 'писать'—*йезиш* 'писание' (ср. страдательный залог *йезилиш*, понудительный— *йаздуруш-*, взаимно-совместный — *йезишиш-* и т. д.).

-ш/-иш/-уш II образует взаимно-совместный залог: *йаз-* 'писать'—*йезиш-* 'переписываться'.

-шунас—аффикс, восходящий к персидскому причастию со значением 'знающий'; при помощи этого аффикса образуется имя деятеля, специалиста в области, обозначенной в производящей основе: *хәнсу* 'китаец'—*хәнсушунас* 'китаист', *Жуңго* 'Китай'—*жуңгошунас* 'китаевед'; *шәрқ* 'восток'—*шәрқшунас* 'востоковед'.

При наращении к подобным именам аффикса *-лиқ* образуются названия соответствующих дисциплин и отраслей науки: *хәнсушунаслиқ* 'синология', *жуңгошунаслиқ* 'китаеведение'.

Известную роль в уйгурском словообразовании играет, как об этом говорилось выше, словосложение. Приведем здесь несколько составных имен, образованных путем сложения двух полноценных уйгурских слов: *төмүрйол* 'железная дорога', *ташйол* 'шоссе', *аққөңүл* 'чистосердечный', *аққуш* 'лебедь'. Составные слова могут в свою очередь принимать словообразующие аффиксы и образовывать новые слова, например: *ачкөз* 'жадный' (*ач* 'голодный', *көз* 'глаз'), *ачкөзлик* 'жадность'; *аққөңүллүк* 'чистосердечие' и т. п.

Очень употребительны в уйгурском языке так называемые парные слова (подробнее см. в разделе «Лексика»). Сюда могут быть отнесены также парные слова, компоненты которых повторяются, например: *бара-бара* 'с течением времени'; *нурғун-нурғун* 'множество' (букв.: 'много-много') и т. д. Один из компонентов таких парных слов может сочетаться с какой-либо частицей или принимать формообразующий аффикс, например: *көзмә-көз* 'с глазу на глаз', *қолма-қол* 'непосредственно' (*қол* 'рука'), *кәйнидин* 'гуськом', 'один за другим', *он-ондин* 'по десяти' и т. д.

К этой же группе парных слов относятся такие парные слова, в которых второй компонент является отголоском первого, например: *нан-пан* 'еда' (*нан* 'хлеб'), *чай-пай* 'питье'. К этой же группе относятся парные слова, составленные из двух местоимений, второй компонент которых является как бы своеобразным отголоском первого, несмотря на то что имеет самостоятельное значение, например: *андақ-мундақ* 'такой-сякой', *у-бу* 'что-либо'.

СИНТАКСИС[1]

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ФОРМЫ СВЯЗИ СЛОВ

Основным правилом синтаксиса уйгурского языка является препозиция зависимых, управляемых слов. Это находит выражение в том, что определение всегда предшествует определяемому им слову (*қизил қәләм* 'красный карандаш', *өлүм жазиси* 'смертная казнь'), прямое дополнение и обстоятельства предшествуют управляющему глаголу (*хәт оқуди* 'он прочитал письмо', *түнүгүн кәлди* 'он вчера приехал'). Основным управляющим и, следовательно, заключающим предложение словом является сказуемое[2]. Подлежащее, дополнения, обстоятельства как управляемые и зависимые от сказуемого слова предшест-

[1] Раздел «Синтаксис» написан научным сотрудником Института народов Азии СССР Р. Ф. Тарасенко.

[2] См. В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940, стр. 31, 32.

вуют ему. Структура простого предложения может быть представлена следующей схемой:

I	⇄	II	III	IV	V	VI
Подлежащее		Обстоятельство места или времени	Косвенное дополнение	Прямое дополнение	Обстоятельство образа действия	Сказуемое

Предложения: *Хәлқимиз хәлқ бағчисида дөвләт байримини хошал-хорам тәбриклимәктә* 'Наш народ весело и радостно отмечает в городском саду государственный праздник'; *Бу жили йазда партийә дихан чарвичиларни техиму чоң утуқларға чақирди* 'Летом этого года партия призвала крестьян и скотоводов к еще большим успехам'; *Бу фабрикида 1952-жили 1-ийүл күни иш башлинип кәтти* 'Работа на этой фабрике началась 1 июля 1952 года'—композиционно соответствуют приведенной выше схеме и нормативны для языка прессы и художественных произведений. В уйгурском предложении, как и в других языках, возможно изменение порядка слов, связанное с перемещением логического ударения: член предложения, на который падает логическое ударение, располагается непосредственно перед сказуемым. В зависимости от перемещения логического ударения—например в предложении *Түнүгүн йолдушум Шинҗаңдин кәлди* 'Мой товарищ вчера приехал из Синьцзяна'—порядок слов меняется следующим образом: *Йолдушум Шинҗаңдин түнүгүн кәлди* 'Мой товарищ приехал из Синьцзяна вчера' (логическое ударение падает на обстоятельство времени *түнүгүн* 'вчера', которое располагается непосредственно перед сказуемым); *Түнүгүн Шинҗаңдин йолдушум кәлди* 'Вчера из Синьцзяна приехал мой товарищ' (непосредственно перед сказуемым располагается подлежащее, на которое падает логическое ударение).

В разговорной речи, а также в языке художественных произведений допустим относительно свободный порядок слов. Например, в предложении *Кетиштин башқа илаҗи йоқ еди униңға* 'Ему ничего не оставалось делать, как только уйти' в конце, т. е. на обычном месте сказуемого, располагается косвенное дополнение *униңға* 'ему', 'для него'; в предложении *«Тәбрикләймән сизни»,—қолини бәрди Гулхәсәл униңға сәмими ҳалда* '«Поздравляю вас»,—искренне протянула ему руку Гюльхесель' также нарушен обычный порядок слов, а именно: на месте сказуемого расположено обстоятельство образа действия, а

слово *дәп*, обычно вводящее прямую речь, при этом совершенно опущено; в предложении *Толуп кәтти хошаллиққа диханларниң жүрүги* 'Сердца крестьян переполнились радостью' сказуемое *толуп кәтти* расположено в самом начале предложения. Однако, несмотря на возможность подобного рода отступлений, нормой литературного уйгурского языка остается приведенная выше схема.

Наиболее употребительными формами синтаксической связи слов в уйгурском языке являются примыкание, управление и изафет.

Примыкание, древнейшая по своему происхождению форма связи [3], характеризуется отсутствием морфологического оформления компонентов словосочетания, их непосредственным соположением при соблюдении обычного для уйгурского языка порядка слов (зависимое слово располагается перед словом, к которому оно относится), например: *кичик бала* 'маленький ребенок', *кәлгән киши* 'приехавший человек'.

Управлять падежами в уйгурском языке могут глаголы (как в личных, так и неличных формах) и послелоги. Способность глагольных имен сохранять за собой глагольные свойства широко используется в уйгурских сложных предложениях, например: *Бу докладларни қизғин ҳимайә қилидиғанлиқларимизни билдурумиз* 'Мы заявляем, что мы горячо поддерживаем эти доклады', где дополнение вводится в состав главного предложения посредством вторичного глагольного имени *қилидиғанлиқ*, оформленного аффиксом множественного числа, аффиксом принадлежности 1-го лица множественного числа *-имиз* и аффиксом винительного падежа *-ни*. Перед глагольным именем *қилидиғанлиқ* располагаются управляемые им слова: прямое дополнение *бу докладларни* 'эти доклады' и обстоятельство образа действия *қизғин* 'горячо'; *Сизниң ҳәрби сәпкә кириширигизгә аилиңиз рази болмиса керәк* 'Ваша жена, видимо, не согласится с тем, что Вы пойдете на военную службу', где косвеннодополнительное придаточное предложение вводится в состав главного при помощи имени действия на *-иш — кириш*, оформленного аффиксом принадлежности 2-го лица вежливой формы *-иңиз* (указывает на субъект действия) и аффиксом направительного падежа *-гә*; глагольное имя *кириш* управляет впереди стоящим именем *сәп*.

Изафетными сочетаниями в тюркологии называются

---

[3] См. Н. К. Дмитриев, *Строй турецкого языка*, Л., 1939, стр. 50.

«определительные словосочетания имен существительных»[4]. Сущность изафетных сочетаний состоит в том, что определение-существительное обусловливает появление в определяемом морфологического показателя синтаксической связи—аффикса принадлежности 3-го лица *-и/-си*, как это можно видеть в словосочетаниях *уйғур хәлқи* 'уйгурский народ', *коммунистлар партийаси* 'коммунистическая партия', *қазақ қизлири* 'казахские девушки'. И определение, и определяемое могут выступать как в форме единственного, так и в форме множественного числа. В уйгурском языке различаются два типа изафетных сочетаний: одноаффиксные и двухаффиксные. Одноаффиксные сочетания отличаются тем, что определение в сочетаниях этого типа выступает в нулевой форме (в форме основного падежа) и сочетается с определяемым путем примыкания (таковы приведенные выше примеры), причем семантическое содержание комплекса определяется семантическим содержанием составляющих его компонентов. Двухаффиксные сочетания характеризуются грамматической оформленностью обоих компонентов. Определение в сочетаниях этого типа выступает в форме родительного падежа. Такого рода сочетания чаще всего указывают на принадлежность: *йолдушумниң дадиси* 'отец моего товарища'; *Хәсәнҗанниң ғәзиви* 'гнев Хасанджана'. Вместо примыкания в этих сочетаниях употребляется, на наш взгляд, другая форма связи—управление,—позволяющая членам изафета (особенно определяемому) получать распространяющие слова, так, например: *Бу Қасимниң Жуңгони биринчи қетим зийарәт қилиши* 'Это первое посещение Касимом Китая'; в определительном словосочетании между определением *Қасимниң* и определяемым *зийарәт қилиши* располагается целая группа дополнительных определений к последнему. Грамматическая оформленность основных компонентов определительного словосочетания выступает в составе предложения как средство выделения развернутых синтаксических словосочетаний, используемых для выражения отдельного члена предложения или включенного (придаточного) предложения. Например, в предложениях *Сәмәтниң Урумчидин түнүгүн кәлгәнлигини билмиди* 'Она не знала, что Самет вчера приехал из Урумчи'; *Қасим дадисиниң нәгә кетип барғанлиғини билмәйтти* 'Касим не знал, куда уехал его отец' композиция включенных предложений *Сәмәтниң Урумчидин түнүгүн кәлгәнлигини* 'Приезд Самета из Урумчи' и *Дадисиниң нәгә кетип барғанлиғини* 'Куда уехал его отец' легко выявляется благодаря изафетной связи определений с определяемыми. Изафетные сочетания развились на базе определительных сочетаний имен существительных, связанных друг с другом примыканием, сфера употребительности которых постепенно сужается,—в современном уйгурском языке сочетания подобного типа в основном превращаются в лексико-семантические единицы: *төмүр йол* 'железная дорога', *таш йол* 'шоссе' (букв.: 'каменная дорога'), *алтун саәт* 'золотые часы' и т. д.

[4] См. С. С. Майзель, *Изафет в турецком языке*, М.—Л., 1957.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Любой член предложения может быть выражен и отдельным словом и словосочетанием. Границы словосочетаний выявляются благодаря категории принадлежности и изафетным конструкциям.

Подлежащее всегда согласуется со сказуемым в лице и числе и может быть выражено именами существительными, личными и указательными местоимениями и субстантивированными прочими частями речи (субстантивация в тюркских языках осуществляется в основном за счет категории принадлежности и категории множественного числа), например: *Иккинчиси гәпни бөлүп кесип параң қилишқа башлиди* 'Второй прервал беседу и заговорил сам'; *Кичиги оғул бала еди* 'Младший из них—мальчик' (в первом примере подлежащее выражено субстантивированным порядковым числительным *иккинчи*, во втором—субстантивированным именем прилагательным *кичик*).

Сказуемое в уйгурском предложении может быть выражено всеми именными частями речи (именное сказуемое) и личными формами глагола (глагольное сказуемое). В предложении *Гулшән ақ көңүл қиз* 'Гюльшен—добрая девушка' сказуемое выражено именным определительным словосочетанием *ақ көңүл қиз* 'добрая девушка'. В предложении *Бу киши муәллим әмәс* 'Этот человек не преподаватель' сказуемое выражено именем существительным *муәллим* 'преподаватель' с именным отрицанием *әмәс*.

В предложениях со сказуемым, выраженным предикативными именами *бар* 'есть', 'имеется' и *йоқ* 'нет', 'не имеется', подлежащее оформляется аффиксами принадлежности, например: *Дәптирим бар* 'У меня есть тетрадь'; *Дадиси йоқ* 'У него нет отца'. Использование категории принадлежности подразумевают и предложения с именными сказуемыми, выраженными модальными словами *керәк* 'необходимо', *мүмкүн* 'можно', 'возможно', *лазим*, *зәрур*

'необходимо'. Логический субъект действия в предложениях этого типа устанавливается по аффиксу принадлежности при подлежащем, например: *Бизниң техи үгүнүшимиз керәк* 'Нам еще нужно учиться'; *Уни саңа ейтишим керәк* 'Мне нужно сказать тебе об этом'; *Брақ пәхәс болушуң керәк* 'Но ты должен быть осторожен'. В современном уйгурском языке в предложениях этого типа под влиянием русского языка логический субъект действия часто передается основным падежом вместо обычного родительного, например: *Сән қелишиң керәк* 'Тебе необходимо остаться'; *Биз иттипақлишип бирликтә күрәш қилишимиз керәк* 'Нам необходимо объединиться и совместно бороться'.

Обстоятельства времени выражаются 1) наречиями времени: *ҳазир* 'сейчас', *әмди* 'теперь', *бурун* 'раньше', *ақшам* 'вечером', *бүгүн* 'сегодня', *түнүгүн* 'вчера', *әртә* 'завтра', *кечә* 'вечером' и т. д., например: *Бурун йәккә ишләйттуқ, әмди көпчүлүк биллә ишлейдиған болдуқ* 'Раньше мы работали отдельно (единолично), теперь большинство стало работать совместно'; *Ҳазир апам өйдә йоқ* 'Сейчас моей матери нет дома'; 2) именами существительными временно́й семантики в местном падеже или в сочетании с числительным *бир*, с указательными местоимениями, именами, конкретизирующими выражаемое понятие + аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа, например: *Өтмүштә Шиңҗаңда завод, фабриклар йоқ дегүдәк еди* 'В прошлом в Синьцзяне почти не было заводов и фабрик'; *Бу жили Кәшқәр диханлири мол ҳосул алмақта* 'В этом году кашгарские крестьяне собирают обильный урожай'; *Йәкшәмбидә биз театрға баримиз* 'В воскресенье мы пойдем в театр'; 3) сочетанием имени с послелогами *кейин, аввал, бурун, илгири, бери, итиварән*, управляющими исходным падежом, и послелогом *кәдәр*, управляющим направительным падежом, например: *Үч күндин кейин келиң* 'Приходите через три дня'; *Бу жилға қәдәр Полат йеқә ишләйтти* 'До этого года Пулат работал единолично'.

Обстоятельства места выражаются 1) наречиями места: *буйәрдә, үйәрдә, буйәргә, үйәргә, буйәрдин, үйәрдин, мәшәдә* и др., например: *Буйәрдә тамака чекиш мүмкүн әмәс* 'Здесь курить нельзя'; *Кәт буйәрдин!* 'Уходи отсюда!'; 2) именами в пространственных падежах: *Тохта ҳазир өйдә йоқ* 'Тохты сейчас нет дома'; *Сәмәт униңға төрдин орун көрсәтти* 'Самет предложил ему место в красном углу'; 3) сочетаниями имен со служебными именами: *алд, йан, қаш, таш, ич, арқа, тәрәп*, например: *Нисахан жоза йенида олтарған еди* 'Нисахан сидела за столом'; *Мәйли әмди*

ларниң қешиға барсам барай 'Ну хорошо, я пойду к

Обстоятельства цели выражаются 1) именами действия на *-ш/-иш* (реже на *-мақ/-мәк*) в направительном падеже, например: *Бу ишни музакирә қилишқа кәлдуқ* 'Мы пришли обсудить этот вопрос'; 2) сочетанием имен действия на *-ш/-иш -мақ/-мәк* с послелогом *үчүн*, например: *У чоңқур тинивалди вә кәтмәк үчүн аста қозғалди* 'Он глубоко вздохнул и медленно поднялся, готовясь уйти'; *Сәмәт дәптәр елиш үчүн кәтти* 'Самет пошел купить тетрадь'; 3) деепричастиями на *-ғили* (с вариантами), например: *Сән соқушушқа кәлдиңму йаки ойнағилиму?* 'Ты пришел драться или играть?'; *Сиз билән хошлашқини кәлдим* 'Я пришел попрощаться с Вами'; 4) прямой речью, введенной посредством *дәп*, например: *Урумчиға оқуймән дәп кәтти* 'Он уехал в Урумчи учиться'; *Бу коммуна әзалири мол ҳосул алимиз дәп жидди ишләватидур* 'Члены этой коммуны усердно трудятся, чтобы получить обильный урожай'.

Обстоятельства причины выражаются 1) именами в форме исходного падежа, например: *Аниси хошаллиғидин жиғлап кәтти* 'Его мать расплакалась от радости'; 2) сочетанием имен или имен действия с послелогом *үчүн*, например: *Сиз үчүн кәлдим* 'Я приехал ради Вас'; *У өзиниң соалиға жавап бериш үчүн қийнилатти* 'Он мучился, ища ответ на свой вопрос'; 3) деепричастиями на *-п/-ип*, например: *Терикип гәп қилалмапту* 'Он не мог говорить от ярости'; *Улар өйлиригә кетишип үч иштин зийан тартти* 'Они трижды прогадали из-за того, что ушли домой'.

Обстоятельства образа действия выражаются 1) наречиями *йахши* 'хорошо', *йаман* 'плохо', *аста* 'медленно', *чапсан* 'быстро', *қаттиқ* 'сильно', *пат-пат* 'часто', 'быстро', 'сразу' и т. д., например: *Ташқирида шивирған қаттиқ урған* 'На дворе бушевала пурга'; *Кишиләрниң өйигә пат-пат йохлап берип туратти* 'Она часто навещала жителей'; 2) сочетанием имени с послелогом *билән*, например: *Никаҳ зорлуқ билән өткән* 'Ее насильно выдали замуж'; 3) именем или именным определительным словосочетанием в местном падеже, например: *У Ибраһимни топ ичидин миң тәсликтә тапти* 'Он с большим трудом отыскал в толпе Ибрагима'; *Ана ғәзәп отида йенип титрәйтти* 'Мать дрожала от гнева'; 4) сочетанием имен со служебными именами *рәвиш, сүрәт, ҳал, йосун*, стоящими в местном падеже, например: *Ханипини мәжбури ҳалда Тохтиға четип қойди* 'Ханипе насильно обручили

с Тохты'; 5) сочетанием причастия на *-ған* (с вариантами) с послелогами *пети*, *бойи*, а также с аффиксом *-ча/-чә*, например: *Мәрийә қақахлап күлгән пети қачти* 'Мария, расхохотавшись, убежала'; *Хәнипиму күлгән бойи уни қоғлушуп кәтти* 'И Ханипе, смеясь, побежала вслед за нею'; *У жиғлиғанча талаға чиқти* 'Она, плача, вышла во двор'; *У бешини төвән салғиничә аста маңмақта* 'Он медленно шел, опустив голову'; 6) деепричастиями прошедшего времени на *-п/-ип*, например: *Орнидин етилип туруп оғлини қолиға алди* 'Сорвавшись с места, она взяла сына на руки'.

Косвенные дополнения выражаются именами в направительном или исходном падеже, например: *Муәллим балиларға уч дәптәрдин бәрди* 'Преподаватель роздал ребятам по три тетради'; *Түнүгүн йолдушумдин хәт алдим* 'Вчера я получил письмо от своего товарища'.

Прямое дополнение в уйгурском языке выступает в форме основного и в форме винительного падежа. Древнейшая и основная для тюркских языков форма связи — примыкание, не требующая никакого морфологического оформления первого компонента, предопределила форму сочетания прямого дополнения с управляющим глаголом-сказуемым. В предложениях *Акисидин хәвәр болмиди* 'От старшего брата не было известий'; *Авут Ибраһим ға икки чинә чай кәлтүрди* 'Авут принес Ибрагиму две чашки чаю' прямые дополнения, расположенные непосредственно перед управляющими глаголами, выступают в форме основного падежа. При перемещении прямого дополнения в более отдаленную позицию от управляющего глагола возникает необходимость в морфологическом оформлении, и дополнение, как правило, оформляется аффиксом винительного падежа; например, в предложениях *Саламни маңа бәрди* 'Он поздоровался со мной' (ср.: *У маңа салам бәрди* 'Он поздоровался со мной'); *Җавапни йенидики алтун чишлик киши бәрди* 'Ответил рядом сидящий человек с золотыми зубами' перемещение прямого дополнения влечет за собой необходимость его морфологического оформления. В форме винительного падежа обычно выступают прямые дополнения с развернутым определением, достаточно определяющим его, например: *Дуканда кона кийим кейгән бир кишини көрди* 'Он увидел в лавке человека в старой (поношенной) одежде'; *У хотуниға йолдики вәқиләрни сөзләп бәрди* 'Он рассказал своей жене происшедшее с ним в дороге'; *Қазақ қизлири әнә шундақ чәбдәс жигитләрни йахши көруду* 'Казахские девушки

любят таких ловких юношей'. В форме винительного падежа выступают и прямые дополнения, на которые падает логическое ударение, несмотря на то что они располагаются непосредственно перед управляющими глаголами.

Однородные члены предложения, как и во всех других тюркских языках, могут оформляться каждый в отдельности, но наиболее характерным, однако, является оформление морфологическими показателями только последнего из ряда однородных членов, например: *Мәшрәпкә йаш, қери, әр, айал вә балилар қатнашиду* 'В вечеринке принимают участие молодежь, старики, мужчины, женщины и дети' (аффикс множественного числа *-лар* присоединен к последнему из однородных подлежащих); *Диханчилиқ, орманчилиқ, чарвачилиқта техиму чоң утуқларға егә болайли* 'Добьемся еще больших успехов в сельском и лесном хозяйстве и в животноводстве' (аффикс местного падежа *-та* присоединен к последнему из однородных членов предложения). В предложении с однородными сказуемыми полное оформление также получает только последнее из их числа, все же остальные выступают в форме деепричастия прошедшего времени, например: *Әпәнди бир жили кочида тинәп жүргән бир қойни өйигә елип кирип сойуп йегән екән* 'И вот однажды Эпанди загнал к себе домой заблудившуюся овцу, зарезал ее и съел'. Для разговорной речи и языка художественных произведений наиболее характерным является оформление аффиксами лица и времени каждого из однородных сказуемых: *Қиз йәнә қайтип кирди вә йанчуғидин бир парчә қәғәзни чиқирип униңға сунди* 'Девочка снова вошла и, достав клочок бумаги из кармана, протянула ей' (однородные сказуемые *кирди* и *сунди* выступают здесь в форме прошедшего категорического времени и соединены между собой союзом *вә* 'и').

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

По цели и характеру (эмоциональной окраске) высказывания предложения делятся на повествовательные, восклицательные, побудительные и вопросительные.

Повествовательные предложения бывают нераспространенными и распространенными. В связи с существованием грамматического выражения подлежащего в структуре глагола-сказуемого безличные предложения из уйгурского синтаксиса полностью исключены. Для языка прессы, художественной и политической литературы характерны распространенные и

сложные предложения. Разговорная речь, напротив, характеризуется простыми по форме конструкциями.

Восклицательные предложения выражают обычно одобрение, неодобрение, восхищение, возмущение, которые передаются посредством интонации, а также путем присоединения специальных частиц: *«Чирайлиқ кечә ҳә!» — деди Ибраҳим* 'Ибрагим сказал: «Какая замечательная ночь!»'; *Уйатсиз!* 'Бессовестный!'.

Побудительные предложения, формальным признаком которых является наличие так называемого повелительно-желательного наклонения, выражают оттенки желания, пожелания, повеления (сказуемое этих предложений выражается для 2-го и 3-го лица формами повелительного и для 1-го лица формами желательного наклонений), например: *Бу китапни оқуң* 'Почитайте эту книгу'; *Дәптәрлириңларни елиңлар* 'Возьмите свои тетради'; *Әртә кәлсун* 'Пусть приходит завтра' и т. д. Побудительные предложения особенно широко используются в лозунгах и заголовках, содержащих призывы: *Милләтләр иттипақини күчәйтәйли* 'Укрепим союз между национальностями'; *Йәрлик санаәтни тез риважландурайли* 'Быстро разовьем местную промышленность'.

В вопросительных предложениях в уйгурском языке используется вопросительная частица *му*, располагающаяся после слова, к которому относится вопрос: *Бу дәптәр му?* 'Это тетрадь?'; *Йолдушуң муәллим му?* 'Твой товарищ преподаватель?'. Вербальные вопросительные предложения, в которых вопрос относится к сказуемому, строятся с учетом образования вопросительной формы различных времен, как это показано в разделе «Морфология».

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложносочиненные предложения образуются при помощи сочинительных союзов (*вә* 'и', *лекин* 'однако', *амма* 'но', *брақ* 'однако'), а также путем оформления сказуемого первого предложения деепричастием прошедшего времени на *-п/-ип*, например: *Көзгә қараңғулуқ қеқилди вә қол-пути титрәшкә башлиди* 'В глазах у нее потемнело, и у нее задрожали руки и ноги'; *Патимә хәт йазмиди, амма Сәмәт униңға ишинатти* 'Фатима не писала писем, но Самет был уверен в ней'; *Күз келип Ибраҳим акиниң өйини хошаллиқ қаплиди* 'Наступила осень, и дом Ибрагима-аки наполнился радостью'.

Сложноподчиненные предложения. Проблема сложноподчиненных предложений в тюркских языках является

ся сложной и спорной. Расхождения в основном сводятся к вопросу о критериях выделения придаточных предложений. Некоторые тюркологи основным критерием придаточных предложений выдвигают обязательное наличие в них сказуемого в личной глагольной форме[5]. Другая часть тюркологов придерживается того мнения, что причастные, деепричастные и глагольно-именные формы обладают предикативностью и способностью выступать в качестве сказуемых придаточных предложений[6]. Опираясь на возможность выражения субъекта действия посредством категории принадлежности и на существование достаточно стройной и строгой системы построения предложений в уйгурском языке, мы присоединяемся к последней точке зрения, сторонники которой признают наличие в тюркских языках придаточных предложений.

Придаточные предложения в сложноподчиненном предложении (за исключением заимствованных конструкций) всегда находятся в препозиции к главному и вводятся посредством причастий и имен действия на *-ш/-иш*, реже *-мақ/-мәк*, оформленных падежными аффиксами. Передача придаточных предложений через глагольные имена (причастия и имена действия) возможна благодаря двойственности свойств последних. Будучи глагольными образованиями, они сохраняют за собой как морфологические, так и синтаксические свойства глагола (например, управление). В то же время они обладают свойствами имен (склонение, категория числа, категория принадлежности). В некоторых случаях субъект действия выражен в самом причастии: *Айал болғунум үчүн 3 фуң бериштн* 'Из-за того, что я женщина, они мне уплатили 3 фына'. Временные значения при этом в каждом отдельном случае передаются по-разному: в определительных придаточных предложениях в связи со все возрастающей абстрактностью значения причастий на *-ған* время чаще всего передается лексическими средствами; в придаточных предложениях времени временно́е значение причастий дополняется при помощи послелогов, в условных и дополнительных придаточных предложениях — различными временны́ми формами причастий и условного наклонения, например: *Сизиң ейтқанлириңизни таза ойлидуқ* 'Мы много думали о том, о чем Вы рассказали'; *Бу икки кишиниң қачан келидиғанлиғини сориди* 'Он спросил, когда придут эти два человека'. Причинные пред-

---

[5] См., например, М. Ш. Ширалиев, *Сложноподчинённое предложение в азербайджанском языке*,—«Вопросы языкознания», 1956, № 1.

[6] См. Н. З. Гаджиева, *Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках*,—«Вопросы языкознания», 1957, № 3.

ложения, например, выражаются при помощи послелогов или исходного падежа: *Путумда өтүк болғанлиқтин уни салғичә от қаплап кәтти* 'Так как на ногах у меня были сапоги, то пока я их снял, ноги охватил огонь'. При выражении придаточных предложений времени используются локативные падежи: *У ишсиз қалғанда хошнилар униңға пул өтнә берип туратти* 'Когда он оставался без работы, соседи давали ему в долг деньги'.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА НА УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

ئۇچرۇشۇش

كەچ مەزگىلى ئۇرۇمچى كوچىلىرىنى تاماشا قىلماقتىمەن. كوچىنىڭ ئېرىقى دوخمۇشىدىن بىر كىشى كوزىنى مېنىڭدىن ئۇزمەي قاراپ كېلىۋاتىدۇ. مەن ئوزەمنىڭ تۇرقۇمىدىن قورقۇنۇپ چاپانلىرىمنى قېقىشتۇرۇپ، قولاقچامنى تۇزەۋەرەك كىيىپمۇ ئالدىم. قىزىرىپ كەتتىم ئېتىمالىم، پۇتۇن بەدەنلىرىم ئوت ئېلىپ يېنىۋاتقاندەك بولدى. «نىمانچە قارايدىغاندۇ، بۇ ئادەم»

نامەلۇم كىشى ماڭا يېقىنلىشىپ كېلىۋاتىدۇ. تېخىچە مېنىڭدىن كوزىنى ئالمىغىنى يوق. ئۇنىڭ چىرايىدا يېقىن كەلگەنسېرى قىزىرىپ كۇلۇمسىرەش ئالامىتى پەيدا بولدى. ماڭا ئۇ ئەندى يېنىمدا. ئۇ ماڭا قول ئۇزۇتۇپ: «سىز مېنى ياخشى تونالمايۋاتسىز ھە؟» ــ دېدى

(«ئادەم» ,1959 ,№ 9)

Учрушуш

*Кәч мәзгили. Урумчи кочилирини тамаша қилмақтимән. Кочиниң нериқи дохмушидин бир киши көзини мениңдин үзмәй қарап келиватидур. Мән өзәмниң туркумдин қорқунуп чапанлиримни қекиштуруп қуд

ПЕРЕВОД

Встреча

Вечер (вечерняя пора). Брожу по улицам Урумчи. С противоположной стороны улицы идет, не отрывая от меня взгляда, какой-то человек. Обеспокоившись за свой внешний вид, я одернул на себе одежду и поправил шапку. Видимо, я даже покраснел. Меня бросило в жар. «Интересно, почему этот человек так смотрит на меня?» Неизвестный подходит все ближе и ближе и все еще не отрывает от меня взгляда. По мере приближения ко мне лицо его расплывается в улыбке. Вот он подошел вплотную и, протягивая руку, сказал: «Вы, кажется, не узнаете меня, да?»

СЛОВА И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ

چەچ *кәч* 'вечер'.

مەزگىل *мәзгил* 'период', 'время', 'пора'; چەچ مەزگىلى *кәч мәзгили* 'вечернее время'.

ئۈرۈمچى *Урумчи* — название города.

كوچا *коча* 'улица'; ئۈرومچى كوچىلىرى *Урумчи кочилири* 'улицы Урумчи'; в тексте употреблено в форме вин. падежа.

تاماشا *тамаша* 'гуляние', 'созерцание', 'прогулка'.

قىلماق *қилмақ* 'делать'; تاماشا قىلماق *тамаша қилмақ* 'созерцать', 'прогуливаться'.

نېرى *нери* 'по ту сторону', 'за', 'вне', 'туда'; نېرىقى *нериқи* 'дальний'.

دوخموش *дохмуш* 'угол'; كوچىنىڭ دوخموشى *кочиниң дохмуши* 'угол улицы'; в тексте употреблено в форме исх. падежа.

بىر *бир* 'один'.

كىشى *киши* 'человек'; بىر كىشى *бир киши* 'кто-то'.

كۆز *көз* 'глаз'; كۆزى *көзи* 'его глаз'; 'свой глаз'; в тексте употреблено в форме вин. падежа.

مەن *мән* 'я'; مېنىڭ *мениң* — форма род. пад.; مېنىڭدىن *мениңдин* — форма исх. падежа.

ئۈزمەك *үзмәк* 'оторвать'; ئۈزمەى *үзмәй* — отрицат. форма деепричастия наст.-буд. времени.

قارىماق *қаримақ* 'смотреть'; قاراپ *қарап* — форма деепричастия прошедшего времени.

كەلمەك *кәлмәк* 'приходить'; كېلىۋاتىدۇ *келиватиду* — форма наст. времени данного момента.

ئۆز *өз* 'сам', 'свой'; ئۆزەم *өзәм* 'я сам'; ئۆزەمنىڭ *өзәмниң* — форма род. падежа.

ئۇرۇق *туруқ* 'вид'; ئۇرقۇم — *туруқум* 'мой вид'; ئۆزەمنىڭ ئۇرقۇمدىن *өзәмниң туруқумдин* — форма исх. падежа.

قورقماق *қорқмақ* 'бояться'; قورقۇنماق *қорқунмақ* — форма страдат.-возвр. залога; قورقۇنۇپ *қорқунуп* — форма деепричастия прошедшего времени.

چاپان *чапан* 'халат', 'верхняя одежда'; چاپانلار *чапанлар* — форма мн. числа; چاپانلىرىم *чапанлирим* 'мои одежды'; چاپانلىرىمنى *чапанлиримни* — форма вин. падежа.

قاقماق *қақмақ* 'стряхнуть'; قېقىشماق *қеқишмақ* — форма взаимн.-совм. залога; قېقىشتۇرماق *қеқиштурмақ* — форма понуд. залога; قېقىشتۇروپ *қеқиштуруп* — форма деепричастия прошедшего времени.

قۇلاقچە *қулақча* 'шапка', 'шапка-ушанка'; قۇلاقچام *қулақчам* 'моя шапка'; قۇلاقچامنى *қулақчамни* — форма вин. падежа.

تۈزىمەك *тузимәк* 'поправлять', 'выравнивать'; تۈزەپ *тузәп* — форма деепричастия прошедшего времени; تۈزەۋېرەك *тузәврәк* 'слегка подправляя'.

كىيمەك *киймәк* 'надевать'; كىيىپ *кийип* — форма деепричастия прошедшего времени.

مۇ *му* — соединительно-усилительная частица.

ئالماق *алмақ* 'брать', 'получать'; كىيىپمۇ ئالماق *кийипму алмақ* 'надеть на себя'; ئالدىم *алдим* — форма прош. времени 1-го л. ед. числа.

قىزارماق *қизармақ* 'краснеть'; قىزىرىپ *қизирип* — форма деепричастия прошедшего времени.

كەتمەك *кәтмәк* 'уходить', 'уезжать'; كەتتىم *кәттим* — форма прош. времени 1-го лица ед. числа; قىزىرىپ كەتمەك *қизирип кәтмәк* 'краснеть', 'покраснеть' (мгновенность).

ئېتىمالىم *етималим* 'может быть', 'возможно'.

پۈتۈن *пүтүн* 'весь', 'всё'.

بەدەن *бәдән* 'тело'; بەدەنلەر *бәдәнләр* — форма мн. числа; پۈتۈن بەدەنلىرىم *пүтүн бәдәнлирим* 'все мое тело'.

ئوت *от* 'огонь'; ئوت ئالماق *от алмақ* 'гореть', 'загораться'.

يانماق *йанмақ* 'гореть'; يېنىۋاتقان *йениватқан* — форма прич. на-

стоящего времени; يېنىۋاتقاندەك *йениватқандәк* 'словно горящий'.

بولماق *болмақ* 'быть', 'становиться'; بولدى *болди* — форма прош. времени 3-го лица ед. и мн. числа.

نىمانچە||نېمە ئانچە *нимә анчә* 'почему так?'

قارىماق *қаримақ* 'смотреть'; قارايدىغان *қарайдиған* — форма прич. наст. буд. времени; قارايدىغاندۇ *қарайдиғанду* — форма наст. времени

بۇ *бу* 'этот'.

ئادەم *адәм* 'человек'.

مەلۇم *мәлум* 'известный'; نامەلۇم *намәлум* 'неизвестный'.

مەن *мән* 'я'; ماڭا *маңа* — форма направит. падежа.

يېقىن *йеқин* 'близкий'; يېقىنلاشماق *йеқинлашмақ* 'приближаться'; يېقىنلىشىپ *йеқинлишип* — форма деепричастия прошедшего времени.

تېخى *техи* 'еще'; تېخىچە *техичә* 'все еще'.

ئالماق *алмақ* 'брать', 'получать'; ئالغان *алған* — форма прич. прош. времени; ئالغىنى يوق *алғини йоқ* 'он не брал';

كۆزىنى ئالغىنى يوق *көзини алғини йоқ* 'он не отрывал своих глаз'.

ئۇ *у* 'он'; ئۇنىڭ *униң* — форма род. падежа.

چىراى *чирай* 'лицо', 'физиономия'; چىرايى ئۇنىڭ *униң чирайи* 'его лицо'; چىرايىدا ئۇنىڭ *униң чирайида* — форма местн. падежа.

كەلمەك *кәлмәк* 'приходить', 'приезжать'; كەلگەن *кәлгән* — форма прич. прош. времени; كەلگەنسېرى *кәлгәнсери* 'по мере приближения'.

كۈلمەك *күлмәк* 'смеяться'; كۈلۈمسىرىمەك *күлүмсиримәк* 'улыбаться'; كۈلۈمسىرەش *күлүмсирәш* 'улыбка'.

ئالامەت *аламәт* 'знак', 'признак'; ئالامىتى كۈلۈمسىرەش *күлүмсирәш аламити* 'след улыбки'.

پەيدا *пәйда* 'появление', 'возникновение'; پەيدا بولماق *пәйда болмақ* 'возникать', 'появляться'.

مانا *мана* 'вот'.

ئەندى *әнди* 'теперь'.

يان *йан* 'бок'; يېنىم *йеним* 'мой бок'; يېنىمدا *йенимда* — форма местн. падежа.

قول *қол* 'рука'.

ئۇزاتماق *узатмақ* 'протягивать'.

سىز *сиз* 'Вы'.

مەن *мән* 'я'; مېنى *мени* — форма вин. падежа.

ياخشى *йахши* 'хорошо', 'хороший'.

تونۇماق *тонумақ* 'узнавать'; تونالماق *тоналмақ* 'быть в состоянии узнать'; تونالمايۋاتسىز *тоналмайватисиз* — отрицат. форма наст. времени данного момента от формы возможности.

دېمەك *демәк* 'говорить', 'сказать'; دېدى *деди* — форма прош. времени 3-го лица.

ھە *хә* 'да', 'по-видимому', 'кажется'.

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков Н. А. и Насилов В. М., *Уйгурско-русский словарь*, М., 1939.
Боровков А. И., *Учебник уйгурского языка*, Л., 1935.
Дмитриев Н. К., *Грамматика башкирского языка*, М., 1948.
Дмитриев Н. К., *Строй турецкого языка*, Л., 1939.
«Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. *Фонетика*, М., 1955; ч. II. *Морфология*, М. 1956.
Кононов А. Н., *Грамматика узбекского языка*, Ташкент, 1948.
Малов С. Е., *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.
Насилов В. М., *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940.
Шахиди Бурхан, *Уйгурско-китайско-русский словарь*, Пекин, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение 7
Лексика 16
Фонетика 32
Вокализм 32
Консонантизм 33
Сингармонизм 35
Прогрессивная ассимиляция гласных 36
Регрессивная ассимиляция гласных 37
Явление редукции 39
Чередования согласных 41
Частные случаи изменения корня 42
Стяжение 43
Наращение согласных 45
Слог 45
Ударение 46
Морфология 48
Слово и его развитие 48
Категория числа 51
Категория сказуемости 52
Категория принадлежности 54
Категория падежа 56
Послелоги 62
Служебные имена 66
Части речи 67
Имя существительное 68
Имя прилагательное 69
Наречие 72
Имя числительное 74
Местоимение 76
Глагол 83
Союзы и союзные слова 102
Частицы 102
Словообразование 103
Синтаксис 115
Предложение 115
Форма связи слов 115
Члены предложения 119
Типы предложения 123
Сложное предложение 124
Приложения 127
Образец текста на уйгурском языке 127
Перевод 128
Слова и лексико-грамматические комментарии к тексту 128
Литература 131

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	6 св.	XII в.	XIII в.
78	26 св.	*ош*	*ош*)
121	1 »	я пойду к	я пойду к ним!'
136	5 »	Топорков	Топоров

Эмир Наджипович Наджип

СОВРЕМЕННЫЙ УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Г. Ф. Благова*
и В. Д. Артамошина
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технические редакторы *Л. Т. Цизельман* и *Л. Ш. Береславская*
Корректор *М. И. Штемпель*

*

Сдано в набор 27/VI 1960 г.
Подписано к печати 8/XII 1960 г.
А-07437. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 8,5
Уч.-изд. л. 7,37 Тираж 1500 экз. Зак. 1479
Цена 4 р. 70 к. С 1/I 1961 г. цена 47 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Н. А. Баскаков. Тюркские языки. 248 стр. Цена в переплете 12 р. 50 к.

Г. А. Зограф. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. 136 стр. Цена 4 р. 25 к.

Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. 104 стр. Цена 3 р. 70 к.

А. А. Керимова. Говор таджиков Бухары. 164 стр. Цена 5 р. 50 к.

Т. Т. Мхитарян. Фонетика вьетнамского языка. 140 стр. Цена 9 р.

Е. М. Быкова. Подлежащее и сказуемое в современном бенгальском языке. 152 стр. Цена 5 р. 25 к.

Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования. 248 стр. Цена в переплете р.

М. Г. Прядохин. Пособие по изучению нового китайского фонетического алфавита. 22 стр. Цена 1 р.

Н. И. Фельдман. Японский язык. 96 стр. Цена 3 р. 50 к.

Г. П. Сердюченко. Китайская письменность и ее реформа. 56 стр. Цена 1 р. 50 к.

Н. В. Юшманов. Строй амхарского языка. 50 стр. Цена 1 р. 75 к.

Р. А. Аганин. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. 144 стр. Цена 4 р.

Ю. Н. Мазур. Корейский язык. 118 стр. Цена 4 р.

Ю. А. Рубинчик. Современный персидский язык. 140 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. С. Теселкин, Н. Ф. Алиева. Индонезийский язык. 60 стр. Цена 3 р.

В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. 88 стр. Цена 3 р.